

Матвей Полушкин

В гостях у немцев

Переписка трёх не очень благодарных стипендиатов
одного очень демократического фонда ФРГ

Москва
Русская школа
2020

П53

П53 Полушкин М. В гостях у немцев.
М.: Русская школа, 2020. 150 с.

ISBN 978-5-91696-063-1

©Полушкин М. текст, оформление, 2020
©Издательство «Русская школа»

Предисловие

Электронные носители информации и мобильные средства связи уничтожили веками существовавшие до них социальные реалии, а вместе с ними – и культурную почву, питавшую эпистолярный жанр литературы. Это случилось в конце XX столетия. Спасибо научно-техническому прогрессу. Подозрительное совпадение: примерно в то же время развалилась и наша великая держава. Спасибо её первому президенту. Должно быть, фантомные боли по прекрасному в утраченном старом побуждают меня находить безобразное в новом. Поэтому я ворошу прошлое.

Предлагаемая читателю книга по содержанию – документ поздней советской эпохи и одновременно эпитафия ей, по форме же – экспонат незримого литературного музея с табличкой «эпистолярный жанр». Переписка трёх коллег-гуманитариев на стажировке в ФРГ имеет документальную основу, опирается на хронологически выверенную реально-историческую канву событий. Не трудно догадаться, что при этом у неё мемуарный, или, лучше сказать, парамемуарный характер.

1990-й год. Объявлен конец «холодной войны». Германия «объединяется». «Железный занавес» рушится. В стране развитого «капитализма» «простые» советские учёные испытывают «культурный шок». Целительное средство находят в переписке, изливая друг другу души. Каждый по-своему ощущает и осмысливает удар от столкновения с чужой цивилизацией. Миллениалам и читателям более юного возраста поясню: молодые учёные не только обмениваются информацией, полезной для работы и приятной для жизни. Они откровенно делятся личными переживаниями, настроениями, размышлениями. Их оценки часто негативны, зато искренни. Их суждения иногда ложны, зато интеллектуально честны. Они стремятся возвыситься духом над жизненными трудностями и, испытав переворот в ценностях, преодолевают душевный кризис.

Имена здравствующих ныне людей, ставших прототипами образов главных героев, изменены, как изменены либо сокращены до одной буквы имена многих действующих лиц. В ряде мест автор в чём-то сгустил краски, в чём-то их разбавил, о чём-то умолчал, а что-то и присочинил. Но без этого никак... Sapiienti sat.

*Матвей Полушкин
Москва
15.12.19*

Глава 1.

Разность потенциалов

Билефельд
03.03.1990

Дорогой Саша!

Полагаю, что тебя несколько шокировало мое исчезновение с вокзала, а посылка с вещами, но без письма не способствовала повышению настроения. Хочу извиниться перед тобой и объясниться.

Что касается последнего, т. е. посылки, я не вложил в нее письмо, потому что не успел его написать. А почта от меня далеко, и надо было спешить, чтобы ты успел все-таки передать Сафинову эти очень важные для меня вещи.

Но почему же я исчез? Да потому, что, стоя на платформе, я увидел, что прибывающий поезд “Мейстерзингеры” (кстати, “Интерсити”) следует тем же маршрутом – до Ганновера через Билефельд. Получалось, что я уезжаю в подходящее для меня время, только на другом поезде. Я несколько раз отчаянно повертел головой, пытаюсь тебя увидеть, и тут мои размышления прервал кондуктор. Он спросил меня, хочу ли я садиться, и, получив утвердительный ответ, помог мне поднять вещи в вагон (!).

Так все и решилось. Думаю, в конечном счете это было неплохо и для тебя: бог знает, сколько еще могла опаздывать “Валгалла”. Где-то в Дортмунде в купе зашли две пожилые дамы, уверявшие – если я их правильно понял – что они, собственно, и хотели уехать на “Валгалле”, но ближайшим поездом оказался вот этот, а больше, как сказали им в справочном бюро, ничего в обозримом будущем не предвиделось. Так что прождать мы могли бы еще долго, и это сильно ударило бы и по твоим нервам, и по здоровью. (Надеюсь, тебе стало хоть немного лучше.)

Мне повезло. В купе со мной оказались довольно приятные люди. Полдороги мне рассказывала разные разности болтливая немолодая немка, а потом подседа весьма благородного вида супружеская чета, тоже пожилые люди, направлявшиеся куда-то в далекий город, с пересадками на деловую встречу в банк. Когда поезд подходил к Билефельду,

все они очень сочувственно следили за моими перемещениями с багажом. И в критический момент, когда я уже совершенно запутался в моих чемоданах и сумках, в тамбуре вдруг появился пожилой господин и со словами “Хочу помочь студенту” (меня еще можно принять за студента?) стал подавать мои неподъемные вещи.

Билефельд встретил меня совершенно отвратной погодой и отсутствием лифта на вокзале (как быстро привыкаешь к хорошему!). Лифт я потом обнаружил. Он находится на первой платформе, а мы приехали ко второй. Кое-как добрался до такси и через полчаса был на месте. Живописность места не поддается описанию. Это район вроде того, где находится наше посольство в Бонне, только не такой фешенебельный. Есть несколько роскошных особняков, но преимущественно дома старые. Моя хозяйка имеет полдома, причем нумерация обеих половин раздельная: мой дом 9c, а соседние полдома – уже 9d.

Собственно, все оказалось не совсем так, как говорила фрау Тиль. Во-первых, это не дом, где сдаются комнаты, а просто жилье большой семьи. Во-вторых, нотариус – не эта дама, а ее муж. Еще у них есть дети, две девочки. Одна кончает гимназию, другая – где-то лет 13-ти. В-третьих, француженка – это не еще одна жиличка, а сама дама. Отсюда ее странное для немецкого уха имя – Клотильда. До меня здесь жила – и, видимо, очень долго – японка. В общем это не какое-то предприятие по сдаче жилья, а просто небольшой приварок достаточно благополучной, но отнюдь не утопающей в роскоши семьи. Попал я сюда по чистой случайности. Клотильда – а общаюсь я именно с ней, мужа почти не бывает дома (он не только нотариус, но и адвокат, и очень много работает) – так вот, Клотильда – домохозяйка. Иногда она подрабатывает (уроками французского и еще чем-то), поэтому она и вошла в контакт с иностранным отделом университета. Так я сюда залетел. Я уже был в университете и видел объявления: ситуация с жильем здесь аховая. Просят за комнату 500 марок. Видимо, и считается неплохо. Это подтверждает и хозяйка. Я сказал ей, что когда для моего коллеги искали комнату, то находили только за 550. И она ответила, что да, жилье в Билефельде – проблема, и квартиросдатчики этим пользуются, однако их цены “некорректны”.

Так что я имею за мои 280 марок? Комната чуть меньше, чем в “Бонн-Апарт’е”. Кровать, шкаф, стол, крошечный журнально-телевизорный столик, стул и кресло. И еще нечто вроде этажерки. Мебель старая, 50-х годов. Поэтому я чувствую себя уютно. Находится комната на третьем этаже. Из нее ведут две двери. Одна в кухню, кото-

рая принадлежит только мне (из кухни небольшая дверка ведет еще в холодную кладовку), другая – в маленькую прихожую. В прихожей еще три двери: на лестницу, в две другие комнаты, которые сейчас закрыты, и в душ с туалетом. Пока что я пользуюсь сантехникой один, но хозяйка предупредила, что у них бывают гости. Две закрытые комнаты для них и предназначены. Если у них останутся гости, я буду делить с ними сантехнику. Но наличие кухни все испускает. Она большая и полностью оборудованная: стол, плита, посуда. Вчера вечером хозяин, пытаясь, затащил наверх холодильник.

Район, действительно, очень тихий. В окно смотрит ель, в двух шагах – зоопарк с оленями, кабанами и прочей живностью. Вчера я хотел угостить хлебом оленя, но он не подошел к кормушке. Тогда я отдал хлеб лошади. Она не привередничала, все съела. Я был счастлив. Местность холмистая, красивая.

Все это были плюсы. А теперь – минусы.

Начнем с того, что рядом нет магазинов. Вообще. Продукты надо таскать издалека. Вчера я тащил их из центра и чуть не сдох.

Университет совсем не близко. То есть он недалеко, но добираться до него надо через гору. Это хорошо в ясную погоду и не каждый день. А на автобусе надо ехать с пересадкой. Поездка туда и обратно стоит в общей сложности 6 марок, а за проездной (самый дешевый) надо платить 57 марок.

Далее, как я сказал, и почта, и центр вообще как-то менее доступны, чем в Бонне.

Вообще, Билефельд гораздо проще, чем Бонн. Есть здесь и роскошные дома, и шикарные магазины, но их не так много, как в Бонне (не говоря уже о Кёльне и Дюссельдорфе). И жизнь здесь дороже. Пока мне трудно это доказать, но кажется, все товары стоят на десяток-другой пфеннигов больше. Я говорю об обычных продуктах питания, которые мы каждый день покупали в “Хите”. Не нашел я пока и ничего, сравнимого с “Хитом”. Вчера я провел час в подвальном этаже большого (громадного!) универмага, пытаюсь купить себе продовольствие по потребности и средствам. Ведь до понедельника ничего нигде не купишь, или придется потерять полдня, чего я, конечно, позволить себе не могу.

Книжные магазины здесь тоже несравнимы с Боннскими. В университете лавка маленькая и сравнительно бедная.

Так что совершенства в мире нет. Я много приобрел, но и потерял немало. Из приобретений главное – библиотека. Ты ее знаешь, поэтому

я ничего не буду тебе рассказывать, кроме одного, очень существенного. Она работает ежедневно с 8 утра до 1 часу ночи. По субботам и воскресеньям – до 22 часов. Это фантастика!

Теперь о важном. Я зарезервировал себе место на 24 марта. Душа у меня беспокойна, потому что мне достался вагон № 252. Это какой-то сомнительный поезд. Он проходит Билефельд в 1-31 ночи, а спальные вагоны от него перецепляют потом на экспресс “Восток-Запад”, т.е. на 15-й поезд и, следовательно, в Москве он будет в то же время. Сам же экспресс приходит в Билефельд на полчаса позже. Значит, вагон его где-то дожидается. Как представлю, что надо ночью метаться по платформе с телевизором в поисках вагона № 252 – а поезд стоит 2 минуты, – так сердце падает.

Кстати, телевизор дошел раньше меня. Я приехал, а он уже стоит, родимый. В полном порядке! Хорошо, что поверил фрау Тиль и послал его почтой. Не могу представить себе подобное у нас.

Правда, японка тоже купила себе здесь телевизор – черно-белый – и, уезжая, оставила вместе с пылесосом. Так что после возвращения из Москвы будет что смотреть. Вот и все мои дела. Надеюсь, что отношения с хозяевами у меня сложатся, и ты сможешь сюда заехать. Но это – дело будущего.

По поводу дюссельдорфской встречи: думаю, 11-00 – время подходящее как для меня, так и для и тебя.

До следующего письма.

Всего доброго.

Филипп.

Бонн

8.03.1990

Дорогой Филипп!

Твое таинственное исчезновение меня, конечно, смутило. По правде говоря, я разозлился. В самом деле, провожаешь человека, забыв о своей высокой температуре, отходишь на минутку в туалет, а человек бесследно исчезает... Обидно! Кстати, я почти выздоровел. Ладно, что было – то было. Забудем.

Спасибо тебе за большое письмо. Постараюсь ответить так же, т. е., тем же.

Начну с того, что все мои потуги выпросить у фонда более высокую стипендию, соответствующую кандидатской степени, оказались тщетными. Фрау Тиль категорически отказала. По правилам фонда, после утверждения степени ВАКом должны были пройти два года. Я натравил на Тиль Фехнера, но тот не смог ничего сделать. А я надеялся... Что ж, придется мириться со стипендией в 1500 марок в месяц, из которых 200 сразу высчитываются в страховку, а 700 уходит на жилье в “Бонн-Апарт’е”. Ты прав, нет в мире совершенства. Нет в нем и справедливости. Ты платишь всего 280 марок в месяц за жилье, получая 2500! Ладно, не буду гневить бога. Я сам виноват – затянул защиту.

Посылку твою передал. Сафинову на Западе очень нравится. Доволен. Все норовит подвести немцев под известные стереотипы – “чистота”, “пунктуальность”, “аккуратность”, и т.п. А когда видит, что в действительности все не так, говорит: “Немцы какие-то ненастоящие”. Выходит, больше половины немцев в Германии ненастоящие, потому что не все колбасники, аптекари, банкиры и вояки.

Между тем, наш вечер в Кёльнской пивной имел для меня неожиданное неприятное продолжение. Проводив тебя на следующее утро с Боннского вокзала, я обнаружил, что у меня исчез паспорт. Я его потерял! Можешь представить себе мое состояние?! Тяжелое похмелье, высокая температура, ты бесследно исчез и – самое страшное, что только может быть за границей: паспорт утерян... Врагу не пожелаю такого. Очень мне было плохо. Но я взял себя в руки и поехал в Кёльн – к нашим, на симпозиум. (Слава богу, Вернер нанял профессиональных синхронистов, так что мы с Петькой были избавлены от перевода выступлений; зато в кулуарах, за едой, на выездах и т. д. нас эксплуатировали нещадно). Ехал в поезде и гадал, что мне скажут в посольстве, когда узнают о потере паспорта. Неужели придется возвращаться на родину? В одночасье все планы на будущее полетели в тартарары...

Прихожу на симпозиум, а там уже перерыв после первого доклада. Навстречу Фехнер с чашечкой кофе. Смотрит на меня выпученными глазами. Спрашивает: “Как дела?” “Нормально”. “Да?” – “Да”. “Что-то ты плохо выглядишь”, продолжает он, а сам все таращит на меня глаза. Я объясняю: “Так, мол, и так: мы с Филиппом пригласили вчера нашего старшего коллегу попить пива, сегодня утром провожал Филиппа в Билефельд, да и простудился где-то...” “А ты ничего не потерял?”, спрашивает он. С чего бы, думаю, ему спрашивать? И вдруг с ужасом догадываюсь: он знает! Но откуда? “Паспорт”, выдавливаю я. “Сейчас

подойдет Эмма, – говорит Фехнер, – и даст тебе адрес человека, который его нашел”.

Нет, невозможно передать чувства, которые я в тот момент испытал! Наверно, что-то вроде счастья... Мой паспорт нашел хозяин пивной, когда убирал помещение. Спасли меня три вещи. Во-первых, хозяин оказался человеком не жадным, и не клюнул на 150 марок, которые были в паспорте. Во-вторых, сказал он, «мне стало Вас жалко, когда я подумал, какие неприятности ожидают советского гражданина, потерявшего свой паспорт за границей». В-третьих, в нем было удостоверение больного сахарным диабетом, а там указан телефон человека, к которому следует обращаться в случае, если больной где-то на улице потеряет сознание, – телефон Фехнера. Ему-то рано утром хозяин пивной и позвонил. (Вернер был в Кёльне, но секретарша разыскала его здесь по телефону).

Удивлен? Не знал, что у меня сахарный диабет? Ты, наверное, думаешь: как же тогда Томилин медкомиссию прошел? Может быть, у него мочу на сахар не проверяли?

Проверяли. Не нашли. Потому что никакого диабета у меня нету.

Как-то шел я по подземному переходу от Боннского вокзала в центр города. Навстречу – три симпатичные девчонки. Что-то быстро лопочут, улыбаются. Я растерялся, позволил затащить себя в маленькую стеклянную кабинку, тут же в переходе. Усадили меня за столик, начали спрашивать о здоровье. Я говорю, что практически здоров, только близорукость замучила. Они посмеялись, заполнили какое-то маленькое желтенькое удостоверение и торжественно мне вручили. Зачем – не знаю. Я им четко сказал: ни одним из хронических заболеваний, указанных в удостоверении, не страдаю. Должно быть, глядя на мой внешний вид, они в этом усомнились. А может быть, в ФРГ, как и у нас, начальству очки втирают?

Наверное, надо было дать хорошие деньги хозяину пивной. Я предложил ему 20 марок. Он отказался. Я сказал спасибо и был таков.

Ну а теперь о другом, не самом веселом. Я понимаю, почему ты не участвовал в Кёльнском мероприятии, и уважаю твой выбор. Надеюсь, ты тоже понимаешь, почему мы с Петькой не могли не принять в нем участия. Кёльнский симпозиум – итоговая часть советско-западногерманской научной программы, в рамках которой я, ты и Петька проходим сейчас стажировки. Собственно, из-за нее, а лучше сказать – благодаря лично Фехнеру, мы здесь. Зачем я об этом пишу? Мне показалось, что ты очень уж резко отказался от участия в симпозиуме, обидев этим Фехнера. Я как со-организатор симпозиума твой отказ переживу, хотя –

не скрою – надеялся видеть тебя среди участников. Но ты и меня пойми: не хочу, чтобы между вами пробежала чёрная кошка.

Я знаю, что ты, в отличие от меня и Петьки, всегда был в стороне от политики. Каждому – свое. Но здесь, по-моему, не политика, а просто человеческие отношения и связи. Лично я испытываю к Вернеру чувство благодарности. Он много сделал для нас – пригласил в ФРГ на целый год. Впрочем, ваши отношения с ним – это ваше дело. Я закрываю эту щекотливую тему. Надеюсь, ты меня правильно понял.

Не хочу, чтобы между нами было что-то недосказанное. Ты не поверишь, но факт есть факт. Я в КПСС не рвался. Но вступил. Многие удивлялись, как мне это удалось. А всё очень просто. Год назад секретарь партбюро сам предложил мне вступить в партию. (Это в нашем-то идеологическом институте, где некоторые годами стоит в очереди на прием в ряды “политического авангарда”!). Уверен: если бы я отказался, то скоро стал бы жертвой кампании по сокращению кадров. Но я принял это решение, не только чтобы спасти свою шкуру (карьеру-то я никогда не делал, ты знаешь). Кое-что изменилось с приходом к власти Горбачева. У нас появился исторический шанс.

Сейчас можно и нужно пересадить достижения западногерманской демократии на нашу посттоталитарную почву. Зачем открывать велосипед? Немцы здесь преуспели. Для меня лозунг Горбачева “Больше демократии – больше социализма” означает только то, что мы должны демократизировать общественные отношения. Причем не на словах, а на деле. А сначала надо заложить для них прочный правовой фундамент, наподобие немецких законов. Вот почему мне, как и всем остальным, важно увидеть, как эти законы работают на практике.

Фехнер организовал экскурсию на фирму “Рассельштайн”. Она имеет предприятия под Андернахом и Нойвидом. Занимается изготовлением жестяных изделий, главным образом пивных банок. На нас одели защитные каски, показали производственные цеха, профессиональное училище, а затем устроили встречу с активом из совета предприятия. Переводили мы с Петькой. После экскурсии нам всем подарили фирменные жестяные подносы. (Сафиров вцепился в поднос, как ястреб в ласточку, и сказал: “Всё потом забудется, а поднос останется”).

Работает ли немецкая производственная демократия на практике? Ты знаешь, судя по всему, работает. Но первые впечатления, – а их у меня масса – какие-то смешанные. Рассказывать можно долго и много. Но это далеко от твоих интересов. Скажу самое главное, может быть, отчасти крамольное.

Я все время переводил, и мои собственные впечатления от этого как бы затуманились. С одной стороны, можно было гордиться своей миссией. По сути я был посредником между двумя цивилизациями как раз в тот момент, когда они снова пошли навстречу друг другу. Не знаю почему, но мне все время казалось, что наши задают немцам какие-то нелепые, дурацкие вопросы. Я несколько раз призывал себя быть скромней. Дураков среди наших не было, факт: пять докторов наук, трое – кандидаты. Однако меня всё время распирало чувство, будто я знаю то, чего не знает никто. В голове у меня застряла, как заноза, одна мысль: «Неужели из-за рациональной организации общества самый тупой немец может быть умнее самого умного русского?». Да, многие вопросы у наших отпали бы сами собой, если бы они знали реалии западногерманской жизни, а главное – законы, регулирующие отношения труда и капитала. Но почти все наши в ФРГ были впервые, немецкого языка никто не знал. А на перевод немецких законов уйдут годы! (Написал и призадумался: а их вообще-то будут когда-нибудь переводить?)

Вопросы наших были чересчур абстрактными. Немцы их даже не сразу понимали. Нет, не потому, что они тупые. Вовсе нет! Просто им было невдомёк, почему их вообще об этом спрашивают. Видно, ожидали от русских интереса к чему-то более конкретному – к их личному повседневному труду, возможностям повышать квалификацию, правам рабочих на предприятии, гарантиям отдыха и т. п. Их вопросы к нашим почти всегда касались именно этого. А наши хотели несчастных немцев пожалеть, причем всех вместе, – за то, что они рабочие. Всё искали у них “больные места” и никак не могли найти. В результате наши выглядели как-то глупо. В подтексте их вопросов угадывалось классовое сочувствие, типа: “как же нещадно вас, бедных, эксплуатируют эти проклятые капиталисты?!” А у немцев настрой был совсем другим, если не сказать противоположным. Это наших смущало, но до сознания доходило не сразу. Рабочие были довольны тем, что, попав на “Рассельштайн”, они благополучно устроили свою жизнь. Было видно, что за свои места они цепко держатся, фирме желают всяческого процветания, а ее владельцу – многие лета. “Да, некоторые проблемы есть, но мы их решаем и, может быть, уже завтра решим” – вот лейтмотив их ответов.

Во всем этом был какой-то элемент профанации. Может быть, немцы и не кривили душой, отвечая на вопросы, но они явно чего-то недоговаривали. Они не хотели выносить сор из избы, как сделал бы любой работяга на нашем заводе из ненависти к “начальству”. Я убедился на

собственном опыте: “классовый мир” – не “идеологический миф”, а реальная проблема. (Позитивного она свойства или нет – другой вопрос). По-моему, в так называемом “реальном социализме” классового мира меньше, чем в капиталистической ФРГ. Да и вообще, получается прямо по Горбачеву: раз здесь больше демократии, подкреплённой действующим правом, стало быть, и социализма больше. Наверное, это – главное, что я вынес из экскурсии по предприятию.

После обеда в заводской столовой (наших рабочих бы так кормили!) мы поехали во Франкфурт-на-Майне. Разместились в гостинице недалеко от вокзала. Вечером, когда уже стемнело, отправились гулять по городу. Он показался нам мрачноватым и неудобным. На следующий день, когда Фехнер привел нас в центр города, где много небоскребов и есть пешеходная зона, Франкфурт произвел другое, более выигрышное впечатление.

С утра мы отправились в “ИГ Металл”. Центральное правление этого мощного профсоюза разместилось в высоченном здании. Его интерьер напомнил мне коридоры нашей власти, в частности, ВЦСПС (где я был однажды). Обитатели правления тоже чем-то смахивали на наших профсоюзных мандаринов и партийных боссов. Импозантные, холодно-вежливые господа в шикарных костюмах, неотразимо роскошные дамы (тема для отдельного письма). Правда, Ханс Регнер из международного отдела, с которым Фехнер устроил нам встречу, мне лично понравился. Он начал с того, что признался: в студенческие годы был таким леваком, что левее некуда, но потом остепенился и вот теперь сидит здесь, как настоящий бюрократ, в костюме с галстуком (и галстук пальцем показал – вот он дескать, мой ошейник). Симпатичный мужик. Что-то в нем сохранилось простое, своё, наше. По-моему, он поддаёт.

На следующий день мы поехали в Дюссельдорф. Посетили там профсоюзный фонд им. Бёклера, что рядом с главным вокзалом. Выглядел этот фонд весьма скромно, ничем особенно не запомнился (как и сухая беседа с одним из его сотрудников). Надо сказать, все наши устали, вопросов было немного. После официальной части побродили пешком по городу и вернулись в Кёльн.

В предпоследний день Вернер порадовал нас экскурсией – уже не деловой, а туристической. На двух мини-автобусах мы отправились сначала в Бад-Мюнстерайфель, а из него в Ахен. Не берусь описывать красоты этих городов – их надо видеть. Я много фотографировал. Надеюсь, у меня еще будет возможность показать тебе снимки. Оба города хороши по-своему. Ахен древний и “римский” (основан римлянами), Бад-

Мюнстерайфель – сказочно-романтический, совсем игрушечный городок!

Возможно, я бы рассказал тебе о предотъездной суете нашей делегации, но утомился писать. Помимо прочего, все купили переносные телевизоры с экраном 14 дюймов. Мне пришлось тащить один (услужил Надеждиной) до Франкфуртского аэропорта. Помог Сафирову выбрать в магазине двухкассетник. В общем, пока добрались до аэропорта, нам с Петькой пришлось попотеть и понервничать. Все-таки 10 человек, и у каждого целая гора вещей – как своих, так и накопленных. Никто ничего не соображает, все орут, обязательно кто-то чего-то теряет... В общем, испытание не для слабонервных. Сафиров закатил истерику из-за того, что не получил по *Ausfuhrbescheinigung Mehrwertsteuer* за двухкассетник. Оказывается, вместе с этой бумагой в специально отведенном помещении надо предъявлять сами купленные вещи. А двухкассетник у Сафирова был в чемодане, который он сразу сдал в багаж.

Но это было еще не самое плохое из того, что случилось с Сафировым. На следующий день я позвонил домой и узнал от мамы, что у него в “Шереметьево-2” пропал чемодан! Там, как известно, воруют. Сафирову сказали, что его чемодан якобы “не дошел”. Наверное, украли. Мое письмо он вез в сумке. Интересно, где он вез твою посылку?

Теперь об отъезде в Москву на симпозиум. Я купил билет на 24-е число, в тот же вагон, что и ты. Поедем вместе. Посылай паспорт, как хотел, съезжу с ним в посольство.

Я тут кое-что выяснил. Фрау Эрлих, замещающая на время отпуска фрау Тиль, сказала мне, что обо всех наших поездках за пределы ФРГ, фонд должен быть поставлен в известность. Тогда на время нашего отсутствия они приостановят стажировку, выплату страховки (вместе с выплатой стипендии), а потом продлят ее на это же время. Если срок пребывания за границей не превышает недели, то всех этих формальностей не требуется. О наших планах я ей ничего не сказал.

Да, чуть не забыл. Как договаривались, я позвонил нашему немецкому коллеге из Дюссельдорфского университета. Подтвердил, что приедем с тобой 21-го, в среду. Сказал ему: в 11-00 мы будем стоять на выходе из вокзала. Обещал встретить. Скорей всего, Б. приедет лично.

Пока.

Саша.

Билефельд
14.03.90

Дорогой Саша!

Вчера вечером я отправил тебе по почте паспорт, а сегодня утром получил твое письмо и оттиск статьи F. Я даже не могу сказать, что меня больше обрадовало. Скорее, все-таки письмо. Ибо я тут почти в полной изоляции, и ощущение нашего продолжающегося контакта очень важно, так сказать, для психического здоровья. Опишу тебе все по порядку.

9-го марта я позвонил домой и узнал, что Сафилов ничего не привез. Слов нет, как я расстроился. Ведь я послал пакет на следующий день по прибытии в Билефельд, утром, из университета (там есть почта). И единственное, что я мог предположить, это то, что пакет потерялся на почте, как это нередко у нас бывает. И от тебя не было никаких вестей. Грех сказать, а и не признаться не могу: что-то скверное у меня с языка срывалось. Благо, было это в одиночестве. Так сказать, разговор человека со своею душой. Одновременно я был обескуражен тем, что где-то застряли бумаги на стипендию, которые по идее должны были быть на этой неделе. Причем на почте (а до нее от моего дома идти и идти) мне дали полный отлуп, сказав, что для переживаний нет никаких оснований.

Так что твое письмо я воспринял как событие необычайное, я бы сказал, судьбоносное. Сначала на меня снизошло спокойствие, а потом, читая твое письмо, я разволновался. Спокойствие, потому что Bundespost подтвердила свою репутацию и, хоть и с опозданием, но в Москве от меня получают все, что надо. А разволновался я волей-неволей из-за твоих рассказов. То, что твои обстоятельства были, действительно, пиковые, из письма следует со всей очевидностью. У меня претензий нет. Скорее, я очень сочувствую тебе, ибо по сравнению с тем, что ты пережил во время этой конференции, моя жизнь напоминает свободное парение плейбоя в комфорте и неге. (Хотя, конечно, по сравнению с жизнью настоящего плейбоя, я могу сойти и за труженика). Особенно опасна была потеря паспорта. Тебе чертовски повезло. Немного я тебе и завидую: ты увидел, судя по всему, прелестные немецкие городки как раз в моем вкусе, пообщался с очень разнообразной публикой и посетил фонд, о котором я вообще впервые слышу.

Мои отношения с Фехнером – это, действительно, мое дело. Но я признателен тебе, так сказать, за третейское участие. Я, разумеется, не

хотел обидеть Фехнера. Ты прав, когда пишешь, что он для нас много сделал. Я, как и ты, благодарен ему за все. Правда, и ты знаешь это не хуже меня, я не рвался за рубеж. Не верил, что пустят. Фехнер сам меня выбрал, настоял, чтобы поехал именно я, а не Губин. Когда он спросил, чем я намерен заниматься в ФРГ, я ему откровенно сказал, чем. Так что перед ним я морально чист и каких-либо угрызений совести не испытываю.

О твоём вступлении в партию я вот что скажу (откровенность за откровенность): если бы мне предложили, как тебе, я бы не отказался – вступил бы. Возможно, из тех же соображений, что и ты. Но мне никто ничего не предлагал и не предложит, потому что я – еврей. А самому добиваться, тратить нервы и драгоценное время на такое дело не хочется. Проживу как-нибудь и так.

Твои политические ориентации, равно как и твой исторический оптимизм, я, по правде сказать, не разделяю. Поначалу, в 1987-88 гг., надежды были и у меня. “Гласность”, – это, конечно, хорошо. Ну, дали волю языку. Помнишь, как мы – я, ты и Капустин – ходили в клуб “Перестройка”, как мы тогда резали правду-матку на лекциях по линии общества “Знание”? Ну и что? Запомнилась мне реакция на нашу лекцию одной женщины с МПШО “Черемушки”: “Бог ты мой, если б я знала, что наверху такие гады, что все так воруют, давно бы сама начала воровать. Сама о себе не подумает, никто о тебе не позаботится. Никому мы, честные труженики, не нужны!”. Поэтому для меня большой вопрос: что такое перестройка на деле, а не на словах? По-моему, это что-то очень мутное. Никто не просчитывает дальше одного-двух ходов вперед. Только богу известно, к чему эта перестройка приведет. Как бы не стало хуже. Пока всё, что делают Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и “прорабы перестройки” помельче, выглядит как-то сомнительно. Впрочем, поживем, увидим.

Интересно, что за приборы купили наши орлы: я имею в виду марку телевизора и тот двухкассетник, который купил Сафилов. Жаль, конечно, что он не получил своих 18 марок, но если его хрустальная мечта сбудется, и он начнет разъезжать по Европам, то еще не раз с улыбкой вспомнит об этой сумме, а если даже и нет, то все равно ничего страшного. У моего отца в США украли вообще все деньги – и ничего. Не пойму я, как это – “чемодан не дошел”? Телевизор-то дошел? Аналогичный случай был, когда мы возвращались из Англии. У одной из наших женщин куда-то делся чемодан. Но потом, говорят, нашелся. Будем надеяться, и тут обойдется. Иначе это было бы совсем жестоко.

Немного о моей жизни. Ну, во-первых, ты был все-таки отчасти прав, говоря о том, что Билефельд – не последний город в Германии. Просто я еще не успел побывать в центре, когда писал тебе первое письмо. А потом побывал. Это какой-то ужас: магазины, магазины... На крошечном пяточке теснятся пять роскошнейших и большущих универмагов. Один – кошмарных размеров “Хортон” с пассажем. Другой, поменьше, но посolidней – “Карштадт”. Тут же – “Лефферз” и еще два каких-то. Я их почти не изучил, некогда. Вообще, одному не так интересно. И денег нет. Все это не для меня.

В телевизиорном магазине – опять-таки громадном, шикарном – телевизоры какой-то неведомой для меня фирмы “Универсум” и ее же видеомагнитофоны. Другие марки тоже есть, но они представлены не в таком количестве. Что это за фирма? Ты не слышал? Компьютеры, какие мне нравятся, есть, но дорогие – дороже тех, что мы видели в Кёльне, минимум на 1000 марок. Это не шутка. Это горькая правда. Нашел я и большой книжный магазин, но все-таки боннский “Бувьё” больше. А дешевых распродаж здесь я что-то не вижу.

Вообще, тут нет ничего дешевого. Столица, Саша, – это везде столица. А в Билефельде живут, не считая студентов, преимущественно благополучные, состоятельные люди. Мое впечатление, что все продукты здесь немного дороже, подтвердилось. Наверное, самый показательный пример – наш с тобой любимый шоколад “Риттершпорт”. Цена – 0,99 здесь не встречается. Самое меньшее – 1,19 в “Хортоне”. В торговом центре около университета (никакого сравнения с Боннским “Хитом”) – 1,29. А в автомате в самом университете – 1,59 (вспомни: в автомате нашего фонда он стоил 0,89). Но здесь нет моих любимых хлопьев фирмы “Кёлльн”, что меня крайне огорчает. То есть, они есть, но не те. Все заполнено продукцией местной фирмы “Доктор Откер”. Этот “доктор”, давно почивший в бозе, – главная персона Билефельда. Я живу неподалеку от его заводов, от которых в ветреную погоду доносится запах, как в Москве – с кондитерской фабрики “Красный Октябрь”. Есть еще выставочный зал “Откер-Халле”, недалеко от университета и т. д. Одним словом, кормилец.

Я бы тут загнулся, если бы не хозяйка. Мало того, что она дала мне кучу полезных советов, так еще и заботится обо мне. Несколько дней назад она пригласила меня на ужин в теннисный клуб, членом которого является ее муж. Там прекрасная кухня и повар-француз, что для нее очень важно. Муж ее увлекается теннисом и даже знаком с Андреем Чесноковым, который несколько лет назад приезжал сюда играть. Он

также пировал с немецкой теннисной командой в Мюнхене, а в ноябре впервые собирается в Москву смотреть соревнования.

Как ты понимаешь, это совершенно не мой круг, и поначалу я чувствовал себя скованно среди этих преуспевающих господ. Рядом со мной был еще судья, университетский профессор-физик и какие-то богатые старики. Ужин как таковой отсутствовал. Это была дегустация вина “Бордо”, коего шесть разных видов нам и подносили после небольшой лекции. Пища была лишь как закуска. Ну, сказать, что после шестого “Бордо” я чувствовал себя скованно, не могу. Этого не было. Вино хорошее, что и говорить. Правда, хозяйка морщилась и утверждала, что сама она из Бургундии, и тамошнее вино, не в пример Бордо, качественнее. Но я отнесся к этому спокойно. Всего не узнаешь. Под конец вечера мы слегка сцепились с судьей насчет преимуществ юриспруденции перед социологией, а богатые старики, излив мне свою любовь к России и воспоминания о том, как они хорошо туда съездили, изъявили желание непременно повести меня в здешнюю оперу. Я думал, что это забудется, но нет: сегодня хозяйка передала мне, что в апреле я получу приглашение от одной из присутствовавших на дегустации старушек.

Зато в университете я пребываю пока в полном одиночестве. Никаких контактов. Только библиотека. Она ошеломляет. Для тебя это, впрочем, не новость, но не знаю, сколько раз ты в ней был. Каталог здесь на микрофишах. Заходить и заниматься можно без всякого билета во все фонды, а чтобы брать книги домой, надо иметь билет. Домой можно брать многое, хоть и не все. Билет выдают по паспорту с полицейским подтверждением: мол, господин Радецкий проживает там-то. У меня он есть, и, таким образом, вся библиотека моя. В каждом зале – копировальные аппараты. Покупаешь карточку на определенное число копий и копируешь все, что нужно. Стоимость примерно такая: 220 копий – 20 марок и т.д. до 550 копий. Но я могу что-то и перепутать, так как сам еще не пробовал. Не пробовал я и библиотечный компьютер. Вернее, пробовал, но он мне ничего не показал. Даже не стал работать. Мне тут еще многому предстоит научиться.

Однако не все так здорово и с библиотекой. Точнее говоря, не только восторги я в ней испытал, но и разочарования. Во-первых, нескольких важных для меня книг не оказалось на месте, а некоторых тут вообще нет, хотя, например, они есть в “Ленинке” и в ИНИОНе. Во-вторых, и это главное, я понял, как малы были мои познания при написании монографии. Ну что мне теперь делать?! Разве только расширить биб-

лиографию. Но и это – полуобман, потому что книжек этих в Союзе нет. Так на кой черт и для кого их указывать? А я все равно уже не успеваю их прочитать. Грустно. Что-то мне, конечно, удастся прочитать, но мало!

Видимо, это пока все.

Да, о нашей поездке в Москву: мы едем не просто в одном вагоне, но, возможно, в соседних купе (если не в одном и том же). Надеюсь, ты пободришься пару с половиной часов до Билефельда? Тогда мы еще успеем перекинуться парой слов. Но до 1.30 тебя, пожалуй, сморит. Тогда поговорим на следующий день.

Написал я это и подумал: а на какое число у тебя билет? Если, как ты пишешь, на 24-е, то увы. На 24-е билет у меня, ты-то должен был взять на 23-е: ведь через 2,5 часа будет уже новый день. Если так, то я приеду в Москву на день раньше.

Относительно извещения фрау Эрлих. Я думаю, о нашей поездке в Москву нам лучше помалкивать. Со стипендии нас, надеюсь, не снимут, даже если узнают. А кроме того, по-моему, им глубоко наплевать. Вот если мы поставим их в известность, тогда, конечно, им надо будет реагировать: предпринимать какие-то действия, что-то там приостанавливать, продлевать и т. д. А на нет – и суда нет. И даже если они что-то разнохают, можно сказать, что в Москве мы были меньше недели, а это, согласно той же фрау Эрлих, никакого оформления не требует. Хозяйку я все же предупредил: у меня с ней не такие отношения, чтобы просто исчезнуть и все. С другой стороны, просить ее не выдавать меня, я тоже не могу. Поэтому какая-то доля риска тут все же есть, и прокол возможен. Но лучше рискнуть.

Я звонил нашим в институт: обратные билеты из Москвы для нас готовы. Это точно.

Проявил слайды. Кое-что получилось. Самые приличные кадры я отдам сделать в оправу, а ты потом решишь, стоит ли из них делать фото.

Вот и все. До встречи.

Филипп.

Бонн
16.03.90

Дорогой Филипп Аркадьевич!

Посылаю тебе твой паспорт, готовый к употреблению. Ж. без разговоров проставил нам новый “выезд до...”. К сожалению, относительно даты моего билета на поезд ты оказался прав. Я банально ошибся. Досадно.

По-моему, ты там в Билефельде неплохо устроился. А своим жильем я не очень доволен. Пенять мне не на кого – сам такое нашел. Когда я сообщил фрау Тиль, что у меня новое место жительства, она искренне изумилась такой прыти. “Как же Вы его нашли?!” “Через газету объявлений ‘Анонсе’”. “А Вы быстро у нас освоились, господин Томилин!” Но когда она стала расспрашивать о разных мелочах быта, выражение ее лица изменилось. Она попросила телефон хозяина и при мне ему позвонила. Сказано было мало, но эффект от её звонка, по-моему, большой. Фрау Тиль дала знать херру Шриллеру, что за его жильцом стоит организация, которая своих в обиду не даст.

Перед уходом в отпуск (она будет лазить по вершинам Альп) фрау Тиль сказала, что после возвращения найдет мне жилье, “достойное стипендиата нашего фонда”. Посмотрим. Конечно, в “Бонн-Апарт’е” было куда лучше. Зато теперь я трачу на жилье в два раза меньше. 350 марок для меня большие деньги.

Я мало рассказывал о своем жилье, потому как, честно говоря, хвататься нечем. Больше всего досаждают тонкие стены комнаты. Через них все слышно. Комната квадратная, одна стена с большим окном, которое выходит на голый стриженный газон. К сожалению, штор нет, и когда тут намедни распогодилось, семейство хозяина – он сам, его жена и взрослый сын (здоровенный рыжий детина лет 30-ти с вечной ухмылкой на лице) – пару раз выходили на лужайку, ставили стол, стулья, ели, пили, грелись на солнышке. (Летом, наверное, будут загорать). За противоположной стенкой, у которой стоит кровать, находится туалет, но не мой, а хозяйский. Стоит ли описывать волнующее очарование доносящихся оттуда звуков?! А я должен подниматься в туалет и в ванную комнату на второй этаж. Туда ведёт крутая узкая скрипучая лестница. У меня свой ключ от туалета и ванной. Я долго ломал голову: зачем? Понял, когда увидел, что не один тут снимаю жилье. На втором этаже в четырех крошечных комнатках живут другие жильцы – мягко говоря, небогатые (одного из них, встретив на улице, я принял за бомжа).

Но самая “плохая” стена – да это и не стена, а какая-то фанерная перегородка – та, что отделяет мою комнату от хозяйской. Каждый вечер там работает телевизор. Впечатление такое, будто он в моей комнате. Домохозяева – люди простые и за телевизором частенько потягивают пиво, судя по тому, как в течение вечера их голоса постепенно становятся все громче, а беседа все оживленнее. Потом обычно завязывается спор отца с сыном, который, правда, всегда кончается миром, но только после резкого вмешательства хозяйки. Заниматься невозможно: очень трудно сосредоточиться. Иногда меня охватывает бешенство. Хочется запустить в стену табуретом или заорать изо всей силы матом. Пока держусь, но что будет дальше, не знаю.

В комнате у меня есть небольшой холодильник, продавленный диван, стол (не письменный), два стула и низенький шкаф с пронзительно визжащими дверцами. Я купил себе маленькую настольную лампу, чтобы можно было нормально читать и писать.

Другая проблема: холодно. Почему-то не работает центральное отопление. Наверное, хозяин решил, что в марте топить не нужно. Днем, может быть, и не нужно, но по ночам холодно. Дело еще в том, что у меня нет теплого одеяла, и я укрываюсь дубленкой, купленной по дешевке через “Анонсе”. В комнате у меня, разумеется, нет никакой кухни, поэтому готовить не просто. Но я все равно готовлю, в основном разогреваю. Ем консервы, супы из пакетика на первое и “5 Minuten Terrine” на второе. Стараюсь покупать овощи (кольраби) и фрукты (бананы). Иногда обедаю в фонде, а бывает, перекусываю в городе.

Живу я на правой стороне Рейна, в районе Oberkassel. Но Рейна не видно, от него до меня сравнительно далеко. Зато метро близко – станция «Oberkassel-Nord». Возможно, ты уже обратил внимание: улица, на которой я живу, образно характеризует положение, в которое я попал: «Rauchlochweg».

После твоего отъезда я реже стал выезжать в центр Бонна. В основном читаю – либо в библиотеке фонда, либо дома. Библиотека, конечно, не такая, как в Билефельдском университете, но интересных книг по моей теме, которых я не читал, здесь достаточно. Как стипендиат имею право бесплатно копировать, сколько захочу. Сначала я набросился на это занятие, но потом смекнул, что мне просто физически не поднять и не увезти домой всего, что хочу скопировать. Библиотека фонда славится в Германии своими архивами. Жаль, что большинство из них – не по моей теме.

Надо признаться, после твоего отъезда стало скучновато. Особенно я почувствовал это, когда пришел в себя после конференции. Наверное,

ты удивишься, но я уже с ностальгией вспоминаю те полтора месяца, когда мы все трое – я, ты и Петька – жили в Tannenbusch'е, в “Bonn-Apparte”. Вспоминаю наши первые впечатления. Пока мы были вместе, пока шла конференция, я не чувствовал одиночества. Наоборот, хотелось съехать из дорогих апартаментов не только в целях экономии, но и чтобы уединиться.

Дело в том, что Петька стал меня донимать. О твоей аллергии на эту колоритную личность я знаю. Аллергия на него есть теперь и у меня... Признайся: ты, наверное, нас с ним на одну доску ставишь? И, наверное, давно? Не ставь, Филипп, не надо. Мы с ним очень разные люди. Хотя вместе пили не раз, отрицать не буду.

Петька, действительно, может быть очень назойливым. Беда в том, что сам он этого не понимает. Как ребенок, этот наш комсомольский вожак. *Enfant terrible*. Когда я с ним общаюсь, во мне борются две противоположных эмоции – сострадание и брезгливость, иногда отвращение. Бывает, он достанет меня так, что я его прибить готов. Спорим, чуть на крик не срываемся. В ответ на его русофильскую трепотню я нарочно несу какую-нибудь русофобскую чушь. Это его доводит до истерики. А бывает, что он вызывает у меня искреннюю жалость. Если бы не его пристрастие к выпивке, с ним можно было бы, наверное, ладить. Ведь он – неглупый малый. Если посмотреть объективно: знает три языка, классный переводчик с немецкого. Ты знаешь, я отнюдь не враг бутылки, но так пить, как Петька, я не то чтобы не хочу, я просто не могу – организм не выдерживает.

Кстати, Петька тоже покинул “Bonn-Apparte”. Фрау Тиль подыскала ему где-то в богатом Bad-Godesberg'е маленькую квартиру-мансарду за 450 марок. Он в общем доволен, но как-то критически отзывается о хозяевах. Впрочем, планирует на пару месяцев уехать из Бонна в Саарбрюккен к Кронеру. Так что скоро и его здесь не будет.

Ты пишешь, что у тебя в университете пока нет никаких контактов. Наверняка скоро появятся. Хотя с немцами непросто общаться. Дело не в том, что они неконтактные. Наоборот, на контакт идут и с большим интересом. Но сами человеческие отношения не такие, к каким мы привыкли в нашей стране. Их начинка, образно говоря, суховата и жестковата: зубов не сломаешь, но радости мало. С их-то стороны все нормально, они от тебя не дистанцируются. А нам кажется: по усам текло, да в рот не попало – ни то, ни се. Впечатление сродни тому, что я получил от одного “потрясающего” (как мне сказали) немецкого торта. Его вкуса я так и не разобрал. Кажется, он был чуть солоноват. Но точно не сладкий.

Впрочем, немцы хороши в деле. Работать с ними в кайф. Можно поспорить о пресловутой немецкой пунктуальности, точности, надежности, основательности и т. д. Послевоенное поколение еще хранит эти качества, но более поздние поколения, тем паче зеленая молодежь, кажется, не очень-то стремятся подражать своим отцам и дедам. Петька считает, западных немцев испортили американцы. Нацию, говорит, раскупорили, разгерметизировали, так что она испустила свой истинно германский дух. Немцы стали демократичными, либеральными – и размягчились, расслабились (особенно молодые). У меня на этот счет есть собственные размышления. Поделюсь с тобой, когда они примут более или менее законченный вид.

Посылаю тебе пакет от F.

Все хочу у тебя спросить, купаешься ли ты в университетском бассейне?

На этом останавливаюсь и желаю тебе всего доброго.

A.T.

P.S. Вспомнил, что ты просил меня купить в посольстве сигарет. Я купил тебе блок “Мальборо”. Захватчу с собой в Дюссельдорф. Там и рассчитаемся.

Билефельд
18.03.90

Здравствуй, дорогой Александр Иванович!

Спасибо тебе за паспорт. Ты сильно меня утешил. А родители мои были просто в панике, что я в чужой стране посылаю почтой свой “серпастый-молоткастый”. Спасибо и за сигареты. Ничего в них не понимаю, но думаю, что ты сделал правильный выбор. Помнится, в посольском магазинчике они значительно дешевле. Ну, а что лучше советских, это несомненно.

Возможно, по возвращении из Москвы тебе стоит поискать новое жилье. Понимаю, как это непросто. Но плохо устроенный быт способен осложнить жизнь еще больше.

Твои наблюдения о немцах любопытны. В чем-то они совпадают с моими, в чем-то нет. Как правило, немцы холодноваты и суховаты. Русские могут задушить в восторженных объятиях. Они могут так нагреть своей сердечной теплотой, что мало не покажется. Меня, например,

очень утомляют душевные излияния в институте. Никаких запретных тем, ничего святого – какой-то коллективный психологический эксгибиционизм. Болтают обо всем и обо всех. Домой приходишь после этого разбитый, выжатый, как лимон, хотя ничего особенного не сделал. Куда ушло время и силы – непонятно.

Общение с немцами иное. У меня его не так много. Но я вижу, как они общаются друг с другом. Они знают меру и прежде всего думают о деле. Я бы не сказал, что они молчуны. В университете стоит несмолкающий гул – все говорят. А вот после разговора – даже более длинного, чем обычно, – кажется, будто недосказано больше, чем сказано. Не замечал? Правда, здесь я сам ощутил у себя тягу к нашей российской болтовне. Что ж, не удивительно: ведь я тут совсем один.

Жизнь моя постепенно входит в нормальное русло. Есть и небольшие успехи, есть и огорчения. К успехам (хотя моей заслуги тут нет) можно отнести ситуацию с хозяевами. Ибо, как мне кажется, они уже израсходовали на меня все, что я им заплатил в виде квартплаты. Вчера они возили меня в Мюнстер и там угощали. Не то чтобы они устраивали поездку ради меня. Просто сами решили проветриться. И меня с собой взяли.

Мюнстер очень красив. Это настоящий университетский город. Там студенты на улицах, в то время как в Билефельде (сам знаешь) – в самом университете, библиотеке и расположенных рядом общежитиях. Но одновременно Мюнстер – это служилый город. Там находится множество контор, все учреждения Вестфалии. Земля-то – Северный Рейн-Вестфалия, но есть еще и подразделение. Вот Мюнстер – это именно Вестфалия. Ранее он был мощной католической цитаделью. Промышленности в нем нет. Так что – и это чувствуется – город не “рабочий”, и на рабочих там ничего не рассчитано. Богатство так и прет. Понимать я всегда понимал, сколько ступеней богатства существует, но вот видеть это – совсем другое дело. Хозяева мои, как я рассказывал, совсем не бедные люди, но многие цены в Мюнстере для них были просто ошеломительны. Речь шла, правда, об антикварных часах, но ведь они не просто глазели – приценивались!

А вечером того же дня состоялся первый научный контакт. Между прочим, в какой-то пивнухе, отчего я сегодня не могу работать. Контакт этот у меня произошел с учеником Л. – доктором Б. Познакомился я с ним так. Набравшись смелости, я позвонил в бюро Л. этой самой фрау Шнайдер. Не знаю, как там фрау Фальк, о которой ты мне рассказывал, но фрау Шнайдер даст ей, думаю, немало очков вперед. Абсолютно же-

лезная баба. Ничего ей Л. обо мне не говорил, никаких телексов из Москвы она не получала (из издательства “Прогресс” должен был прийти телекс насчет разрешения на перевод статьи) и никаких контактов с профессорами на факультете она мне обеспечить не может. А вот обратись-ка ты, голубчик, к Б.. Он Л. хорошо знает.

И вот я в дурном расположении духа позвонил этому Б. и сказал, что писал, мол, диссертацию о Л., теперь вот перевожу и... Не дав мне договорить, он железным голосом заявил, что мы должны встретиться и пообедать и т. д., что вечером следующего дня он сам за мной заедет. После этого я ждал, что подкатит солидный дядя на сверкающем “Мерседесе”. Вместо этого прикатил молодой парень наших лет на велосипеде. И мы с ним быстро нашли общий язык.

Он объяснил мне, что на факультете Л. как бы аутсайдер, и особенно рассчитывать на взаимопонимание мне там не с кем. Но оказалось, что те, с кем он меня может свести (он назвал имена) это как раз те самые люди, с которыми я и хотел встретиться: Р., Т., Х., V. О Графрате Б. говорил очень недоброжелательно, об остальных (не называя имен) чуть ли не с презрением. И я могу его понять. На факультете – 25 кафедр. Большую часть из них возглавляют люди, мне совершенно неизвестные и, боюсь, не только мне. Достаточно сказать, что имени их нынешнего декана я не слышал никогда. А ведь я все-таки чего-то почитываю.

Сам Б. защитился у Л. четыре года назад, причем очень конкретно, исследовав с помощью его методологии феномены банковских операций и т. д. После чего он осуществил еще какой-то проект в этой же связи, а теперь выпускает вместе с Л. книгу по искусству (у него вся семья – архитекторы, он пишет об архитектуре, а Л. – об остальном искусстве). В общем, как он говорит, сейчас в ФРГ вдруг обнаружилось, что проблемы, о которых пишет Л., и его методология, попадают в самую сердцевину того, чем заняты искусствоведы, педагоги, историки, теологи, экономисты и т. д. На факультете Л. не более, чем терпят, а он, в свою очередь, на всех уже давно плюнул. И когда его спрашивают, почему он остается в Билефельде, отвечает, что здесь ему не мешают.

Л. далеко не так болен, как я опасался. С начала апреля он будет вести семинар на факультете. И я очень надеюсь на него попасть.

В бассейне я еще не плавал. Недосуг.

О грустном. Я очень хотел познакомиться с Р. Козеллеком, издателем словаря “Исторические категории”. Он как раз работал в Билефельде – увы, в прошлом. Когда ему стукнуло 65 лет, его вышвырнули

на пенсию. И он уехал в Берлин. Из Мюнстера по тем же обстоятельствам вышвырнули Блюменберга, – может быть, самого выдающегося по образованности гуманитария в современной Германии. Я был неприятно удивлен тем, что в Билефельдском университете нет даже намека на то, что его основал Шельски: ни памятной доски, ни аудитории его имени – ничего. Б. разъяснил мне, что стиль Билефельда – подчеркнутое отсутствие сентиментальности.

Надо сказать, что к самому Б. это относится не меньше, чем к фрау Шнайдер. Он – совершенно железный парень. Занимается дзюдо, жутко деловой и намерен провести годок в США, другой – в Японии. Сам он из Кёльна, в Билефельде уже 7 лет – и никаких перспектив с ним не связывает. Все это страшно любопытно, хотя и не вдохновляет. Но жизнь приходится принимать такой, какая она есть – к сожалению. От старой Германии осталось профессорское чванство, а вот научный дух в высшем смысле все-таки исчез. Как и у нас, все заполонили посредственные людишки, которые делают свой маленький научный гешефт. Может, это и к лучшему – лишь бы не было войны.

Спасибо тебе большое за пакет от Ф. Я как раз отправлял ему письмо, когда от тебя пришла почта. Его материалы мне очень пригодятся.

Сегодня звонил домой и узнал, что тяжело заболел отец – подхватил какую-то заразу, когда ездил в Среднюю Азию. Лежит теперь в больнице. Так что когда я сюда буду возвращаться – не знаю. Потратил на телефонный разговор с домом столько денег, что уже не стал звонить насчет симпозиума. Но думаю, не хрена наши не сделали. Работа над докладом идет у меня плохо. Почти не идет. Попытаюсь-таки отговорить Дронова от этой дурацкой идеи.

Начал за здоровье, а кончил за упокой. Извини.

Всех тебе благ.

Филипп.

Бонн

22.03.90

Дорогой Филипп!

Может быть, это письмо не успеет дойти до твоего отъезда, и ты прочтешь его только по возвращении из Москвы. Было бы жаль: ведь тогда у тебя будет совсем другое настроение. Но мне важно излить душу

именно сейчас, и я просто не могу не писать. Потом перегорю, и ты не узнаешь, что меня так сразило в Дюссельдорфе. Помнишь, ты сказал: переписка необходима для психического здоровья. Вот-вот! До Москвы письма идут недели три-четыре, и не всегда доходят. Ответ же поспекает через месяца полтора-два, многое за это время устаревает, происходит что-нибудь новое, и в результате теряется смысл переписки. Лучше звонить. Но это недешево. Так что благодарю бога – вернее, Bundespost – за то, что у нас есть возможность облегчить душу за 1 марку с гарантией стопроцентной доставки и полной конфиденциальности.

Последнее особенно ценно. Письма на родину я всегда пишу с учетом возможной перлюстрации. Слишком много фактов подтверждают эту позорную практику, чтобы элементарную осторожность принимать за мнительность на почве мании величия. Если переписываться внутри Москвы, то риск не исчезает, только снижается. Однако переписываться, живя в Москве, как-то нелепо. Здесь – совсем другое дело. Но я отвлекся. Перейду к главному.

Ты, помнится, удивился, что я так расстроился и скис перед лицом сверкающих витрин пассажа, богатых, здоровых, красивых женщин и мужчин, беседующих за чашечкой кофе и бокалом вина. Да, ты прав. Видел я такое и раньше, причем не раз. Просто вдруг случился какой-то обвал: копилось-копилось и прорвалось. Настоящий нервный срыв. Мне жаль, что он произошел, когда ты был рядом. Надеюсь, что на тебе он никак не отразился (если не считать испорченного настроения, хотя и ты был не очень-то весел). Прошу меня извинить и хочу сказать спасибо за твои ободряющие слова в тот момент.

На первый взгляд, все довольно просто: зависть к чужому богатству. Да, зависть есть. Отрицать не стану. Завидовал я и раньше. Позавидуешь-позавидуешь – и пройдет. С кем не бывает? Все мы люди, все мы человеки... Главное тут что-то другое, чего у меня раньше никогда не было. Я чувствую, что во мне, внутри моей души образовался яд, способный отравить мне всю жизнь. И боюсь, не только мою. Он буквально сочится, брызжет из меня, как из редкого гада, убивающего свою жертву на расстоянии. Никогда не думал, что со мной может случиться что-то подобное...

Немцы сами создали богатое свободное общество. Создали своим трудом, умом, волей, верой и т.д. Это их собственная заслуга. Правда, после войны им помогли американцы. (Нам и здесь не на кого пенять: сами отказались от плана Маршалла.) Не знаю, как насчет наших ветеранов, однако лично мне Германия ничего не должна. Это ясно, как

день. Конечно, если бы стипендия была больше этак на две-три тысячи марок, я бы ощущал себя, наверно, лучше. Но только мне кажется, что и этих денег было бы мало. Нет таких денег, которые бы компенсировали мне потерянные годы. Потеряны же они в том смысле, что я мог прожить их совсем иначе, я мог бы чувствовать, желать, мыслить по-другому, чем делал это на протяжении всей предшествующей жизни. Меня этого лишили, меня обманули. Кто? Немцы? Конечно, нет. Виной всему наши “строители коммунизма”, продолжатели дела Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Партократы хреновы!

И здесь в моем мозгу происходит странный сдвиг по фазе: я вроде понимаю, что немцы тут ни при чем, и я им только спасибо должен сказать за стипендию, по сути дела за подарок. Но когда я вижу их богатство, накапливаемое из поколения в поколение, их физическую породистость (следствие того же накопления, только здоровья), их спокойствие и прямо-таки детскую безмятежность (результат сорока лет правового государства) – когда я все это вижу, мне, как ни странно, кажется, будто именно они, немцы, лишили меня этой свободной и богатой жизни, отняли ее, присвоили себе, оставив меня с носом. Да, я знаю: трудно выдумать что-то более чудовищно лживое и неблагодарное, чем то, что я написал. Но клянусь тебе, эта зловещая иллюзия преследует меня, как мираж – пустынного странника.

Богатство, красота, свобода поначалу вызывали у меня естественное восхищение, даже восторг. Но потом во мне что-то надломилось, и я стал воспринимать реальность в ином свете. Хорошее стало казаться плохим – не потому, что оно само по себе плохое (ведь я же готов был урвать хоть маленький кусочек с роскошного стола на этом празднике жизни!), а потому что оно было несправедливо отнято у меня и отдано другим. А поскольку “другие” даже понятия не имели о моем существовании, и никого из них в отдельности я ни в чем конкретно обвинить не мог, то всё мое раздражение и ненависть направлялись не столько на людей, сколько на вещи.

Парадокс заключался в том, что вещи я начал одновременно любить и ненавидеть. Они стали предметом вожделения, целью маниакальной страсти, утолить которую, как я уже говорил, не смогли бы даже очень большие деньги. Как горе-ловелас ненавидит недоступных для него женщин, так я стал ненавидеть вещи, недоступные мне по цене. Чем выше их цена, тем большую ненависть они у меня вызывают. Уже один их вид для меня личное оскорбление. Каждая купленная мной вещь – не просто удовлетворенная потребность. Это боевой трофей, охотничья

добыча, спортивный рекорд! Сама по себе, попав в мои руки, она уже не так интересна, если вообще имеет отношение к реальной потребности. Однажды, купив вещь, – не буду говорить, какую именно, – я подумал: “А зачем она мне?”.

С тобой такого не случилось?

Каждая купленная здесь вещь – для меня успех, достижение в грандиозном предприятии, которое мое подсознание инициировало без санкции высшего органа, сознания. Вот почему здесь я и в средствах не очень-то разборчив, и со здравым смыслом не в ладах. Например, водку, черную икру, икону, пасхальные яйца и картины, которые контрабандой привез из Москвы, я продал дешевле, чем купил в Москве! Представляешь! Ты спросишь, какое такое предприятие я имею в виду?

Это самый трудный вопрос. Я долго ломал над ним голову, но до конца не уверен, что нашел правильный ответ. Он от меня ускользает! Поделюсь предположением. Оно может показаться бредовым, поэтому никому не говори. По-моему, речь идет о компенсации за тот моральный ущерб, который нанесло мне мое отсутствие в ФРГ, а точнее говоря, мое небытие в свободном мире. Это компенсация за всю мою прежнюю не-свободу.

Может быть, я говорю банальности, и то, о чем я пишу, знакомо тебе, как и всякому простому гражданину СССР, попавшему за рубеж. Не исключаю, что мои душевные излияния вызовут у тебя отторжение: ведь это и есть “душевный эксгибиционизм”, от него тебя тошнит. Просто мне очень надо высказаться. Что я могу сказать себе в оправдание? А вот что: я осмелился признаться в том, что многие чувствуют в той или иной мере. Но о чём стыдятся сказать – даже самим себе.

Глядя на мой кислый вид, ты недоумевал: “Не тебе, а мне бы впадать в уныние. Я за границей в первый раз. А ты уже год назад был здесь целый месяц”.

Да, был. Только совсем по-другому был. Я ведь почти не рассказывал об этом “блистательном турне”. А почему? Потому что о его внешней стороне Дронов уже рассказал на собрании сектора со свойственным ему красноречием. О внутренней начинке ни я, ни он и словом не обмолвились. Нет особого желания говорить и сейчас. Но кое-что я тебе расскажу. Надеюсь, останется между нами.

Месяц, в течение которого мы встретились и побеседовали с Л. в Билефельде, с Х. во Франкфурте, с П. во Фрайбурге, с Б. в Дюссельдорфе, с Ш. в Гёттингене, с Зиновьевым в Мюнхене, а кроме них еще с другими, – этот месяц я буду помнить до конца жизни. Он потребовал от меня

такого напряжения сил, что по возвращении я полтора месяца приходил в себя. Ты помнишь, я был на больничном.

Дело в том, что Дронов – наш ведущий специалист и несравненный критик всех и вся – немецким языком не владеет. Точнее говоря, он владеет им пассивно: читает и понимает со словарем, но не может на нем общаться. Понять, что говорят, и связать в предложение несколько слов – это для него проблема. Конечно, ничего ужасного тут нет. Не то чтобы Дронов это скрывал – просто не афишировал. Поскольку между нами была дистанция, какая всегда существует между учителем и учеником, он, видимо, постеснялся меня предупредить. Когда мы отправились за кордон, я был в полной уверенности, что еду не как переводчик, но, по крайней мере, как ассистент профессора. Я ошибался.

Вообще-то, я себя достаточно уважаю, чтобы считать тем, кто есть на самом деле. Ведь это я организовал сложнейшее турне. Я имею в виду подготовку поездки с советской стороны. Все остальное с немецкой стороны сделал Фехнер. Конечно, первая скрипка в планировании встреч по праву принадлежала Дронову. Хотя бы уже из-за возраста, а не только потому, что он – начальник. Но я сделал всю черновую работу. И потом у меня имелись собственные научные планы, задумки, собственные вопросы к “звездам”...

Все оказалось иначе. Представь себе: мы встречаемся с Х. Ты знаешь Дронова и сразу поймешь, в чем тут юмор. Это не “мы” встречаемся с Х., а Дронов встречается с Х. А я – переводчик, то есть средство для достижения этой цели, и не должен проявлять себя как самостоятельная персона. И вот они говорят час, два, три, четыре – я перевожу: с русского на немецкий и с немецкого на русский. Наконец, Х. смотрит на часы и предлагает отобедать с ним. Мы идем обедать – я перевожу. За столом беседа, естественно, продолжается, а после бокала вина разгорается с новой силой – я перевожу. Они едят, а я не могу есть, я должен переводить...

О бытовой стороне этого путешествия и о наших личных отношениях с боссом все-таки умолчу. Скажу только, что Дронов как всякий кабинетный ученый плохо ориентируется в физическом пространстве и времени, тем более в незнакомых городах чужой страны. Мне пришлось водить его повсюду, как слепого. Но если бы Дронов был только “кабинетным ученым” с пространственным идиотизмом! У этого человека есть еще целый букет дивных качеств!

Я не мог оставить Дронова одного ни на минуту. Он боялся всего: заблудиться и не найти обратной дороги, ошибиться и поехать на дру-

гом поезде, автобусе, трамвае и т.д. Вообще, ему было страшно подумать, что он, впервые посетив родину Гегеля, Ницше, Маркса, страну, перед которой он испытывал священный трепет, сделает что-нибудь не так. Он стеснялся говорить по-немецки, кажется, по той же причине: боясь ошибиться и вызвать улыбку у носителя языка. Я был при нем, как адъютант, с раннего утра до поздней ночи (из экономии мы ночевали в одном номере). Так что мои собственные “эгоистические” интересы по большей части остались в аэропорту “Шереметьево-2”. Правда, я всё же купил видеомэгнитофон «Ogion», двухкассетник «Panasonic», аудиоплеер и всякую мелочевку на подарки. Главным “трофеем” был, конечно, видик. Тогда, в конце 1988 г., это был предмет роскоши! Но, извини, я отвлекся.

Когда целый месяц не можешь остаться наедине с самим собой, когда перед тобой череда важных деловых встреч, событий и задач, нет времени задуматься и осмыслить свои чувства, переживания. Помню, тогда из-за огромного напряжения я как бы закрылся, отгородился от нормального естественного восприятия окружающего мира. К тому же я слишком часто вынужден был смотреть на мир глазами Дронова, соотносить собственные впечатления с его впечатлениями, его понимание событий с моим пониманием. Богатство, сытость, роскошь, несомненно, поразили мое воображение, но от их разящего удара меня тогда защитил крепкий психологический панцирь. Сейчас совсем другое дело.

Болезненней всего меня задел, я бы даже сказал: ударил – снова возвращаюсь к Дюссельдорфу – резкий контраст между тем, что я представляю собой в глазах Б., и что – в глазах толпы или простого немца с улицы, например, моего домохозяина. Мой домохозяин не знает, кто такой Ницше (я спрашивал). Не знает он толком, я уверен, и кто такие Берта фон Зуттнер, Фридрих Эберт, другие великие немцы, именами которых названы площади и улицы в Бонне. Да и не только в Бонне. Какая громадная разность потенциалов! Откуда она? Почему мир устроен так несправедливо? Почему я, Томилин, только что беседовавший с главным редактором собрания сочинений великого мыслителя и внуком автора “Истории древнего Рима” об организации советско-западно-германского симпозиума в Москве, чувствую себя нищим бродягой на улице Дюссельдорфа?! Почему я лишен всего, что само собой разумеется для ассистентов Б.? Почему у меня зарплата 30 марок (в точном пересчёте), а у них 3000, возможно, и больше? Сравниваю свой уровень интеллекта и познаний и вижу: ни в чем – абсолютно ни в чем – я им не уступаю, в некоторых вопросах разбираюсь даже лучше. Так откуда же

такая сумасшедшая разница? Ладно, оставим науку. Возьмем, самый простой неквалифицированный труд – и он оплачивается здесь не хуже, если не лучше, чем у нас. Почему? Может быть, стоит все бросить и приехать сюда работать мусорщиком? Или чистить сраные общественные туалеты? Неужто мы не заслуживаем большего?!

И это называется «зависть»? Возможно. Но только не мелочная, когда хотят такую же красивую игрушку или видик той же марки. Если это и зависть, то крупная, так сказать, по гамбургскому счету. Я хочу много и упорно, как немцы, работать и, как немцы, много и честно зарабатывать. Хочу всю их спокойную безопасную жизнь, их свободный индивидуализм и их взаимоуважение. По-моему, это уже не зависть, а что-то другое. По правде сказать, я не понимаю, что плохого в этом чувстве. Справедливость должна быть восстановлена. И она будет восстановлена. Приложу для этого все свои силы!

На этом заканчиваю. Прости за чрезмерную патетику. Извини, если был где-то нетактичен. Письмо получилось тяжелое и сумбурное. Надеюсь, никто, кроме тебя, его никогда не прочтёт.

До встречи в Москве.

А. Томилин.

Глава 2.

Закливание духов

*Саарбрюккен,
08.04.90*

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Иванович!

Решил чиркануть Вам письмецо по случаю тяжелого похмелья и полной неспособности заняться чем-нибудь другим. Не обессудьте, коли найдете мой стиль корявым, а руку нетвердой. Уж как умеем-с.

Все ли в порядке на нашей Родине? Особливо интересно узнать, удалось ли Вам выкроить времечко, дабы встретиться с законной супругой моей Анютой и передать ей от меня посылку? (Что-то не могу ей дозвониться). Ну и, конечно, о “казенном доме”, то бишь институте нашем, хотелось бы также узнать. Как он там, родимый, – стоит? Работает ли в нем еще кто, али разбежались все в погоне за длинным зеленым долларом? Не разыскивают ли нас там с собаками? Не просят ли вернуться обратно, на коммунистический субботник по уборке улиц в районе?

И наконец, последний вопрос: пошто вы с Радецким за тридевять земель в Москву таскались? Удался ли ваш симпосий?

А я тут не только пиво со шнапсом пью. Вы не подумайте, уважаемый Александр Иванович. Не-е-е-т! Божьей помощью знакомлюсь с демократией на предприятиях Южной Германии, все больше Баден-Вюртембергских. Впрочем, вру. Не только Божьей помощью, но и при живом содействии одного брадатого германца. Он берет меня с собой на интервью с председателями производственных советов (ты их называешь «совета́ми предприятий», мне это нравится: «вся власть Советам!»). Он проводит очень “качественные” исследования. Он пустил меня в свой дом пожить месяцок на халяву. Добрейшей души человек! Среди немцев, оказывается, тоже встречаются Чело́веки.

Привет тебе от него. Спрашивает, когда ты к нему приедешь. Вспоминает, как в Москве заходил к тебе в гости. Чем ты его опоил?!

А погода здесь стоит просто замечательная. Весна!

Вчера вместе с немецкими друзьями совершил чудную велосипедную прогулку. Наш путь лежал вдоль Саара – реки, по европейским по-

нятиям, немаленькой. У Саарбрюккена она такая же, как Москва-река в Москве. Велосипедная дорожка сначала проходила рядом с Сааром, потом поднялась в лесистые холмы, потом снова вывела нас к спокойно текущей реке. Когда вернулись домой, Кронер ошеломил меня, сказав, что мы, оказывается, несколько раз пересекали французскую границу! Итак, поздравь: я побывал во Франции! Но я этого не знал, так что все это как бы не в счет. Я уговорил Кронера еще раз прогуляться во Францию пешком через лес. Он никак не мог понять, почему я так разволновался из-за французской границы. Куда ему понять нашего брата, родившегося за железным занавесом! Если сохранится такая же классная погода, мы отправимся туда завтра. Уезжаю я через три дня.

Нет ли новостей из фонда?

За сим откланиваюсь и с нетерпением ожидаю ответа,
Твой Петя.

Бонн
12.04.90

Здравствуй, Петя!

Посылку я передал, о твоих переживаниях рассказал. Жена просила тебя меньше пить и добавила (цитирую дословно): “А то на почве алкоголизма ревность его совсем задушит”. Она передала письмо, которое я тебе переслал и которое ты, наверное, уже прочитал.

Институт наш стоит на том же месте, на котором стоял до нашего отъезда. Удивительно! Такое впечатление, будто он остался в прошлом, а мы вернулись из будущего. Люди работают как ни в чем ни бывало, бегают, суетятся, проводят какие-то исследования, конференции, получают свои гроши. Неужели они еще ничего не поняли...

Никто нас там не ищет, не волнуется. Все, кого я встречал, удивлялись, почему я здесь. Обзывали меня возвращенцем. Первым делом спрашивали: «Что-нибудь случилось?». Потом: «Ну, как там в Германии?» или «Как там на Западе?». Вопросами одолели, утомился. И не столько от вопросов, сколько от психологического напряжения. Завидуют люди. Старался никого не обидеть, да куда там... Смотрят на тебя как на отрезанный ломоть, инородное тело какое-то. А некоторые в упор не видят. Будто я прозрачный стал. Завидуют. Еще бы, в магазинах пусто – ну, просто шаром покати. По талонам и то ничего не купишь. Даже килька в то-

матном соусе пропала. Когда уезжал, она ещё была. Слава богу, пока можно купить хлеб. Зато у магазинов «Берёзка» толчея.

Нормально общаться можно было только с теми, кто вслед за нами, первыми ласточками, собирается уехать за границу на стажировку. Им надо было знать буквально все: как устроиться на новом месте, какие цены... Особенно дотошно интересовалась Ермольникова. Она едет на три года в США – вместе с Назаровой и Сальниковой. Между нами говоря, Ермольникова хочет остаться. Другие, по ее словам, тоже. Тарасенко с Бондаревой собираются на полгода в Париж. Ермольникова говорит, что и они хотят остаться. Уж не знаю, верить ей или нет. Ну, прямо-таки все хотят эмигрировать!

Какое-то поветрие. Признаться, и я об этом думаю. Если б не больная мать...

А ты, часом, не собираешься остаться?

Ладно, не обижайся. Я пошутил.

Про симпозиум... Ну, что тебе сказать? Я на нем играл второстепенную роль. С докладом не выступал. Моя задача была – сопровождать знатных гостей, переводить их речи, выполнять организационные поручения шефа. По В. я не специалист. Даже Радецкий не выступил с докладом, хотя в дискуссии участвовал.

Ты ведь знаешь, у нас есть только один крупный специалист по В. Вот он и выступал. Немцы смотрели на него, разиня рты. Они-то, наивные, думали, что едут в Москву учить русских уму разуму. А вышло наоборот: их научили, как правильно понимать В. Шлихтер и Буркхардт пытались было спорить. Да кишка тонка! Профессор Дронов не любит, когда его мнение воспринимают просто как мнение. Охоту дискутировать он у гостей быстро отбил. Они ему – цитаты из собрания сочинений: мол, вот факты, В. говорил не совсем то, что вы думаете, и думал совсем не то, что вы говорите. А он им: мои дорогие друзья, это все мелочи. Смотреть надо шире. Главное – это что хотел В. сказать и что он должен был думать. Они ему: но позвольте... А он им: не позволю! Это у вас там, в Германии, церемонии разводят. А у нас с этим строго. Зато всем всё ясно.

Может быть, я чего-то не понимаю, но мне кажется, что симпозиум получился какой-то странный. Выстрел из пушки по воробьям, да ещё и вхолостую: пух-ф-ф! Затевают грандиозное шоу с приглашением звёзд зарубежной науки только для того, чтобы на их фоне блеснуть перед сотрудниками своего отдела (из других отделов почему-то никто не пришёл): дескать, я всё знаю лучше вас – это какое же безмерное самомне-

ние и какую пылкую любовь к самому себе надо иметь! Да что я тебе объясняю. Ты шефа не хуже меня знаешь.

А вот поездка в Союз была необходима. Я доволен, хотя, конечно, устал. Массу дел переделали. Повидались с родными. Привезли купленные вещи: телевизоры, кожаные куртки, всякие мелочи, подарки родителям, друзьям и знакомым. Богатый Радецкий привез огромную кучу добра. Ты подумай: разве мы утащили бы все, что купили за год, или даже за полгода?! Не представляю себе...

На вернисаже в Измайлово я опять затоварился по полной программе. Кстати, спасибо тебе. Две банки черной икры я успешно толкнул благодаря твоей рекомендации. Чётко сработало. Да, продавать надо больше, Петя. Всё на продажу! Знаешь, тут в одной московской газете я увидел объявление: «Куплю всё». Вот это я понимаю! Вот это радикально! Вот он – дух времени... Будем учиться. В боннской «Анонсе» скоро выйдет мое объявление: «Продам всё». (Шутка.)

Теперь о стране, в которой мы родились. Верней, как ты выражаешься, о “нашей Родине”. Знаешь, что меня потрясло больше всего, когда я вернулся в эту страну? Люди. Советские люди. Наше “главное богатство”. Совки это, а не люди. Сволочь. Они даже по тротуарам правильно ходить не умеют. Представь себе нормальный, достаточно широкий тротуар. По нему навстречу друг другу идут двое русских. Как ты думаешь, что происходит, когда они сближаются? Ну, конечно – столкновение. Хотя бы небольшое, легкое касание локтями или плечом. Знак того, что ты, идущий мне навстречу, для меня ничто, зато я – всё. Почему русские люди друг друга в упор не видят? Потому что ненавидят. Разве можно с таким народом хоть что-то построить или «перестроить»?

Почему у немцев всё иначе? Они друг друга видят уже метров за сто. Один показывает другому, что он его заметил. Стало быть, он для него что-то значит, раз достоин его внимания. Другой отвечает тем же. Но не в знак благодарности, а потому что у него такие принципы. Полагаю, немцы разойдутся друг с другом даже на канате, не то что на тротуаре. А всё оттого, что они друг друга у в а ж а ю т. Их общество напоминает хорошо отлаженный, надежно функционирующий часовой механизм. В него хочется включиться, работать в нем колесиком и винтиком, работать безмозгло, до одурения, четко и ритмично. Механизм этот сам по себе так рационален, что в нем последний дурак выглядит умным. А у нас даже самый умный кажется полным идиотом. Это ведь только у нас горе от ума.

И ведь все мы – такие милые люди в родном кругу, среди “своих”. Но как же ненавидим “чужих” – тех, кто на улицах, в магазинах, в общественных местах! Русский – первый враг другого русского. Так и норочит тебя обмануть, обсчитать, обругать, унижить. Может ударить, избить, убить. Какая у нас сейчас преступность! В последнее время она растет чудовищными темпами. Страшно подумать, что будет дальше. Все, у кого есть деньги и хоть какое-то имущество, ставят в квартирах железные двери. На улице на каждом шагу – злобная, худощавая, стриженная “под ноль” шпана. Смотрит исподлобья голодными волчьими глазами: что «плохо лежит», что бы отнять, украсть, продать, а потом нажраться, напиться, поматериться. Высматривают тех, кто хорошо одет, кто «богатый». Но богатство-то – понятие относительное. К примеру, у меня ста рублей нет, а у тебя есть: выходит, ты богаче, значит – давай делись! Не хочешь отдать по-хорошему, возьмем по-плохому: получай, сука, в морду!

Все газеты только и пишут о расхитителях социалистической собственности. Но как-то странно пишут. Журналисты вроде бы и не очень винят жуликов. Все равно, мол, добро пропадает. Ведь добро-то общественное, а, следовательно, ничьё. Вот и хорошо, что у кого-то хватило ума его подобрать и в свой карман положить. А уж частный-то собственник о прикарманенном добре позаботится. Частный собственник – это настоящий собственник! И нам всем будет лучше от того, что общее станет частным. Почему лучше? Я не понимаю. Почему мне будет лучше, если из общей копилки без моего ведома возьмут мою часть накопленного? Разве это не воровством называется? Какой-то всеобщий воровской ажиотаж: бери, тащи, набивай карманы, пока есть возможность!

Пока мы тут с тобой сидим, Петя, нашу часть общего пирога делят. Ау! Тебе не жалко? Мне лично жалко. Я чувствую себя обделенным. Ведь это уже не преступление, если воруют все, не так ли? Это, кажется, называется у Карла Маркса «первоначальным накоплением капитала». Все большие капиталы создавались воровством, грабежом и убийством. Известный факт. Получается, мы с тобой выпадаем из общего процесса, благодаря которому можно стать богатым. Чем мы хуже других? Тем, что образованнее? Тогда зачем нам такие знания, которые делают нас бедными?

А те, кто уже с лихвой урвал или продолжает благополучно расхищать социалистическую собственность в особо крупных размерах, те пешком сейчас не ходят. Купили себе иномарки, каждая ценой от 30 до

60 тысяч долларов, а то и больше. Разъезжают на них с демонстративной наглостью, наплевав на правила дорожного движения: мол, эти правила для бедных, а я с ГАИ всегда договорюсь, куплю всех с потрохами.

Ты же понимаешь, дело-то не в правилах дорожного движения, а в психологии. Ведь покупать будут не только ГАИ, но и прокуратуру, суд, государственных чиновников всех уровней. В “Московском комсомольце” прочитал короткую заметку: один тип на иномарке мчался по Кутузовскому проспекту с огромной скоростью, не обратил внимание на красный свет светофора, сбил маленькую девочку вместе с мамой прямо на пешеходном переходе! Обе скончались на месте. За рулем оказался какой-то милицейский начальник, шишка. Пьяный вдрабадан. Уверен: даст взятки следователям, прокурору, судьям – и получит год условно. Или вообще ничего. А может, и взятки не будет давать, а просто позвонит кому надо и выйдет сухим из воды. Уже по тому, как дело началось, ясно: справедливого решения тут не жди. Без вины виноватыми окажутся мама с дочкой: дескать, переходили улицу в неположенном месте. Потом еще выяснится, что отважный мент преследовал опасного преступника или что-нибудь в этом роде.

Нам семьдесят лет вбивали в голову, что капитализм – это зло, власть богатых и жирных, при которой все продается и покупается. Я и раньше не очень-то верил. Побывав в Германии, убедился в лживости этой пропаганды. Все не так на самом деле. Все намного сложнее. Капитализм – это хорошо! Это здорово! Это прекрасно! Капитализм – это свобода! Я люблю капитализм!!! При капитализме есть всё, при социализме – ничего. И нас упорно уверяли, что нам ничего и не нужно. Ложь. Мне нужно всё. Для начала нужны хорошие вещи, чтобы я себя комфортно чувствовал.

Теперь, когда горбачевская гласность ударила по аскетизму коммунистической морали, отношение в обществе к индивидуальной свободе, богатству, здоровью, красоте начинает меняться. И слава богу! Но нас сразу бросает в другую крайность. Ага, тут же думают советские люди, значит все, что было раньше – вранье, нас обманывали, значит теперь, наконец, все дозволено. Выходит, теперь, кто сильный, тот и прав, у кого есть деньги, тот и хозяин страны.

Вот что мне бросилось в глаза, Петя, на милой “нашей Родине”, по которой ты так скучаешь. Где у граждан цивилизованных стран место для святого или законного, там у советских людей сегодня рваная кровоточащая рана. Это страшно, Петя. Хорошо одетому человеку страшно ходить по родной земле, страшно глядеть по сторонам. Того гляди по

голове сзади ударят – и догола разденут. Чтобы не ходил. В быдлярской стране не построишь ни социализма, ни капитализма. С совками ничего не построишь, кроме воровского паханата. Бедный Горби! Для перестройки ему нужен другой народ. Неужели он еще надеется на что-то?!

Интересно, кто придумал, что советские люди – “наше главное богатство”? Кажется, это слова какого-то иностранца. Вроде бы, японца. Его спросили, что ему больше всего понравилось в России. Он, хитро улыбаясь, ответил: всё, что вы делаете руками, мне не понравилось; все, что вы делаете головой, мне тоже не понравилось; мне понравилось то, что вы делаете другим местом: люди – вот ваше главное богатство!

Кажется, я пересказал анекдот. Наверное, это слова какого-нибудь видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, а “наш темный, но мудрый народ” претворил их в анекдот. Я подозреваю, что льстивый отзыв использовали как патриотическую пропаганду. А я тебе, Петя, вот что скажу: советские люди – вот наша главная беда! Наш народ – такое говно, которое лучше не трогать, чтобы не завоняло. К сожалению, исторических свершений без народа не бывает. Горбачев вздумал с пьянством бороться – и тронул. Ввел гласность, дескать, чем больше демократии, тем больше социализма – и снова тронул. Теперь каждый пьяный ублюдок из деревянного барака мечтает разбогатеть и поехать в Америку, в Лас-Вегас. А пока – чтобы зря время не терять – ворует, грабит, убивает. Забыл наш интеллигентный мягкий Горби, что быдло надо держать в крепкой узде.

Все демократические начинания в нашей стране разбиваются о наш совковый менталитет. Горбачев исходил в своих реформах из того, что самоочевидно для разумного человека – из необходимости модернизации общественно-политического и экономического строя. По наивности он думал, будто движение к лучшему не изменит того хорошего, что уже есть. Что продвижение к индивидуальной свободе, к социальной, экономической и политической демократии, к открытости нашего общества для всего мира и всего мира для нашего общества, – всё это получит поддержку советских людей. Ан нет! То, что очевидно для цивилизованных людей, для совка не очевидно. Сначала я думал, что все дело только в дремучести, первобытной дикости нашего народа. Но темнота народа – еще не всё. Слишком долго его заливали псевдопатриотической ложью и водкой, чтоб он так скоро пришел в сознание и опомнился. Слишком долго обольщали тем, что он – не только хозяин собственной страны, но и самый передовой в мире, защитник всех бедных и угнетенных народов. На этой почве у совка сформировался ком-

плекс имперского высокомерия и самовлюбленности. Этаким великодержавный нарциссизм!

Ты посмотри на наших за границей (их сейчас всё больше): языками не владеют, ни своей, ни западной культуры толком не освоили, даже в быту не умеют себя вести – а сколько спеси и чванства! Презрение ко всему иностранному из них так и прёт! стыдно оказаться рядом с ними. Ведь тебя принимают за такого же подонка. Я как услышу где-нибудь русскую речь – так сразу бегу куда подальше. Любят браниться матом в общественном транспорте, думая, что никто их не понимает. Считают веселым «приколом» грязно выругаться прямо в глаза приветливой продавщице в магазине, официантке в кафе. Им весело, потому что она как ни в чем не бывало продолжает с улыбкой что-то лепетать на своем языке... Противно. Гадко. А соотечественники смеются!

Беда, в том, что одним просвещением тут дела не поправить. Советский народ уже и так семьдесят лет “просвещали”. Просветили до такой степени, что ничего святого не осталось. Нету больше народа, на который молились славянофилы и народники. Нету “народа-богоносца”. Если сегодня кто-то пойдет в народ, то ничего, кроме перегара и “блатной фени” не отыщет. Ничего нету. Смешно, когда Дронов в своей книжке, посвященной детям и внукам, пишет о русских как единственном народе с “неразложившейся еще нравственной субстанцией”, как хранителе вечных человеческих ценностей и даже (потенциальном) спасителе всего человечества! Где же он такой народ нашел? В старой славянофильской сказке? Зачем выдавать желаемое за действительное? А вот зачем: я, мол, народ люблю, я – русский патриот. Брехня! Я сам слышал, как Дронов рассказывал кому-то: “Еду в автобусе, смотрю на эти скотские рожи, дышащие перегаром, и удивляюсь: как они еще друг на друга не бросаются, глотки друг другу не грызут!” Проговорился Дронов. И вот, Петя, пришло время: теперь уже бросаются и грызут.

Сейчас все только и говорят: «СССР – страна дураков», «СССР – страна дураков». Кто-то непременно обидится: дескать, мы умные, у нас лучшее в мире образование и т.п.! А ему в ответ: «Если вы такие умные, то почему вы такие бедные?». И возразить больше нечего. Да, верно, «СССР – “страна дураков”». Но верно только наполовину. СССР – еще и страна “совков”. “Совок” – это жлоб. Жлоб, который всю жизнь приворовывает у государства, т. е. у своего же соседа, в конечном счёте у самого себя.

Погоди, вот более точное определение: “совок” – это обкрадываемый, а потому вынужденный воровать народ, давно во всем изверившийся,

а потому озлобленный (отсюда слово “жлоб” – человек, “злобный на весь мир”, готовый погубить весь мир ради собственной шкурной выгоды, “мироед”, человек не просто жадный, а жадный отчаянно). “Совок” не способен на солидарность, ибо не может поверить во что-то большее, чем колбаса. Но вера в колбасу – на самом деле не вера в бога, это, скорее, служение дьяволу. А солидарность основана на истинной вере. Это мы знаем не только благодаря польской “Солидарности”. Урвать кусок и убежать – вот единственное, на что способен “совок”, и он сейчас это делает. Урвать от ближнего, от дальнего – да от кого угодно, хоть от родной матери.

Большевики посеяли в русском народе семена раздора – классовой ненависти – и вот сейчас на почве, унавоженной либеральным курсом Горбачева, они дают свои страшные плоды: уже не классовую, а всеобщую гражданскую ненависть. Теперь, пожив в Германии, я понимаю, что такое “война всех против всех”. Это не вымысел и не только социально-философская конструкция. У нас она стала кошмарной явью. Взгляни хотя бы на Карабах, другие конфликты. Их называют почему-то «горячие точки». Может быть, потому что в них часто используют огнестрельное оружие? На самом деле, это места, где холодная гражданская война перерастает в собственно «гражданскую войну». Это «точки замерзания» человечности.

Под холодной гражданской войной я вот что подразумеваю: это такое гражданское состояние, когда классовые связи уже давно разорваны и рвутся последние социальные, межэтнические и межличностные связи, когда в результате этого начинают рушиться даже семьи. Другими словами, происходит тотальный распад страны. Он чем-то похож на ядерный распад. По разрушительной силе, думаю, он ни в чем ему не уступает. Так что миллионы “совков” – это не главное богатство СССР, а главная угроза для него и для всего человечества. Это бомба похлеще водородной!

Вот такие впечатления и мысли навеяло посещение “нашей Родины”, дорогой коллега. Решил поделиться с тобой (в продолжение наших споров). Здесь, в Германии, я пишу взахлеб, как заправский графоман. Никогда бы не подумал, что буду писать такие большие письма.

...Знаешь, перечитал написанное и подумал: хорошо бы снять копию. Целое сочинение вышло. Правда, кому оно здесь нужно? Немцы мое письмо не поймут. Это не их проблемы. А в Союзе его никто не опубликует. У нас плохо говорить о народе, как о покойнике, не принято: либо хорошо, либо никак. Народ у нас – тема табуированная. Кстати,

почему я написал «как». Разве советский народ – не покойная субстанция, которая сейчас разлагается?

Недавно я тут сильно напрягся – внутренне, психологически. По-настоящему плохо было, тяжело. Но это отдельная тема, писать о ней я сейчас не хочу. Да и полегчало уже. Домой приехал, огляделся: всё в порядке. А когда вернулся на немецкую землю, которая мне стала милой родной, почувствовал себя просто великолепно! Наверное, потому, что на Западе я как-то раскрепощаюсь, расслабляюсь, ощущаю себя в большей безопасности, чем на родине.

Так что строго не взыщи. Пиши, если будет время.

Когда собираешься обратно в Бонн? Без тебя тут и выпить по-настоящему не с кем.

Я переезжаю на новое место жительства, в Бад-Годесберг. Мой новый адрес с 7-го мая Мюленштрассе, На, 5300 Бонн 2. Насколько мне известно, тебе этот дом и его хозяева хорошо знакомы. Что можешь о них рассказать?

Из фонда для тебя никаких новостей не передавали.

Пока,

Томилини.

Билефельд

13.04.90

Дорогой Саша!

Твое письмо я прочитал сразу по прибытию в Билефельд. Сразу отвечаю, хотя так рано писать еще не собирался. Но ты меня инспирировал.

Да, ты оказался прав: у меня теперь совсем другое настроение. Пребывание в Москве многое изменило. И все же твое письмо произвело на меня впечатление. Не то, чтобы хорошее, врать не буду. Но сильное. Считаю, что не вправе тебя осуждать, да и вообще как-то оценивать “крик души”. Ты вроде бы сожалеешь о содеянном? Не жалеи. Тебе надо было выговориться – и ты выговорился. А на меня можешь положиться: никто о твоих откровениях не узнает. Слово джентльмена.

Ты затронул, наверное, самые болезненные темы. И ты прав: все, кто был за рубежом, нечто подобное пережили. Я – не исключение. Просто я не даю волю эмоциям. Предпочитаю, так сказать, дистанцироваться от

реального мира. И тебе рекомендую. К тому же у нас есть интересная работа.

Жизнь моя такова. Высадился я в Билефельде благополучно. Хотел было поцеловать германскую землю, но раздумал. И правильно сделал. В некоторой эйфории я прождал такси около часа (или все-таки меньше?), почти на крыльях (полузамерзших) влетел в дом и обнаружил там много почты, в том числе и твое последнее письмо.

Как ты думаешь, что я вскрыл в первую очередь? Конечно, извещение из Ганновера, где находится мой счет. Я надеялся обнаружить в нем сообщение о том, что поступило на сей счет столько-то, а выдано (переведено на счет хозяйки) столько-то. Черта лысого! Они сообщали мне, что в течение трех дней (1, 2 и 3 апреля), начиная с расчетного дня, на моем счете не было ни пфеннига, почему они, во-первых, просят меня хотя бы разок перевести деньги самому, а во-вторых, взимают пошлину в 2,5 марки. Так что мой счет сейчас = -2,5 ДМ. Это мою эйфорию несколько поубавило. Но главное впереди.

Едва дождавшись утра, я пошел звонить фрау Тиль и Б. – первой, дабы выяснить, правильно ли записан номер счета (ибо ничем другим я отсутствие денег объяснить не мог), а второму, чтобы узнать, действительно ли Л. по понедельникам ведет семинары. Фрау Тиль (сука!!) сказала мне, что надо было все делать вовремя, а раз я сделал не вовремя, то она вот только из отпуска вернулась и теперь придется ждать. Я вякнул было, что мол фрау Эрлих ... «Нет, – отрезала Тиль, – фрау Эрлих, замещавшая меня в мое отсутствие, имела право вступать в дело лишь в крайних случаях». Я понял, что такая чепуха, как своевременный перевод денег, просто не могла попасть в поле зрения фрау Эрлих (или, наоборот, выходила за рамки её компетенции), и прекратил домогательства. После чего, не дозвонившись Б., отправился в университет.

А надо сказать, что с деньгами-то у меня было плохо. В предвкушении полочки я не очень-то их экономил до отъезда. Мало того, я хотел вообще оставить дома сотню марок, и отец чуть ли не насильно впихнул мне ее обратно. Так что было у меня по приезде ровно 150 ДМ. Но этот факт я как-то еще не вполне осознавал.

Так вот, приехав в университет, я обнаружил расписание, из коего следовало, что с 11 утра ведет семинар Б., а с 16 до 18 – Л.. А кроме того, у Л. еще два мероприятия во вторник. Я вдохновился, опять пришел в состояние эйфории, пошел в столовую и нажрался (в смысле – пищей, а не чем-то другим). Затем стал искать аудиторию, где должен был появиться Б. Но он не появился, хотя ждал его там не только я. Зато Л. не

подвел. Он вел семинар по проблемам «техники теории», т. е. рассказывал о принципах конструирования теорий, максимально нейтральных по отношению к разным содержательным высказываниям и выборам.

Сначала Л. изложил свои идеи, а потом предложил собравшимся дискутировать. Начался обмен мнениями, потом и дискуссия. Я тоже вступил в прения. Ситуация была пикантной. Я чувствовал себя там совершенно чужим – хотя бы по языку, – но тема-то мне была хорошо известна. Так что проблем с пониманием не возникало. Я решил Л. не представляться. Да и зачем? Особого смысла в этом я не видел. Для дискуссии имелось достаточно институциональных возможностей, а кроме неё мне пока ничего и не надо было. В общем, удачно подискутировал, оставшись *incognito*.

Моя эйфория еще больше усилилась.

После окончания семинара я вдруг узнаю, что вечером того же дня Л. ведет ещё какой-то семинар по проблемам религии, причём целых три часа, с 19-00 до 22-00. Я обрадовался и снова нажрался (в смысле принял пищу). Но это мероприятие оказалось не таким уж интересным. Вышло недоразумение: семинар вёл не сам Л., а какой-то крендель. Его представили как крупнейшего специалиста по Л. и одновременно теолога, взявшегося на основе теорий Л. дать новое определение религии. У теолога во рту была жуткая каша, слушать его было трудно, понять – почти невозможно. Но когда началась дискуссия – а участвовали в ней люди, хорошо известные мне по книгам (например, Ф.-Кс. К. и Х. Т.), – я не удержался и опять встрял. И небезуспешно. В результате я вышел с семинара окрылённый.

И тут меня подстерег злой рок. Дело в том, что в университете есть широко разветвленная система камер хранения. Эти ящики стоят повсюду. Туда надо бросить марку в залог, после чего можно повернуть ключ и закрыть ящик. Когда же ящик открывают, то марка выпадает, а ключ фиксируется. Так вот, чтобы не потерять ключ от квартиры, я прикрепил его к брелоку, а чтобы не потерять ключ от ящика, прикрепил его к тому же брелоку. И, натурально, открыв ящик, я оставил в нем ключ вместе со всем, что на нем висело – брелоком и ключом от дома. Понял я это уже в автобусе, примерно в 22-35 вечера.

Что я должен был делать? Возвращаться? Но автобусы ходят в это время раз в час. А где гарантия, что мой ключ уже не сперли? Если же ехать домой, то только сейчас: до 23-00 еще удобно звонить в дверь, а после – уже нет. Надо учесть, что в прошлую ночь я практически не спал, и мысли о бессонной ночи меня вовсе не радовали. И вообще,

было холодно. Так что я поехал домой. А ехать мне с пересадкой. И, конечно, оказалось, что мой автобус уже ушел, а следующий будет только через час. До 23-00 оставалось 15 минут. И я принял экзистенциальное решение: бежать. Тем более, идти-то там около 15 минут.

И я побежал. Лучше бы я этого не делал. Первая перебежка прошла хорошо. Я согрелся и оживился. Но во время второй я оступился и подвернул ногу. Эту ногу я подворачиваю примерно раз в 10 лет. Последний случай был также в Германии, в Тюрингии, в 1978 году. Издав жуткий вопль, я заковылял, собрав все силы. И доковылял-таки к 22-59. И, спрашивается, зачем? Хозяев дома не было – были только девочки. Они как-то сами потеряли ключ, и я им отпирал. Так что перед ними сконфузиться мне было уже не так страшно.

На следующий день нога посинела и распухла. Но что поделаешь! Ни свет, ни заря я потащился в университет выручать ключ. Прихожу, а ящик уже закрыт, т. е. ключа нет. Стал спрашивать. Никто ничего не знает. Наконец, показали мне бюро находок. Оно работает с 10-00. Я стал прикидывать, не могло ли быть так, что некий злодей уже завладел моим ключом – он-то и запер ящик. Тогда надо около ящика стоять и следить. Но эту безумную идею я отверг. Пошел в библиотеку и на выдаче нашел свой ключ! От этого я опять пришел в эйфорию, отправился в столовую и нажрался (прости за однообразие композиционного приема, но это чистая правда).

После этого я вдруг обнаружил, что мой кошелек сильно похудел, а когда эта мерзкая баба из Бонна пришлет деньги, совершенно непонятно. То есть, ситуация такова: за квартиру у меня не плачено, продуктов почти нет, нога болит, Б. так и не появляется.

Под гнётом всех этих мыслей я пошел слушать лекцию Л. Ничего нового он не сказал, но все-таки было интересно. Вечером у него должен был состояться семинар «Экологическая коммуникация». Но к тому времени я был уже обессилен и боялся, что не смогу выдержать, а то ещё опять что-нибудь забуду. И пошел домой. При этом все-таки забыл в университете очки. Возвращаться обратно у меня уже не было сил.

Сейчас сижу дома, экономлю деньги, силы и нервы. Размышляю над тем, что все прекрасное – трудно.

Теперь о твоих предложениях. Начало мая не так удобно для меня, потому что аккурат в это время в Германию должен приехать мой родственник. Я обещал ему помочь. 21-е мая – лучше. Но все-таки мне надо еще поговорить с хозяйкой. А это лучше делать после вручения денег, а не до. Сейчас живу в кредит. Поэтому надо немного подождать, хоро-

шо? Вообще, я намерен с тобой кооперироваться. Можешь на меня рассчитывать. Как только я получу информацию, сразу тебе напишу.

Всех благ.

Филипп.

Бонн

15.04.90

Дорогой Филипп!

Спасибо за письмо. Сразу отвечаю.

Твое слово для меня очень многое значит. Это был совершенно неожиданный и необычный нервный срыв. Но после него мне стало легче. И дело не только в нашем путешествии из Германии в СССР и обратно, хотя оно сыграло положительную роль. Нет худа без добра: благодаря пережитому кризису я теперь лучше представляю, чего мне надо от жизни, чего я по-настоящему хочу.

Тебе не приходилось задумываться над тем, что наши стремления и желания могут быть ложными, поскольку могут происходить из иллюзий? Если это действительно так, то целые куски нашей жизни могут оказаться совершенно никчемными, прожитыми как бы впустую. Выходит, строишь-строишь свою жизнь, а потом, в одно прекрасное утро понимаешь: она не твоя, а чужая, не настоящая, а какая-то поддельная, полая внутри...

Не знаю, как ты, а я над этим крепко задумался. И пришел к безутешному выводу. Оказывается, я еще и не жил вовсе. Так, прозябал, плыл по течению. Сколько времени потеряно впустую! И как мало его осталось!

В подтверждение сказанного сообщаю тебе, что решил не платить партийные взносы. Это означает, что я как злостный неплательщик скоро буду изгнан из рядов КПСС. Меня просто обязаны исключить за отрыв от партийной ячейки. Но я уже ничего не боюсь. По-моему, все летит куда-то в тартарары со страшной скоростью. И цепляться за компартию уже просто глупо. Приходит время, когда кто смел, тот и съел. Как говорится, чужого мне надо, а своего не отдам. Почему я должен дарить большие деньги какому-то посольскому дяде?! Сейчас немецкие марки важнее для меня членства в КПСС. Так что я решил рискнуть. Посмотрим, что будет. Пожалуйста, не говори об этом пока никому.

Фрау Тиль сдержала слово: 7-го я переезжаю на новую квартиру в Бад-Годесберге. Мой адрес: Мюленштрассе, На. Я там буду жить в мансарде на третьем этаже в доме у пожилой четы Бинднер. Телефон: 0228 / 46 77 XX. Когда перееду и обживусь, напишу о своих впечатлениях. Ну, а пока я только знаю, что удобств там больше, но и платить я буду больше – на 150 марок. Посмотрим, стоит ли овчинка выделки. Фрау Тиль уверяла меня, что Бинднеры – ее старые знакомые и что мне будет у них «комфортно».

При этом она рассказала одну забавную историю. Но прежде чем я перескажу ее, позволь сообщить сначала неприятную новость. Меня эта новость расстроила. Думаю, расстроит и тебя. Но теперь уже ничего не поделаешь.

Дело в том, что фрау Тиль, подбирая мне квартиру в мое отсутствие, начала разыскивать и меня. Видимо, она, как ищeyка, шла по моему следу и пронюхала, что мы уезжали в Москву. Честное слово, не знаю, как ей это удалось. Возможно, ей помог мой хозяин, который видел, как я выходил из дома в поздний час с тележкой, чемоданом и рюкзаком на горбу, т. е. явно не на пикник и не в турпоход. Как бы то ни было, факт есть факт.

Фрау Тиль позвонила мне и срочно вызвала в фонд. Когда я пришел, она сразу задала вопрос, не уезжал ли я вместе с господином Радецким с такого-то числа по такое-то в Москву? Я признался, что да, уезжал. Ну, что я мог сказать? Я ведь не знал, какой информацией, из каких источников она располагает. Врать не хотелось. Неприятно оказаться лгуном перед руководителем отдела международных отношений (или как он там называется?). Между нами с самого начала установились открытые и честные отношения. По-моему, важно их сохранить. Если бы она ничего не спрашивала, я бы, разумеется, ничего и не сказал.

«Господин Томилин, я должна Вас огорчить, – холодно заявила мне фрау Тиль. – Фонд не может выплатить Вам и господину Радецкому деньги за время поездки и пребывания в Москве. Из ваших стипендий будут удержаны суммы, пропорционально их размеру. Вас не было пол-месяца, приехали вы 9-го апреля. Значит, вы недополучите 750 ДМ, Радецкий – 1250 ДМ. Вот если бы вы нас предупредили, как полагается в таких случаях, то мы своевременно приняли бы соответствующие меры, в частности, приостановили бы действие ваших страховок. Тогда вы ничего не потеряли бы. Хотя фонд не приветствует отлучки стипендиатов-иностранцев на родину, в течение года допускаются отпуск

и одна-две поездки по неотложным личным делам. Только надо предупредить. Вы меня поняли? Вы со мной согласны?»

Ну, мне ничего не оставалось, как согласиться. Извини, Филипп, что получился такой прокол с моей стороны.

Ну, хватит о грустном. Теперь обещанная история, которая показалась мне отчасти комичной. Не знаю, правда, как ты ее воспримешь после неприятной новости. Рассказала мне ее на той же встрече фрау Тиль. Причем в красках, с прямой речью. Как запомнил, так и передаю.

Оказывается, в этой мансардной квартире у Бинднеров недель пять или шесть жил наш Петька! Я удивился и спросил, почему же он съехал. «Бинднеры попросили его», – сказала фрау Тиль. – «Почему?» – «Им не понравилось, как он ведет себя в быту». – «А как он себя ведет?» – спросил я. Ведь и мне предстояло познакомиться с четой Бинднеров.

Фрау Тиль сделала кислую гримасу. «У господина Акчурина проблемы с алкоголем. Бинднеры говорят, что он слабовольный. Они два раза предупреждали его. Но он в третий раз пришел пьяный, и терпение у них лопнуло. Это было ужасно! Какой-то знакомый немец привез господина Акчурина на тихую узенькую Мюленштрассе в три часа ночи! Господин Акчурин был настолько пьян, что не мог самостоятельно передвигаться! Пока друг помогал ему выйти из машины и вел к дому, они хохотали так, что разбудили всю улицу! В соседних домах зажегся свет. Люди выглядывали из окон. Когда друг господина Акчурина отъезжал, его машина врезалась в бордюр тротуара, и у нее с грохотом отвалился бампер! Видимо, его друг тоже был сильно пьян. Иначе бы он подошел к Бинднерам и представился. Каково же было их изумление, когда выяснилось, что он – советник депутата бундестага от СДПГ! Представьте себе, господин Томилин, как Бинднеры были возмущены недостойным поведением господина Акчурина!

Бинднеры пытались высказать ему свое недовольство, но тот был невменяем. Говорить с ним было совершенно бесполезно. Несмотря на то, что господин Акчурин едва стоял на ногах и от него дьявольски разило перегаром, он пытался выглядеть таким светским львом. Все время норовил поцеловать ручку фрау Бинднер, фамильярно хлопал старика Бинднера по плечу, живо смеялся, что-то частил по-немецки, по-английски и, кажется, по-шведски. Бинднеры не знали, что и думать. Но когда господин Акчурин попросил у них чего-нибудь выпить, они стали убеждать его, что уже поздно и пора спать. Господин Акчурин ответил, что спать не хочет, но если его просят уйти, то он, конечно, уйдет. Стал подниматься по лестнице к себе на третий этаж и упал. Бинднеры

были в шоке! Они уже хотели вызвать скорую помощь. Но господин Акчурин пришел в себя. Он издал протяжный вопль, сердито выругался на русском языке, а потом вдруг резво и сноровисто пополз вверх по лестнице на коленках. Он полз по высоким ступенькам, как собачка, скользя и срываясь задними лапками. К сожалению, на площадке второго этажа силы ему изменили, и он погрузился в глубокий сон.

В это время автоматически выключился свет на лестнице. К несчастью, на шум вышла фрау Зингель (Она почти двадцать лет снимает у Бинднеров квартиру на втором этаже.) Фрау Зингель споткнулась о тело господина Акчурина и упала. Слава богу, она не скатилась с лестницы вниз. Фрау Зингель ударилась о перила и получила сильный ушиб правой руки. Она работает секретарем-референтом в одной солидной фирме. Женщина испугалась, сможет ли она исправно выполнять обязанности секретаря, и спустилась к Бинднерам. Те уже собирались ложиться спать. Но Фрау Зингель пожаловалась на пьяного господина, который валяется у ее двери. Впрочем, она могла бы этого и не говорить. Чудовищный храп русского богатыря сотрясал весь дом. Его слышали, как потом выяснилось, даже соседи через улицу! Втроем они поднялись на площадку второго этажа. Картина была ужасная. Фрау Зингель пришла в негодование, но предложила свою помощь. Старики Бинднеры отказались и пообещали выдворить русского. Затыкая нос от запаха перегара, который исходил от господина Акчурина, Бинднеры поволокли его на третий этаж. Тот перестал храпеть, бормотал что-то невнятное. Потом господин Акчурин стал выпускать газы. Бинднеры не выдержали и ушли, оставив его на полу арендованной им квартиры.

На следующее утро около 11-00 господин Акчурин спустился к Бинднерам и как ни в чем ни бывало попросил взаймы 50 марок. От такой наглости Бинднеры буквально онемели. Придя в себя, они вежливо отказали ему и попросили побыстрее съехать. Теперь уже изумился господин Акчурин. «Это почему?!» «Мы ведь предупреждали Вас. Не так ли?», – спросил его Ханс Бинднер. – «Да, но...». Сказать ему в свое оправдание было нечего. Он только удивлялся и пожимал плечами. Оказывается, Ваш коллега ничего не помнил. Он даже не помнил, как вчера добрался до дома, что делал и говорил. Господин Томилин, у него серьезные проблемы с алкоголем. Вы с ним в приятельских отношениях. Может быть, Вам стоит с ним поговорить?»

Вот такая поучительная история.

Я сказал, что поговорю с Акчуриным и узнал, куда он переехал. Выбор-то здесь небольшой. Так вот. Петька переехал в другой квартал

Бад-Годесберга и платит теперь за жилье в два раза больше. Ну, что ж, сам виноват. На месте Бинднеров я поступил бы так же.

Петька еще не в курсе, что я знаю эту историю. Думаю, он не захочет, чтобы я рассказывал о ней кому-то еще. Так что не выдавай меня. Я тебе ничего не писал.

Кстати, я тут на пару деньков съездил в одно местечко под Франкфуртом. К одному графу-коммунисту, с которым познакомился еще в 1988 году, во франкфуртском Институте марксистских исследований. Зовут его Х. фон Х. Яркая личность! Специалист по истории Французской революции. Крупный землевладелец. Бизнесмен. Содержит не только огромную библиотеку, которую сделал общедоступной, но и конюшню. Между нами говоря, спонсирует потихоньку ГКП. И это еще не все. Он – профессиональный игрок в бридж международного класса. Неоднократный чемпион! Как это все уживается в одном человеке – просто уму не постижимо! Принять-то он меня принял, вот только времени на меня у него не нашлось. Думал, сядем, поболтаем с графом за чайком о том, о сем. Ан нет... Занят граф. Дела. Ну, побродил по полям и лесам, подышал свежим воздухом, отдохнул. К счастью фрау Тиль была столь любезна, что оплатила мне билеты через фонд.

Весна, все набухает и цветет. Как ты там в Билефельде?

Всего наилучшего,

Томилин.

Саарбрюккен

16.04.90

Здравствуй, Александр Иванович!

Несмотря на то, что я уже благодарил тебя по телефону за передачу посылки, позволь еще раз сказать тебе спасибо за то, что ты не пожалел в Москве драгоценного времени, встретился и поговорил с моей женой.

В Бонн я планирую вернуться в первых числах мая, где-нибудь 6-го, 7-го или 8-го. Не могу сказать точно, потому что не знаю, как у меня сложатся поездки в Нюрнберг и Мюнхен. Очень хотелось бы увидеть перед отъездом эти старинные города, оставившие в истории XX века трагический след. Когда вернусь, в немецкой столице мы с тобой выпьем по случаю Великой Победы над немцами. Во всяком случае, в нашем распоряжении будет почти две недели.

А теперь я хочу отреагировать на твое письмо. Оно показалось мне... нехорошим. Очень неправильные есть в нём места. Ну, очень. Как говорил Лев Толстой, не могу молчать. Позволь, я выскажу тебе правду в глаза? Не обижайся.

Начнем с того, что ты обозлился на весь советский народ, ругаешь его последними словами. Все в нем тебя раздражает. И пешком он ходить не может, и на машинах ездить не умеет, и вообще, по-твоему, все готовы друг другу глотку перегрызть... Зря ты так о нашем народе, великом и могучем. Извини меня за солдатскую прямоту: а ты сам-то не из народа? У тебя что – белая кость, голубая кровь? Ты из тех же ворот, откуда и весь и народ. По-моему, твоя позиция благородством-то как раз не отличается. Озлобился ты на народ или ожлобился? Если верить твоим собственным толкованиям – а я им верю, – ты сам жлоб и есть. Выходит прямо по Крылову: «Свинья под дубом вековым наелась желудей...». Я наш народ не идеализирую, но это обычные люди, не хуже и не лучше, скажем, немцев, французов, американцев. А вот насчет культурных и исторических завоеваний русского народа я бы поспорил. Да, ты прав, наш народ – уже не богоносец. Но святого в нем все равно больше сохранилось, чем в любом другом западноевропейском народе. (Об американцах я вообще не говорю.) И здесь прав Дронов, а не ты.

Крах горбачевской «перестройки» (А. Зиновьев ее метко обозвал «катастройкой») ты объясняешь тем, что советский народ утратил все святое, деградировал нравственно, превратился, как ты пишешь, в «разлагающегося покойника». Во всем виноват якобы совковый менталитет. Нет. Ты все перевернул. На самом деле все не так.

Рыба гниет с головы. Партноменклатурная верхушка насквозь прогнила. Вот и выскочил наверх благодаря Андропову и Громыко гражданин мира от сохи, косноязычный либерал Горбачев с философско-гуманисткой Раисой. И наворотили они дел. Наш-то народ доверчивый, отзывчивый, терпеливый. Менталитет у него такой, что с ним любые эксперименты можно проделывать. Это тебе не французы. Они бы уже давно Горби вместе с Раисой в Бастилию заточили, а то и вовсе гильотинировали. Но всему есть предел. Понял и наш народ, что его в очередной раз обманули – и, замечу, в который уже раз. В самом деле: обещал Горби «ускорение» – получили «торможение», сулил сытую жизнь – ввел карточную систему. Вместо того, чтоб осчастливить граждан аналогом дешевой «андроповки», начал борьбу с пьянством. Ретивые дураки заставили виноградники вырубать! Единственное, что ему удалось сделать и за что ему до конца света будет благодарна советская интелли-

генция, – это «гласность», временное потепление международного климата. Интеллигенты получили возможность говорить и писать, что хотят. И выезжать за границу. Но мало кто из них задумывается, какой ценой это досталось. Если взвесить негативные последствия, то еще не известно, можно ли считать это достижениями Горбачева.

Ведь что такое «гласность»? От демократической свободы слова гласность отличается половинчатостью. Есть такое выражение «предать гласности». Гласность – слово, родственное «огласке». Мы говорим «предать огласке», когда допускается нежелательная или вынужденная утечка информации. Мы говорим «предать гласности», когда допускается желательная или дозированная утечка информации. Вот и вся разница. Политика «гласности» по сути не была демократической, она была демократичной. Но Горбачев выпустил джинна из бутылки. Журналисты, публицисты, писатели, художники, ученые и другие очень скоро стали говорить, писать и делать все, что им заблагорассудится. Из политики контролируемой свободы слова получилась самая настоящая свобода слова, хотя как бы санкционированная сверху, а не завоеванная снизу. Мне иногда кажется, что у нас по сравнению с тем, как обстоят дела на Западе, свобода слова даже зашкаливает, превращается в анархию слова. На Западе, как я убедился, СМИ строго контролируются, причем не только государством, но и разными группами общества.

Так вот эта горбачевская гласность, доходящая до анархии слова, стала размывать идеологическое и морально-политическое единство советского народа. Появились разные национальные фронты... Здесь ты прав. Но ты не прав, если думаешь, будто Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев имели какую-то продуманную политическую стратегию. Будто они хотели что-то модернизировать и т. п. По-моему, они сами не ведали, что творили, и не ведают, что творят. Ведь они рубят сук, на котором сидят. Он уже трещит, вот-вот рухнет. Как бы вместе с ним не рухнул весь Советский Союз. Очень опасная каша заваривается сейчас в Прибалтике и на Кавказе...

Ну, а что касается потепления международного климата, то это, конечно, хорошо. Благодаря новому климату мы с тобой на стажировке в капиталистической стране и никто за нами не присматривает. Не нам, не нам хулить эту часть политики Горбачева. И все же я спрашиваю: почему международный климат утеплили такой дорогой ценой? Почему фактически только за счет нашей страны? Шеварднадзе идет на все мыслимые и немыслимые уступки Западу. Например, я не понимаю, зачем надо было отдавать американцам огромные водные территории

в Чукотском море (в Беринговом проливе)? Они богаты морепродуктами и, говорят, нефтью. Ведь они наши, никогда американскими не были. Это же просто подарок! Того гляди подарит японцам Курилы. У него же на лице написано: сдам все позиции, но не все сразу... У нашего МИДа очередь уже выстроилась: американцы, немцы, японцы... Боятся опоздать к раздаче. К лицу этого седовласого грузина, который представляет на международных переговорах великую державу, приклеилась какая-то заискивающая, лукаво-стыдливая улыбочка. Такая бывает у девиц легкого поведения. За державу обидно, Томилин!

Я не согласен с тобой, что у советского народа «сформировался комплекс имперского высокомерия и самовлюбленности», как ты выражаешься, «великодержавный нарциссизм». Плохо знаешь ты свой народ. Для русских характерно обратное: они слишком самих себя недолюбливают и ругают, иностранцев же склонны переоценивать, ставить себе в пример для подражания и слепо преклоняться перед всем чужим, иноземным. Даже термин есть такой православный – «чужебесие». Какое-то «имперское высокомерие» выдумал. Нет его и никогда было. Я говорю о русском народе, потому что именно он – костяк советского народа в количественном и качественном отношениях. Самобичевание – русская национальная забава. Вот и ты ей увлекся. Слепое преклонение перед Западом, «европейничанье», как говорил Данилевский, – стиль жизни российской интеллигенции с петровских времен. И твой стиль, Томилин! Ну, а подонков среди наших, наверное, не больше, чем среди других народов. Их вообще много. Я не очень понимаю, зачем убегать от русской речи, сторониться соотечественников. Впрочем, это твое дело.

Вот ты пишешь презрительно о стране, в которой мы родились. Немецкая земля тебе милее русской. Слово «Родина» тебе не нравится. А почему? У всех есть родина, малая или большая. Все любят свою мать, отца, хотя никто их не выбирает. И отношения между детьми и родителями могут быть сложными. То же самое – и с Родиной. Она у нас одна, мы ее не выбирали. Я тебе, конечно, не папа, чтобы учить таким элементарным вещам. Но ты меня извини: зачем обижаться на Родину, оскорблять ее нехорошими словами?! Для меня это святое. Так что при мне, пожалуйста, попрошу не выражаться.

Впечатления от поездки на Родину у тебя какие-то односторонние. Неужели всё так плохо? «Завидуют». Хотят вслед за тобой уехать поскорей «из этой страны»? Мне глубоко насрать на нашу золотую молодежь! Мне насрать на тех, кто мечтает поскорей сбежать на Запад. Мне вообще насрать на Запад! Как будто Запад – рай на земле, не удавшийся

в СССР. Никакой Запад не рай. Это чужбина. Ловушка для простаков. А здесь надо вкалывать с утра до вечера. В поте лица своего. Молча. Надо стать юридически подкованным конем, который всю жизнь пашет – но который пашет только для себя и от сих до сих. Который, как трамвай, катится только по одним рельсам – туда-сюда, туда-сюда. Русскому человеку лучше сразу застрелиться!

Я посмотрю на наших, когда они на Западе слегка пообживутся. Когда поймут, что никто их здесь не ждет и никому они здесь не нужны. Райские кущи Запада – это волшебная сказка для русских made in USA, заманчивый миф буржуазной пропаганды. Но ведь какая извращенная сейчас у всех логика (это ты верно подметил): если коммунистическая верхушка говорит, что капитализм плохой – значит, на самом деле он хороший. Если они говорят, что простому человеку жить на Западе тяжело – значит, наоборот, легко. Делай якобы что хочешь. Свобода! Если Россия – страна дураков, то Запад, как его представляет себе наша золотая молодежь, – это страна богатых бездельников, таких плейбоев и плейгёрлов. Какая-то заповедная анархическая вольница. Антисоветская утопия...

Мне, конечно, жаль, что мою часть пирога на Родине кто-то без меня делит. Злые жадные дяди, протягивающие свои волосатые лапы к пирогу общенародной собственности, симпатии у меня не вызывают. Но и зависти – тоже. Надо признаться, мы тут с тобой неплохо «сидим». Я почему-то не чувствую себя обделенным. Во-первых, таких денег, как здесь, нам с тобой на Родине сейчас никто не заплатит. Свою часть пирога мы отхватили, свой шанс не упустили.

Во-вторых, мне кажется, что ты вообще все преувеличиваешь и утрируешь. Зачем-то разжигаешь страсти. Я не думаю, что нас с тобой обкрадывают. Не думаю, что мы такие бедные, потому что такие образованные. Простому люду всегда живется трудно. Похоже, ты прав, что наступает эпоха «первоначального накопления». Но из этого еще не следует, что надо срочно забыть о морали. Преступление – оно всегда преступление. Не важно, сколько людей его совершают одновременно – много или мало. Даже если воруют все, это еще не повод, чтобы начать воровать. Не так ли? Про убийство я вообще не говорю. Это самый тяжкий смертный грех. Или ты иначе думаешь?

Коррупция и беззаконие у нас и раньше были. Да, их стало сейчас больше. Ну и что? Может быть, я – нетипичный коммунист, раз так напираю на мораль. Может быть. Но я русский человек, к тому же, как ты знаешь, я крещённый. «Моральный кодекс строителя коммунизма» спи-

сан с Нагорной проповеди. И что ж нам теперь – вместе с коммунистической этикой выбросить на свалку истории мораль вообще? Тогда что и на каком фундаменте мы будем строить? Капитализм? А в нем разве мораль не нужна?

Например, здесь в Западной Германии нужна. И еще как! Во всяком случае, не меньше, чем в любой социалистической стране. Капиталистическое общество основано на законе, да. Но чтобы следовать закону, человек должен быть нравственным. Иначе он просто не поймет, зачем ему закон, почему он обязан жертвовать чем-то ради других людей. Подлинная свобода – это произвол, разумно ограниченный законом. Анархический капитализм – круглый квадрат. Любой человеческий социум держится, в конечном счете, на нравственности, на любви и уважении к ближнему. Если же мы хотим перестроить наш реальный социализм в демократический, или, как еще говорят, в «социализм с человеческим лицом», то нам тем более нужна мораль.

Ты пишешь, что увидел объявление в одной нашей газете: «Куплю всё» и в шутку хочешь дать объявление «Продам всё». А по мне, так в твоей шутке просвечивает изрядная доля правды. Если бы у тебя была возможность продать всё, ты бы, наверное, всё и продал. И Родину бы продал – раз она для тебя только «страна дураков», отстойник быдла и сволочи. Продал бы, Саша, продал. Говна, как говорится, не жалко! А продал бы всё, чтобы все купить. Нет, я не против того, чтобы жить богато и красиво. Я сам хотел бы так жить. Я не враг товарно-денежного хозяйства. Заранее прошу не клеить на меня ярлыков, на надевать дурацких колпаков. Просто хочу повторить одну прописную истину: не все продается и не все покупается. Родина не продается и не покупается, как мать и отец, как настоящая любовь. И вообще, такими вещами шутить не надо. Эмигрировать? Или не эмигрировать? Слава богу, ты вспомнил о своей больной матери. Для меня это хороший показатель. Значит, ты еще человек. Значит, не совсем скурвился. Значит, у тебя еще осталось что-то святое.

И прошу тебя в который раз: не идеализируй ты немцев! Не такие они пайньки, как ты их малюешь. В тихой заводии черти водятся. Просто они очень вежливые. Не надо забывать, кто разжег мировые войны XX века. Сейчас они пока еще полуколония, протекторат Америки, волей-неволей обамериканились, обрядились в современные демократические аксессуары. Кое-кто считает, что они так и останутся культурно-цивилизационными мутантами. Но не я. Рано или поздно великодержавный германский дух пробудится, воспрянет и покажет всему миру

свою агрессивную мощь. Атлантизм современных немцев только усилит их «Drang nach Osten». Германия всегда стремилась на Восток, это главное направление ее естественного исторического роста. Внешняя экспансия, агрессивность – существенная черта немецкой ментальности. А геополитические условия сегодня для немцев благоприятны. Таких могучих союзников, как США, у них еще никогда не было. Зато наша страна сейчас как никогда слаба. Судя по тому, как ведут международные дела Горбачев и Шеварднадзе, немцы скоро добьются воссоединения, точнее говоря, аншлюса Восточной Германии. ГДР скоро перестанет существовать. А вот когда они захотят взять исторический реванш по гамбургскому счету – пока сложно сказать. Но свой шанс они не упустят.

Другой вопрос, насколько целесообразно использовать для этого оружие? Зачем сегодня вообще захватывать чужие территории? Тем более такие огромные и мало обжитые, как в России. Ведь потом их надо контролировать, кормить население, поддерживать инфраструктуру и т. п. Намного проще вместо оружия использовать деньги, создав густую сеть агентов влияния. С их помощью можно на договорных основаниях закабалить финансово-экономически, сделать своим сырьевым придатком, сколотить мощную пятую колонну и через нее насаждать марионеточных правителей. Мы с тобой об этом уже не раз спорили, но я продолжаю настаивать: глупо обольщаться демонстративным немецким миролюбием. Их льстивые речи – это пение гомеровских сирен. На самом деле, многие немцы так и не поняли, почему они проиграли нам войну в 1941-1945 годах. И почти все уверены, что Москву не взяли в 1941 по одной единственной причине: из-за лютых морозов. Помешал им, видите ли, «генерал Мороз». А не случись мороза, и Москву бы взяли, и войну бы выиграли, и славян в рабочий скот превратили.

На этом можно и остановиться... Но еще пару слов выскажу по поводу одной фразы из твоего письма. «Большевики посеяли в русском народе семена раздора – классовой ненависти – и вот сегодня на почве, унавоженной либеральным курсом Горбачева, они дают свои страшные всходы: уже не классовую, а всеобщую гражданскую ненависть». Ты ведь коммунист, Томилин? Как же ты можешь писать такие вещи секретарю комсомольской организации института? Как у тебя рука поднялась написать такое боссу?! Ты это брось. Мало ли что... Не надо мне такое писать. Теорию классовой борьбы еще никто не отменял. Как и научный коммунизм. То ли ты, Томилин, с чужого голоса запел, то ли фальшивую ноту взял – не знаю... Но бди!

Отвечаю на твой вопрос: у Бинднеров на Мюленштрассе я прожил около месяца. Они – образчик немецкого мещанства, классическая мелкая буржуазия, прямо по Марксу. Вот такие домовладельцы и лавочники привели Гитлера к власти. Я не удивлюсь, если узнаю, что старик Бинднер хранит у себя где-нибудь в сундуке «Mein Kampf» в первом издании. Ну, или во втором. Разумеется, хранит как исторический документ эпохи. Томилин, немцы каждый по отдельности еще ничего. Но если их трое или больше... Они тут же образуют организацию, вводят устав, выбирают правление... – и все: это уже не люди, а функции механизма.

Бинднеры сочли меня, видите ли, алкоголиком, потому что раза три я крепко выпил. Ну, и что? Ну, выпил человек от скуки вдали от дома и семьи. И он уже алкоголик? Так что я тебе не завидую. Вот увидишь: первым делом будут у тебя спрашивать, не склонен ли ты к алкоголизму. Ведь ты русский – вот они у тебя и спросят. Правда, у тебя, Томилин, с Бинднерами может случиться взаимопонимание – ведь ты свой народ ненавидишь, а в чужом, немецком, души не чаешь.

Еще раз прошу: не обижайся, если что не так. Правда горькая лечит, ложь во спасение калечит. Насчет правды ты мне можешь возразить: дескать, много на себя берешь... На всю правду я не претендую, я только свое мнение высказал.

С уважением,
Петр.

Бонн
18.04.90

Здравствуй, Петр!

Получил твое письмо, прочитал, перечитал и еще раз перечитал. Обижаться не стану. Однако и ты не обижайся на мой ответ, который я написал за ночь, что называется, с пылу с жару. Извиняюсь за почерк и исправления.

[Перечеркнут и замазан большой абзац.]

Есть материи, о которых писать трудно и больно. В своем последнем письме ты затронул как раз такие. Я имею в виду отношение к родине, любовь к родителям, матери... Мы с тобой друг друга давно знаем, не одну бутылку водки вместе выпили. И все же я не буду обсуждать

с тобой некоторые вещи. Это мое личное дело. Я не нуждаюсь [зачеркнуто] ни в твоих похвалах, ни порицаниях за то, как отношусь к матери. [Зачеркнуто.] С родиной дело обстоит примерно так же. Нравоучениями тут не поможешь. Хотя обсудить эту тему можно.

Родина – это прежде всего люди с их историей плюс территория, природа. Я люблю русскую природу, но я ненавижу «наш великий и могучий» народ с его совковым менталитетом. С ним надо что-то делать. Была бы моя воля, я бы все быдло [зачеркнуто] загнал в трудовые лагеря со строгим внутренним режимом и профильтровал. Самую мразь, отпетых негодяев (людоедов, уголовников-рецидивистов, педофилов, насильников и т.п.) я бы отчасти уничтожил, отчасти стерилизовал, лишив их права иметь потомство, заставил бы трудиться на общее благо в лагерях или под надзором. У нас их много! Они строили бы дома, дороги, мосты, рыли каналы, благоустраивали бы территорию, убирали мусор и т. п. Только лучшие из них имели бы право избирать и быть избранным [зачеркнуто] в органы государственного управления низшего и среднего уровня.

Для физически нормальных и нравственно здоровых людей я сделал бы жизнь богатой, свободной и интересной – такой, какой она и должна быть! У них рождались бы крепкие, умные, красивые дети. Они получали бы за счёт государства необходимое медицинское обслуживание и хорошее образование, занимались бы наукой, искусством, экономикой, политикой и вообще тем, что им по душе. Все они имели бы полноценное избирательное право, которое позволяло бы им избираться в государственные органы любых уровней. На вершине такого государства работали бы самые талантливые дисциплинированные личности, пользующиеся реальным авторитетом среди высшей общественной страты. И через какое-то время – думаю, уже лет через пятьдесят – «страна дураков» превратилось бы в страну «умников», в богатейшую страну мира с развитой инфраструктурой, в мощнейшую сверхдержаву! Ведь касаясь полезных ископаемых и других природных ресурсов, не найти другую такую территорию, как у нас. Все дело в людях, в качестве человеческого материала. Сталин был абсолютно прав, когда говорил: «кадры решают все». К сожалению, наш мудрый, но темный вождь генетику с евгеникой недооценил...

Ты, наверное, удивился: либерал Томилин [зачеркнуто] цитирует Сталина? [зачеркнуто] Да, цитирую. Но это вовсе не значит, что я – [зачеркнуто] сталинист. Мои либеральные и демократические взгляды от этого ничуть не изменились. Кадры, действительно, решают все.

Каждый либерал подпишется под этим высказыванием. Когда я вспоминаю Политбюро во главе с Л.И. Брежневым или приснопамятным Черненко, я убеждаюсь в правильности этой сентенции. А мягкотелый подкаблучник Горби, боящийся как огня ответственности перед народом и историей?! Я просмотрел все изданные тома его сочинений – статей, речей и т. п. Ведь он умудрился нигде не сказать ничего такого, за что можно было бы хоть как-то уцепиться. Одни скользкие, уклончивые выражения, намеки, экивоки, оговорки... Ничего определенного и утвердительного! Горби – гений междометий. У него трудно найти хотя бы одну вразумительную цитату. Механизмы отбора кадров, действующие внизу и вверху общества, должны быть разными – и там, и тут надо использовать как позитивную селекцию, так и негативную. Но они должны быть действующими! Они должны работать!

Кажется, меня занесло куда-то в сторону... Вернемся к «родине». Ты, Акчурин, какую родину любишь и от меня защищаешь? Советский Союз? Да пропади он пропадом! Рейган правильно сказал: «СССР – это империя зла». Только он не договорил: империя зла, полюбишь и козла. Стерпелось – слюбилось. «И дым отечества нам сладок и приятен». А вот мне дым отечества не сладок и не приятен. Я ненавижу этот гигантский полуазиатский застеночек со всеми его «революционными, боевыми и трудовыми традициями», возглавляемый старыми пердунами из бывших стукачей и палачей. Может быть, ты любишь дореволюционную Россию? А что от неё осталось-то? И что в ней такого хорошего было, в этой отсталой лапотной России? Что хорошего было в царизме, феодализме, империализме? «Тюрьма народов» – это не о Российской ли империи сказано?

Давай и я спрошу тебя, как Шура Балаганов – Паниковского: а ты кто такой? Ты – советский или русский человек? Ты секретарь комсомольской организации академического института или крещённый православный? Ты коммунист-интернационалист или русский великодержавный национал-шовинист? Ты за разрядку напряженности и дружбу народов, скажем, русского и немецкого, или за «холодную войну» и геополитику с позиции силы? Хотелось бы скорее получить от тебя ответы на эти вопросы, Петр. Желательно искренние.

Сейчас ты, наверное, думаешь: не потому ли я на тебя так напал, что все-таки обиделся. К примеру, за то, что ты обозвал меня жлобом. Да, ловко ты меня поймал на слове, ничего не скажешь. Но дело-то не в том, жлоб я или не жлоб. А хотя бы и жлоб. Ну и что? Лучше я буду жлобом, чем интеллигентом-слюнтяем с мизерным окладом на иждивении у го-

сударства. Мне надоело прозябать в нашем богом забытом учреждении, получая от государства подачки. Откровенно говоря, я вообще не представляю, как снова буду работать в институте после стажировки. Смогу ли? А если призадуматься, то – зачем? Времена сейчас другие, шмоток я здесь прикуплю, валюты немножко поднакоплю. Брошу к чертовой матери эту науку с ее крепостным правом и квазирелигиозными ритуалами. С ее постыдной практикой втирания очков по принципу «за видимость зарплаты – видимость работы». Надоела мне эта казенная фальшь. От нее воняет мертвечиной. Хочется чего-то живого и настоящего! Открою своё дело. Стану, как говорят немцы, «экономически независимым». И пошлю всех к едрене фене!

Нет, я не обижаюсь на тебя, Петя. И вопросы, обращенные к тебе, я мог бы с небольшими поправками отнести и к себе. Кто мы такие? Кто вообще у нас «интеллигенция»? С легкой руки Горбачева в стране начинается что-то совершенно невообразимое, чего еще никогда не было. Интеллигенция, наверное, что-то воображает, предчувствует, но пишет все время о чем-то другом. В основном – ворошит прошлое, злопамятно сводит счеты с тоталитарным режимом. Занимается внутренними разборками: кто хороший, а кто плохой. Никто не пишет о будущем, не пытается предугадать, спрогнозировать, спроектировать его. Как будто оно никого не интересует! Как будто оно предначертано судьбой. Удивительный фатализм. Страну несет черт знает куда, а ее «лучшие представители» устроили свару на кухне коммунальной квартиры! Один обливает соседа кипятком, другой под шумок ворует чужой сахар, а третий злорадно улыбаясь, готовит себе плотный ужин. В нашем институте лишь один человек занимается будущим. Да и тот предсказаний не делает – учит методам прогнозирования. Говорит, я вам не гадалка. Зато никогда не ошибается. Ну как здесь снова не вспомнить классика! Если верить Ленину, русская интеллигенция – не мозг, а говно нации. Не хотелось бы верить Ленину, но факты – упрямая штука.

Твоя версия краха горбачевской «перестройки» мне известна. Отчасти она верна. «Рыба гниет с головы». Ты винишь верхи, я – низы. Разница, между тем, огромная. Ты оправдываешь и защищаешь народ, словно он всегда прав и абсолютно невинен. Не думаю, что доверчивость и тупая податливость русского народа, рискованная готовность на любые эксперименты положительно его характеризуют. Ох, не думаю. «Не виновата я, он сам ко мне пришел!» В отличие от тебя, я не оправдываю слабовольного недалёковидного генсека и его команду. Они делали, что могли. А могли они, как теперь понятно, немного. Не тот мас-

штаб личностей. Впрочем, и на том надо им спасибо сказать, а не бранить их по чем зря, закусывая немецкое пиво брюссельской капустой в Саарбрюккене. Так что возвращаю тебе твое крылатое речение: «Свинья под дубом вековым наелась желудей».

Комплекс «имперского высокомерия и самовлюбленности» у советского народа есть. Я настаиваю. Совок может сколько угодно ругать и унижать себя и всю нацию, восхваляя при этом иностранцев. Однако рано или поздно наступает момент, когда в нем пробуждается своя, особая совковая гордость – гордость за небывалые исторические достижения Советского Союза, первого в мире социалистического государства. (Как метко попало слово – «небывалые»!) Из грязи в князи. Со свиным рылом, да в калашный ряд! Кто был ничем, тот стал всем! Вот на что замах: на построение земного рая трудовыми рабочими руками. Замах на Град Китеж, незримый для западного бюргера. На сотворение исторического чуда, которое под силу только русскому народу-исполину. Разве это не гордыня? А что могут, к примеру, жалкие французишки? «Француз ума не имеет», как писал Федор Михайлович...

Данилевский, К. Леонтьев, Н.С. Трубецкой... Россия и Европа. Славянофилы и западники. Консерваторы-почвенники и революционеры-демократы. «Декабристы разбудили Герцена». Черносотенцы, кадеты, меньшевики, большевики, эсеры, революционный террор... Наконец, два мира – два образа жизни. Бог мой, неужели после семидесяти с лишним лет все возвращается на круги своя?! Словно все эти годы общественное сознание было впихнуто в морозильную камеру, и теперь его оттуда вытащили. За это время многое изменилось, преобразилось, ушло вперед. В странах Запада возникает постиндустриальное информационное общество, основанное на новой системе ценностей. А наше общественное сознание, оттаивая от заморозки, дает неприятный гнилостный запах. Начинается движение по второму кругу, потому что первый был искусственно разомкнут. Естественный исторический процесс не получил своего логического завершения. И опять все начинается с того момента, когда эволюционный процесс был насильственно прерван – людьми, которые низвергли спасительный крест и водрузили на его место пятиугольную «марсову» звезду, кровавый символ войны. Когда брат пошел на брата...

Я с ужасом думаю, что нам в самом деле предстоит многое пройти сначала, многое повторить. Боюсь, это неизбежно. Наследственность, с одной стороны, и наследие, с другой – это дело серьезное. Против них не попрешь. И все же не хотелось бы наступать на те же грабли. Мне

кажется, наша дискуссия свернула в старую заезженную колею: в спор славянофилов и западников. Волей-неволей, я причисляю себя к западникам, тебя – к славянофилам. Так? В сущности, наверное, так. Я не знаю, какой ты, Акчурин, славянофил – это тебе судить. Ты же вроде татарин наполовину?. А вот из меня западник вышел бы, наверное, неплохой. И революционер-демократ бы вышел. И меньшевик. [Зачеркнуто] То есть социал-демократ западного образца.

Да, Плеханов – это не то. Ближе всех мне, пожалуй, Э. Бернштейн. Был заурядным банковским клерком, увлекся политикой. Как ни парадоксально, а его этический социализм не только выжил, но и преобразовался в программную идеологию СДПГ. Я тут в архиве покопался, кое-что почитал. Интересно. Большевизм, судя по всему, погибает, а социал-демократическая идея получает в конце XX века второе дыхание. Горбачевско-яковлевская концепция «нового мышления с точки зрения общечеловеческих ценностей» – что это, если не поворот КПСС от зверского большевизма к человеческому меньшевизму, к классической социал-демократии, лейборизму? Это моя точка зрения. Какие у нее внутри- и внешнеполитические следствия – другой вопрос. Тут я с тобой [зачеркнуто] в чем-то согласен, а в чем-то нет.

Ты пишешь, что «европейничанье» – стиль жизни русской интеллигенции с петровских времен. А что в этом плохого? Как можно в европейской ориентации [зачеркнуто] о б в и н я т ь, не понимаю! Неужели «азиатничать» было бы лучше? Ты пишешь, что мой стиль – слепое преклонение перед Западом. Принимаю, но с одной оговоркой: преклонение не «слепое», а зрячее. Европа, точнее Западная Европа выработала такие культурные образцы, которые имеют общечеловеческое, универсальное значение. В том числе и для нас. Это и есть общечеловеческие ценности. Если им строго следовать, не выдумывая какую-то идиотскую русскую самобытность, то можно догнать развитые страны Запада. Это единственный путь, вступив на который, можно рассчитывать на успех. Иного не дано.

И точно так же существует одна единственная для всех народов столбовая дорога цивилизации, проторенная Европой для всего мира за последнее тысячелетие. Культуры могут быть разными – индийской, китайской, русской, арабской... А вот современная цивилизация одна. Это индустриальная цивилизация, основанная на прогрессе науки и техники. И хоть ты расшибись, Акчурин, а без нее сегодня никто никуда. Без русской или индийской культуры хоть куда, а без индустриальной цивилизации – никуда. Без нефти, газа, угля, без электричества, отопления,

удобрений, автомобиля, железных дорог, авиации, канализации, вентиляции и т. д. – никуда! [Зачеркнуто несколько предложений.] Я имею в виду, что русский без индийской культуры обойдется, как и индус – без русской. Зато и тот, и другой одинаково нуждаются в научно-техническом прогрессе, в его индустриальных и бытовых применениях.

Так что, уважаемый господин Акчурин, если Вы – славянофил (?), то я должен Вас огорчить: сегодня для Вас есть место только в историческом или этнографическом музее. В нормальной повседневной жизни для Вас места нигде не осталось, даже в Советском Союзе. Вообще, надо решиться, сделать над собой внутреннее усилие – и раз навсегда покончить с этим вызывающим рвотный рефлекс тоталитарным прошлым, с проклятым сталинистским наследием. Нам нужен свой антисталинистский Нюрнбергский процесс! Хватит уже заниматься магическим заклинанием духов, вызывать из могил великих мертвецов! Французы говорят: «мертвый хватает живого». Мертвецы отравят нас своим трупным ядом.

В заключение позволь и мне дать тебе совет: не бойся немцев, не такие они и страшные, как тебе кажется. Твои геополитические взгляды я не разделяю. Извини за резкость, они больше смахивают на фантазии и галлюцинации. На отрыжку «холодной войны». Никакая угроза от немцев не исходит и в ближайшие лет тридцать-пятьдесят исходить точно не будет. В этом я убедился здесь на все сто процентов. У немцев глубочайший комплекс вины. Особенно у людей старшего поколения. Наоборот, такие ксенофобские геополитические фантазии, как у тебя, как раз и могут испортить международные отношения. Не портить воздух в общеевропейском доме, Акчурин!

Если честно, я не понимаю, зачем у нас 9-е мая до сих пор празднуется? Победа победой, но сколько лет уже прошло. И фильмы про Великую Отечественную войну все время показывают – одни и те же на протяжении многих лет. [Зачеркнуто несколько предложений.] Кончилось все это. Пора, наконец, понять: война закончилась. По-моему, такие фильмы и праздники только разжигают ненависть между народами. Разве не пора забыть о взаимной вражде? Разве ксенофобия способствует дружбе? Наоборот, надо воспитывать толерантность. А мы гигантскую армию содержим и народ постоянно пугаем, что на нас скоро нападут. Кто нападёт? Никто на нас не собирается нападать. Немцы точно не собираются. А между тем, обрати внимание: наши дети играют в войну, как сорок лет назад. Плохие у них – всегда немцы, фашисты. «Немцы» и «фашисты» для них – одно и то же. Все из-за фильмов. Если мы хотим

укреплять и развивать советско-западногерманские отношения, то нам следовало бы пересмотреть нашу культурную политику в этой части. Да, кстати, и армию надо наполовину сократить, если не больше. Кому она сейчас нужна? [Зачеркнуто предложение.] Я знаю, ты с этим не согласишься. [Зачеркнуто.] Но это моё мнение.

Ладно, пора заканчивать. А ведь утро уже наступило. Птицы щебетали. Скворцы, дрозды. Какое для них тут раздолье! Не то что у нас. Они здесь совсем не пуганные. Ручные. Не боятся людей. Немцев. А у нас боятся. Русских. Ты не заметил?

Пока,
Томилин.

Глава 3.

Сотворение сказки

Бонн
20.04.90

Дорогой Саша!

Получил вчера твое письмо с двумя историями, невеселой и веселой. Отвечаю на них по порядку.

Конечно, история с обрезанием наших стипендий в результате утечки информации не вызвала у меня никакого восторга. Но это факт, против которого не попрешь. Упрекать тебя я не вижу смысла. Во-первых, действительно не ясно, откуда у Тиль информация. Не знаю, как бы я сам поступил в таком случае. Во-вторых, все равно этим ничего не поправить. Однако хотел бы заметить следующее.

1. Я не совсем понимаю, почему нам должны вычесть «по 9-е апреля»? Ведь 9-го мы уже приехали. Может быть, внести коррективы?

2. Я абсолютно точно могу сказать, что Тиль не объясняла нам порядок приостановления страховки так, как ты мне его теперь описал. Если бы мы знали о нем раньше, то, наверное, не стали бы рисковать.

3. Достаточно любопытным кажется мне следующее. Фрау Эрлих не могла, как уверяет меня Тиль, заняться переводом мне денег – это якобы выходило за рамки ее обязанностей. То есть, она не могла позвонить в бухгалтерию или как там это у них делается и сообщить номер моего счета. А вот заняться сложным делом приостановления страховки и т. д. она, получается, могла. Я в это не верю. На мой взгляд, Тиль просто решила нас наказать за упрямство. Она ведь говорила нам, когда мы с тобой впервые пришли в фонд: не надо никуда ездить. А мы поехали. Да еще не спросившись. Что же, она своего добилась. Видимо, это и есть те «открытые, честные отношения, которые установились у нас с самого начала» и сохранение которых представляется тебе [замазано] важным. Трудно удержаться от замечания, что я предпочел бы отношения скрытные и лживые.

Однако я не хотел бы, чтобы ты воспринял это как упрек. Я только не вполне принимаю последующие мотивировки, хотя и понимаю их происхождение. Перед тем, как сделать тебе плохо, Тиль дважды (с квар-

тирой и поездкой) сделала тебе хорошо. У меня иначе. Перед тем, как сделать мне плохо, она еще раз сделала мне плохо: задержка выплаты стипендии сильно испортила мне нервы. Достаточно сказать, что счет пришел как раз на Пасху, и я еще почти полнедели должен был как-то перекантовываться. Будем надеяться, что из неприятных сюрпризов, преподносимых нам фондом, это – последний. Меня же сей инцидент еще сильнее укрепил в мысли не приезжать в Бонн.

Теперь о второй истории. Она доставила мне несколько веселых минут. Хотя ситуация, описанная в ней, не так уж и весела. Петька, конечно, сука – извини за грубое слово, тем более, что оно больше подходит собачкам. И я вообще ничего не понимаю. Если он столько пьет, да еще делает дорогие покупки для жены, то он, выходит, ничего не ест? Если он ненавидит немцев, то что он делает в Германии? Если он такой гордый, то почему такой халявщик? Достоевщина какая-то... Все же я надеюсь, ты своим обаянием сломаешь новых домохозяев, и они поверят, что не все русские – такие, как их бывший квартирант.

Я рад, что тебе удалось организовать такую замечательную поездку. Думаю, что и ко мне ты можешь заезжать спокойно. Правда, с хозяйкой я еще не говорил, но думаю, что проблем не будет. Когда я заикнулся, что в Германию должен приехать мой родственник, она сразу же заговорила о второй комнате на нашем этаже – гостевой. «Но, – добавила она, – не более, чем на три дня». Мне было не нужно, и я решительно отказался. Но в принципе, как я понимаю, если не ставить вопрос о комнате, то все остальное ее вообще не касается. Скрывать тебя я не буду, но, в общем, особого интереса твое прибытие вызвать не должно. Впрочем, тонкости я еще постараюсь как-то обсудить. С другой стороны, я не могу тебе гарантировать в моей комнате ничего, кроме подушки. Этот момент тебе надо осознать.

Конечно, меня радует и то, что ты, наконец, прилично устраиваешься в Бонне. Хорошее жилье – а оно, судя по всему, у тебя лучше, чем у меня, – это очень важно. Оно сильно влияет на психику и работоспособность.

Передавай привет графу. Пригласи его почаёвничать.

Что касается чисто деловых моментов, то, имея в виду мое принципиальное согласие, я прошу тебя все же постоянно держать меня в курсе твоих планов и перемещений. Возможно, я поеду в Бохум, Дюссельдорф и Франкфурт, и должен буду подгадывать время, чтобы не разминуться с тобой. В принципе же я именно на эти дни – 20-21 мая – еще ничего не планирую.

Насчет твоего выезда по приглашению Шмидта и Рамзена, так чтобы фонд мог оплатить твои билеты, я вынужден тебя разочаровать. Моя помощь может состоять лишь в том, что я опущу твое письмо в почтовый ящик прямо в Билефельде. Лично я не знаком ни с тем, ни с другим и знакомиться пока не собираюсь. Хотя это у меня не принципиальная позиция, а просто отсутствие повода. Между тем, если Шмидт меня интересуется несколько меньше, то Рамзен – больше. И может получиться так, что это ты меня с ним познакомишь, а не наоборот. Ведь ты с ним уже встречался, вы как бы знакомы. А я даже Л. еще не признался, кто я такой (чем немало изумил Б.). Но таково уж свойство моей натуры, которую не переделаешь. Я как-то очень сильно себя ощущаю, и для меня не всё равно, знакомлюсь ли я, например, с Г. на конференции или из некоей пустоты сваливаюсь на того же Шмидта. По этой же причине я не воспользовался пока другими контактами и возможностями, которые мне открылись в Билефельде.

Б. я помянул не даром. Он появился. Самое смешное (если тут еще можно смеяться), что у него, как и у Л., сильно повреждено колено, и он не может двигаться. Но в отличие от Л., который просто споткнулся в темноте на ступеньках, железного Б. покалечил во время тренировки (он занимается дзюдо) какой-то верзила, у которого, по словам Б., оказалось больше веса, чем техники. Вот почему и я покалечил себе ногу: всякий, кто соприкасается с теорией Л., ставит под удар свои нижние конечности. Б. уже выписали из больницы, но ходить он все еще не может – и не сможет еще почти месяц. Я к нему заходил. Он здорово сдал. Но когда я ему, между прочим, сказал, что в конце мая приедет мой коллега, с которым я его хочу познакомить, он проявил живейший интерес. Так что один контакт (хоть он, может быть, тебе и не так нужен) я гарантирую.

И последнее. Ты предложил ехать в Москву 26 июля. Не знаю, как возникла именно эта дата, но я не против. Меня это вполне устраивает, как устроило бы и 25-е, и 27-е. Надеюсь, ты еще поделишься со мной своими соображениями.

Письмо я пишу в субботу, отправить смогу лишь в понедельник, из университета, так что тебе придется немного поволноваться.

Всех благ,

Филипп.

P.S. Во время выходных я переговорил с хозяйкой. Подтверждаю, что ты можешь приехать ко мне 20-21 мая на срок от 3-х до 5-ти дней. Б. сказал, что Рамзен сейчас в отъезде. Насчет Шмидта он ничего не знает.

Других новостей нет. Есть только просьба: купи мне, пожалуйста, в посылке блок сигарет – лучше всего «Мальборо» (если они, конечно, будут).

Бонн
22.04.90

Дорогой, Филипп!

Спасибо за письмо. Спасибо за приглашение на 20-21 мая. Непременно воспользуюсь твоим гостеприимством. Сигареты я тебе куплю.

Ты просил держать тебя в курсе моих перемещений. Послезавтра я отправляюсь в Саарбрюккен. Там меня ждёт Кронер. До вчерашнего дня у него гостил небезызвестный тебе херр Акчурин. Сейчас этот херр едет в Нюрнберг. Хочет мысленно поучаствовать в процессе, который там давно закончился (а у нас ещё не начинался). Потом он направится в Мюнхен посидеть в печально известной пивной Hofbräuhaus. У Кронера я пробуду до 5-го или 6-го мая, потом вернусь в Бонн. Буду переезжать со старой квартиры на новую. Не знаю, смогу ли писать тебе из Саарбрюккена.

Филипп, я снова должен тебя разочаровать. Внести коррективы в расчеты фрау Тиль мне так и не удалось. Фрау настаивает на том, что день приезда должен учитываться. Ты прав, она не объясняла нам порядок приостановления страховки. Это сделала фрау Эрлих. Я припоминаю, такой разговор, действительно, был. И, кажется, я тебе о нем писал. Если у тебя сохранились мои письма, ты посмотри. Правда, все это уже не имеет смысла. Сработал железный немецкий порядок, и вряд ли нам удастся его изменить. Мне самому очень жалко потерянных денег. В общем-то по глупости потерянных. Но уже ничего не поделаешь. Твою злую иронию насчет наших «открытых честных отношений с фондом» я, конечно, понимаю. Пропорционально у нас вычли поровну, но в абсолютном выражении ты потерял куда больше.

Знакомства со Шмидтом и Рамзенем (особенно с последним) у меня шапочные. Но если ты хочешь, чтобы я тебя с ними познакомил, особого труда для меня это не составит. По поводу оплаты фондом билетов я еще поговорю с фрау Тиль. Может быть, она просто позвонит по указанным мной телефонам и спросит у немецких коллег, знают ли они господина Томилина из СССР. Будем посмотреть.

С Б. я буду рад познакомиться, хотя, как ты верно заметил, от этого контакта я ничего такого не жду.

Вслед за Б. и я удивляюсь, почему ты до сих пор не представился Л. Надо отдать должное и Л. (впрочем, «должное» ли?). Какой он все-таки замкнутый в себе и на себя человек! На его месте я бы давно поинтересовался, кто же это посещает все мои лекции и постоянно выступает на всех моих семинарах, да еще демонстрирует при этом отнюдь не студенческие познания. А ему, видите ли, всё равно... Ну, что это за человек такой?!

О дате отъезда в Москву: 26 июля я взял с потолка. Если у тебя есть или появятся какие-то свои соображения насчет даты, пиши. Просто нам важно заранее с ней определиться. Ведь и у меня, и у тебя на ближайшее время запланированы путешествия. А между тем, ты должен будешь выкроить свободное от разъездов время, чтобы послать мне почтой свой «серпастый-молоткастый», а я должен буду выбрать подходящий момент, чтобы заглянуть в наше посольство и проставить там себе и тебе «выезд до...». Вся эта канитель выеденного яйца не стоит. Но она уже сейчас меня беспокоит по известной тебе причине. А вдруг меня не выпустят? Спросят: почему не уплатил партийные взносы? Так что я, честно говоря, слегка трепещу. И даже не слегка. Ведь если дело примет нежелательный оборот, то я не смогу уехать в отпуск в Москву, а потом и вообще останусь на бобах. Они ж меня по миру пустят!

Ну, ладно. Поживем-увидим. Ставлю на этом точку. Пиши.

Пока,

Саша.

Билефельд

09.06.90

Дорогой Саша!

Не знаю, как там у тебя в Бонне, а здесь в Билефельде стоит умопомрачительная жара. А у нас, как сказал по телефону отец (ему по-прежнему нездоровится), идут нескончаемые дожди и температура не поднимается выше +15.

Спасибо тебе за нож. Самое интересное, что в магазине «Диви», где мы с тобой были, эти ножи тоже есть. Но нет такого, как сейчас у меня. И нет такого, какой ты описал. Выбор меньше, чем в «Хите». А фирма,

между тем, одна та же. Спасибо и за сигареты. Все-таки для меня как человека некурящего это была настоящая головная боль. Я в них ничего не понимаю, к тому же по такой низкой цене, как в посольском магазинчике, я бы их нигде не купил.

Открытку фрау Дипхольц я передал, сопроводив ее разными хорошими словами. Впрочем, я еще раньше говорил их ей от твоего имени, объяснив, что ты в момент встречи был совершенно задавлен жарой и не мог вспомнить нужных немецких слов. Поскольку это голая правда, никаких особых неловкостей, кажется, не осталось.

Я поживаю тут с середины на половинку. Жизнь настолько полосатая, что и не знаю, с чего начать. Вот, к примеру, печатаю я тебе письмо, а машинка-то сломана! Сломался рычаг перевода каретки, и я перевожу ее рукой. А починить все недосуг.

Или вот заболел у меня зуб. Как обычно – перед праздником, перед Троицей. Пришел я к врачу после праздника, заглянул он ко мне в пасть и говорит: «А у Вас 10 зубов надо лечить!». Боюсь, фонд не потянет. В общем, залечил он мне один зуб. Попросил я скалькулировать, во что мне обойдутся остальные, если врачевать их приватным порядком. Оказалось – почти 1000 марок! Так что и я не потяну. А между тем, как бы под воздействием его речей начинают побаливать и другие зубы. Пошел я туда снова, но пока острой боли не было, записали меня аж на 17 июля. Так что стратегия моя такова: ждать, пока заболят, а потом уж с чистой совестью идти к врачу. Тем более, что по просьбе регистраторши я позвонил в фонд и узнал, что всё, кроме протезирования зубов, по нашей страховке оплачивается полностью (оказывается, есть и такие виды медицинской помощи, которые оплачиваются лишь частично). Вот это и называется «качество жизни» – не страховка, а то, что в нашей ведомственной поликлинике можно записаться на следующей день и ждать в очереди три часа. И пломба выпадает через полгода (я все зубы залечил перед отъездом, чуть ли не за неделю вставлял последнюю пломбу). А западная пломба, говорят, выпадает года через два. А ждал я 5 минут и в кресле сидел ровно 10 минут. Предлагали мне и наркоз – я отказался. В общем, когда начинают донимать зубы, состояние мерзкое. К тому же в эти дни у меня от перемены давления жутко болела голова, и я ничего не мог с ней сделать.

Вот в таком состоянии я укупил, наконец, видеомаягнитофон. Хотя, в отличие от радио, я долго выбирал, никакой уверенности в том, что я сделал правильную покупку, у меня нет. И чтобы не говорить больше о зубах, я расскажу тебе лучше эту историю.

После твоего отъезда я долго присматривался. Конечно, можно было пойти просто в «Диви». Но что касается техники, он нравится мне столь же мало, сколь и «Хит». Тогда я пошел в «Юпит», где мы с тобой видели «Орион» за 700 ДМ. Прихожу и вижу: на нем нет надписи «Пал/Секам». Стал спрашивать. Продавец говорит: не знаю, не знаю. Обычно это пишут. И вообще, зачем тебе это? Ты, братец, возьми-ка лучше «Блаупункт». Это германское производство, и к тому же у него шасси алюминиевое, особо прочное, а у остальных – жель. А стоит он, между прочим, 1000 ДМ (точнее, 999). Ладно, говорю, подумаю.

Иду гулять дальше. Набретаю на небольшой магазин, ориентированный на «Телефункен» и т. п. Дай-ка, думаю, поговорю с ними. Захожу – а там стоит такой же «Блаупункт», но за 600 ДМ. Говорят, побывал он в чужих руках всего ничего, а гарантия будет, как у нового. И тон-декодер могут продать за 49 ДМ. Я тут просто сошел с ума! И жизнь моя сию минуту превратилась в гамлетовские страдания. Но я себя смирил, сказавши: вот дождусь стипендии, а там посмотрим...

И совершенно напрасно, ибо как раз на праздники по телевизору был сначала фильм «Маркиз де Сад» (собственно, экранизация известной «Жюстины»), доставивший немало волнительных минут, а потом – одна из серий Джеймса Бонда. В ней красавец-герой вылетает в космос на «Шаттле», а преследует его жуткий громила с железными челюстями, которыми он перегрызает стальные канаты. Это меня надломило. Всё, решил я, надо покупать. И не подержанный, а новый, ибо я сам проем себе всю печень, если куплю потёртый. К тому же был он на руках явно не один день, если судить по руководству, которое было все истрёпано.

Пошел я опять в «Юпит», хотя тратить 999 ДМ так не хотелось! Очень это дорого, понимаешь. Как бы, думаю, немного сэкономить? Прихожу – а там стоит «Акай» за 898 ДМ. Стал я их сравнивать. Конечно, «Блаупункт» лучше: у него шасси алюминиевое (это, говорят, тот же «Панасоник», только сделан в Германии; «Панасоник» я за ту же цену видел – он красивее по дизайну), и три головки (у «Акая» их две; а сколько у твоего «Ориона?»), которые гарантируют отличное качество стоячей картинки и т. д. Но и 100 ДМ – тоже не мелочь. Я на них могу неделю жить, если себя не стеснять. Спрашиваю продавца. Он говорит: у него управление с дисплеем на жидких кристаллах и вообще... Я ему говорю: меня больше всего волнует надежность. А он мне: тогда надо брать «Акай», у «Блаупункта» гарантия всего полгода, а у «Акая» – два года (тут он соврал, потому что я сам видел у них объявление: один год

гарантии). Но и год – немало. Ведь это, собственно, в два раза больше. Так я купил «Акай».

Он, действительно, может немало. Есть, например, функция ВПС. Это очень хитрая штука: по некоторым телеканалам перед фильмами посылается специальный сигнал, и когда бы ни начался желанный фильм – раньше или позже указанного в программе времени – видеомагнитофон обязательно включится и начнёт запись точно по сигналу. Есть и программирование по восьми каналам, и возможность программировать последовательность операций (15 вариантов) и т. п.

Ну и что? Боюсь, что вся его цена ушла именно в это, а качество у моего «Акая» не лучше, чем у твоего «Ориона». И зачем мне восемь программ в СССР? Не говорю уж о ВПС и о том, что надо еще встраивать декодер. А тюнер здесь полностью автоматический, так что если возникнут какие-то нестыковки с советской системой, то даже нельзя будет подправлять, как я это делаю на телевизоре, вручную. Одна из главных особенностей этого прибора – диалоговая система на экране телевизора. То есть, не надо всматриваться в флуоресцентный дисплей, все установки и команды выходят на экран и легко читаются. Но и это в советских условиях не большое счастье.

И самое главное: через два дня я купил газету «Бильд» с телепрограммами, а там – громадная реклама пригородного магазина электроники. До него от нашего вокзала – пять минут на электричке. Так вот там продается «Грундиг» с Пал/Секамом, со всеми основными функциями, с пультом дистанционного управления, на котором жидкокристаллический дисплей. А стоимость всего... 645 ДМ! Ну, есть ли после этого справедливость в мире, скажи мне?! Утешает меня только, что мой «Акай» очень компактный, не тяжелый. Дизайн, правда, у него мерзкий – ящик ящиком.

Купил я и первый видеофильм. Им стал «Амадеус» Формана, которого я очень люблю. Сделал я и первые записи. Но все их придется стереть. Записи-то хорошие. Но, как я представляю, ведь их не просто кому-то крутить – их же переводить надо будет, объяснять... Впрочем, одна штука называется «Ведьмин шабаш», и ее, может быть, я оставлю. Но жаль ленту. Ко всему прочему, я еще по ошибке купил самую лучшую ленту, которая мне совершенно не нужна, ибо годится для стереозаписи. Ну, это мне не грозит. Зато Форман меня утешил. Фильм длиннющий. Стоил он кучу денег. Но знаешь, во всей этой истории мне по-настоящему не жаль денег только на него. Я смотрел его целиком лишь один раз, но к разным фрагментам присасывался неоднократно. Наверное, надо было делать ставку именно на покупку готовых фильмов.

Уже после того, как я тогда при тебе и Б. возмущался по поводу отсутствия в продаже хороших видеофильмов, я случайно набрел на магазин, где нашел: Формана, Бертолуччи («Последний император»), ещё один очень хороший фильм, который я тут видел по телевизору, – «Время волков» Н. Джордана, «Большую жратву» М. Феррери. Кстати, Феррери был здесь моей первой записью. Его высокопрофессиональный фильм «Будущее зовётся женщиной» я записал в первый же вечер. Я и с покупкой видеоманитона поспешил отчасти потому, что не хотел его упустить. И тем не менее, все это безумие: мне никогда не осилить его внятного русского сопровождения, к тому же он очень тяжёлый. И я его стёр.

Надеюсь, я не сильно утомил тебя своим потребительскими сказками. Но ведь в нашей жизни не так много событий! И это событие меня сильно потрясло.

Теперь о другом. На твою конференцию я не пошел. Не захотел. Было не до того. А вот к Графрату на семинар наведалься. Было неудобно не прийти: вроде поел, а больше не ходит. Я пришел – и пожалел. Это какой-то кошмар. Они все ломают непонятную мне комедию, и присутствие чужого им мешает. Графрат был сильно удивлен и больше не просил заходить. Так что теперь – до твоего приезда. Тогда мы еще с кем-нибудь поедим.

В Гейдельберг к Шлихтеру я поеду. Фонд все-таки дал мне билеты, хотя тут опять все вышло как-то неудачно. Дело в том, что сейчас мой приезд в Дюссельдорф не нужен, а нужен только 19-го июня. Г. просчитался, и 12-го у них там что-то происходит. Однако его письмо я получил уже после того, как отправил заявку в фонд. Боязнь поломать все предприятие остановила меня от попытки передвинуть вояж на неделю. К тому же я не заметил, что 14-го у немцев опять праздник! Когда же они вообще работают?! Так или иначе, билеты я получил и еду. Шлихтер не отказывается меня принять, а это главное. Второй раз в Дюссельдорф поеду за свой счет. Кстати, Шлихтер спрашивал о тебе. По-моему, он тебя хочет. Твое письмо он получил, но еще не отвечал. Я сказал ему, что тебе надо сделать небольшой интервал, иначе фонд не даст билетов. Видимо, он предпочел бы все же, чтобы мы приехали вместе. Но так уж получилось!

Вот и все мои дела. Конечно, мне тоже сильно тебя не хватает. В конце месяца мои хозяева уезжают в отпуск – партизанским образом ты мог бы наведаться снова.

Насчет даты отъезда в Москву ты прав. Никаких соображений по ее поводу у меня пока нет. Давай остановимся на 26-м июля. Свой паспорт

я тебе вышлю недели через две после возвращения из Гейдельберга. А получить его обратно хотелось бы, по меньшей мере, за неделю до отъезда, где-нибудь 17-18 июля.

Совсем забыл тебе сказать. Если помнишь, я обмолвился как-то, что написал большое письмо Борису Парамонову. Так вот он ответил. Мы вступили в полемику. Вся эта история меня совершенно выбила из седла на неделю. Но об этом как-нибудь в следующий раз.

[Подпись]

Бонн
12.06.90

Дорогой Филипп!

Спасибо за большое интересное письмо. Сочувствую тебе в том, что касается зубов. Плохо, что они у тебя болят, но хорошо, что они у тебя еще есть. А у меня их почти не осталось. Все больше из нержавеющей стали с пластмассой.

Поздравляю тебя с ценной покупкой. Жаль, купил я свой «Orion» в декабре 1989, а то бы, как и ты, записывал здесь интересные фильмы. Ну, а твои хождения по мукам мне до боли знакомы. Нет у нас в Союзе такой проблемы – проблемы выбора. И снова жаль: лучше проблема выбора, чем его отсутствия. Твои «потребительские сказки» они и про меня. Я точно так же покупал деку «Aiwa». Вот и сегодня ходил по магазинам – присматривался, приценивался. Пускал слюну. Пока остановил выбор на проигрывателе компакт-дисков «Philips». Денег-то на него нет. Ждать надо. Значит, будем ждать. А ведь хочется еще и страну посмотреть и вообще! Так что одно сплошное расстройство. С горя купил пару бутылок вина, рейнланд-пфальцского и мозельского. По три марки за литр – дешево и сердито. Вот допишу тебе письмо и откинусь перед мутным черно-белым телевизором.

При встрече я рассказывал тебе, как устроился на новом месте. Это были первые впечатления. Прошел почти месяц. Ну, что я могу сказать? В общем, доволен. Повторю: по сравнению с тем, что у меня было раньше, это скорее похоже на рай. Чего стоит один лишь вид из окна на внутренний дворик. Там на аккуратно подстриженных газонах у Бинднеров растут голубые ели и стройные березки. Перед террасой с выходом во внутренний дворик – живописный прудик с рогозом (у нас его

зовут «камышом») и откормленными красными рыбами. У прудика сидит большая белая мраморная лягушка, а вокруг него разбит большой благоухающий цветник. Красные черепичные крыши соседних домов утопают в зелени. Выглянешь в окно – лепота! Вот только квартплата... Живем-то мы с тобой примерно в одинаковых условиях, но из-за того, что Бонн – столица, мне приходится платить значительно больше. Не знаю, найду ли я себе что-нибудь подешевле, да и стоит ли теперь уже что-то искать... От добра добра не ищут.

Бинднеры производят хорошее впечатление и, кажется, мы найдём взаимопонимание. Да, Пётр Васильевич мне тут подгадил. Похоже, он укрепил Бинднеров в подозрении, что все русские – лентяи, пьяницы, драчуны, в общем, *russische Schweine*. Мне пришлось рассказать о Петькиных подвигах перед отъездом в Москву. Я не мог им этого не рассказать: надо ж было объяснить, кто разукрасил мне физиономию. История о том, как 9-го мая Петька на прощание учинил дебош в пивной в Плиттерсдорфе, произвела на них неизгладимое впечатление!

Я им поведал, как пьяный Петька истерично орал, что Горбачев – Иуда, отступник, изменник родины, что он-де продал 27 миллионов советских граждан, павших в Великой отечественной войне, за 30 американо-германских серебреников; орал, что нельзя выводить Западную группу войск из бывшей ГДР, что наши должны-де оставаться в Восточной Германии, как войска США остаются в Западной, что 20 миллиардов марок за вывод почти полумиллиона военных с семьями – это ничтожные гроши и половину из них всё равно разворуют; что в 1964 году правительство Эрхарда якобы предлагало нам за восстановление единства Германии 124 миллиарда немецких марок, а теперь за уже осуществленный аншлюс, за фактическое поглощение пяти «новых федеральных земель» предатели Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе, словно нищие, выпрашивают у Коля жалкие 4,5 миллиарда марок, да ещё и в кредит; что немцы сами дивятся такому подарку от нас, а завтра будут над нами смеяться, что веры им нет никакой, что им только дай волю и они нам всё вспомнят, что советско-германская дружба – дурацкий колпак, который Коль напялил на Иудушку Горбачева т. д. и т. п.

Ну, что тут скажешь? Зловонная отрыжка «холодной войны»! Для всех эта война уже канула в Лету – для Herr Aktschurin категорически нет. Ему всюду мерещится ВРАГ. Нарочно ведь орал в пивной по-немецки, чтобы его не только слышали, но и понимали. Хотя я его предупреждал: добром это не кончится. Вот и не кончилось. Дальше я тебе рассказывал всё в деталях: драка, полиция, штрафы... Изумляет меня этот человек!

Ну, прямо по басне Крылова – свинья неблагодарная! За то, что я не дрался вместе с ним, а только разнимал (хотя тоже получил), наш комсомольский вожак заклеил меня позором: я у него и «продажная шкура», и «типичный представитель пятой колонны» и наконец «предатель родины»! А то, что мне по морде надавали из-за его хамства и глупости, это для него нечто само собой разумеющееся. Дескать, ещё мало дали, скажи спасибо, что живой...

Мне до сих пор стыдно перед немцами. Да и денег, конечно, жалко.

Бинднеры слушали меня, выпучив глаза и разиня рты. Я их успокоил, сообщив, что Herr Aktschurin уже покинул Федеративную Республику и вернулся на горячо любимую им родину, что я разорвал с ним отношения, а на советско-германскую дружбу взгляды у меня противоположные. Да, сказали они, мы видим, господин Томилин, что Вы – совсем другой человек, с Вами можно иметь дело.

Кстати сказать, квартплата, которая мне по моим доходам кажется столь высокой, судя по всему, едва покрывает затраты Бинднеров на мое содержание (коммунальные услуги, стирка белья и т. п.). Прибавь к этому всякие хлопоты с новым постояльцем. На старости-то лет. Я спрашиваю себя: зачем им всё это? И знаешь, прихожу к выводу, что Бинднерам, скорее всего, просто не хватает живого общения, тем более – общения с новыми людьми, носителями другой культуры. Им интересно. Пенсия у них обоих, судя по всему, достаточная, чтобы жить безбедно, не пуская новых квартирантов. (Я тебе рассказывал, что на втором этаже у них уже лет двадцать снимает квартиру одинокая фрау). Они на свою пенсию два раза в год отправляются в туристические поездки – в последние годы по Италии. Побывали они уже почти во всех европейских странах, даже в Скандинавии.

Я рассказывал, что фрау Тиль давно дружит с Бинднерами. Они знали её ещё малым ребенком. Так вот недавно Тиль совершила неожиданный и, на мой взгляд, экстравагантный поступок. Она пригласила Бинднеров на ужин вместе со мной к себе домой! И ужин, как ни странно, удался. Потом Бинднеры рассказали мне, что фрау Тиль, оказывается, взяла фамилию Тиль совсем недавно, выйдя замуж за голландца. Он присутствовал на ужине и очень мне понравился. Интеллигентный, обаятельный, весёлый дядька, не зажатый, с раскованными манерами. А Бинднеры потом строили какие-то гримасы, дескать, надо же, нашла себе голландца, как будто немцев мало...

Странно все это. Оказывается, немцы недолюбливают голландцев. Я не знал. Ханс Бинднер рассказал мне, что, если немцы хотят разозлить

голландцев, то делают руками большие круговые движения, смыкая их вверху и внизу. «И что это означает?», – спросил я. – «Как что? Голландский сыр!». «Да-да», – вмешалась фрау Бинднер, – «Где был голландец, там немцу делать нечего!»

Возвращаюсь к твоему письму.

О Графрате. Не понимаю, как можно вести семинарские занятия таким причудливым образом, каким их ведет профессор Графрат. Я дважды присутствовал на них. И каждый раз спрашивал себя, уж не попал ли я в дурдом? Твои впечатления от семинара Графрата в точности совпадают с моими. По-моему, Графрат самодурствует, зная, что нет на него никакой управы. Не хотел бы я оказаться на месте студентов и аспирантов. К сожалению, иногда приходится жертвовать своим временем и душевными силами, чтобы соблюсти политес. А что делать. Кушать-то хотца...

Знаешь, Филипп, я давно написал письмо Шлихтеру. Но он почему-то долго на него не отвечал. А теперь я и не знаю, удастся ли мне выкроить время и деньги на поездку в Гейдельберг. Да и говорить нам с ним, сказать по совести, не о чем. Ведь я не специалист по В. И калибр у нас с ним разный: кто он и кто я. Чем я могу быть интересен профессору Шлихтеру? Такие материи, как «перестройка» и «гласность», как я заметил, не очень-то его волнуют. Не знаю, не знаю... Может быть, и не поеду. Не то, чтобы я не хотел ехать в город, прославленный ещё Пушкиным, – с удовольствием бы его посмотрел, но сопутствующие обстоятельства меня как-то напрягают.

К тому же у меня наклюнулось большое путешествие на север Германии. Вдруг как чёрт из табакерки выскочил один мой давний знакомый немец – Уве Кляйнер. Я познакомился с ним ещё в 1986 году в Москве. Он тогда учился в МГУ, неплохо говорил по-русски. Главное, у него был интерес к СССР и советской истории. Он – политолог. Вроде бы не шпион. Не похож. Милый, обаятельный, немного инфантильный парень. Я пригласил его к себе домой в гости. Мы посидели, выпили, поговорили. Он подарил мне на память перочинный ножик, который, кстати, у меня всегда с собой. С тех пор мы с ним изредка переписывались, перезванивались. Поддерживали контакт. И вот он как-то узнал, что я здесь, в Бонне, стипендиат. Сам позвонил, предложил встретиться. Встретились, хорошо посидели в пивной. И договорились о поездке на его машине из Бонна через Мюнстер, деревню художников и какой-то заповедник, который его интересует, в Бремен и затем в Гамбург. У него на эту поездку свои виды: он сейчас безработный и ищет по универси-

тетам, куда бы пристроиться. Я заинтересовал его тем, что пообещал оплатить половину стоимости бензина. Останавливаться же мы будем у двух его знакомых: один живёт где-то под Мюнстером, другой в деревне неподалеку от Гамбурга.

Но сначала мы планируем заехать в город Клеве, расположенный на германо-нидерландской границе. Это родной город Уве, там живут его родители. Надеюсь, что уговорю Уве поехать в Амстердам без виз. Я смотрел карту – от Клеве до Амстердама рукой подать, езды-то всего часа полтора. А с номерами города Клеве (машина его оттуда) сделать это проще пареной репы. Пограничники даже не обратят на неё внимание. Вообще, порядки в Западной Европе сейчас довольно свободные. Ездили же мы с Кронером в Саарбрюккене на велосипедах во Францию. Кстати, я бы и не узнал, что мы побывали в другой стране, если бы Кронер не показал мне пограничный столб на обратной дороге в Германию. И никаких пограничников!

Потом я еще несколько раз катался с Кронером и его женой вдоль Саара с заездом на французскую территорию. Всякий раз я подъезжал к пограничному столбу, похлопывал его ладошкой, словно ставил себе зачет: ага, вот я еще раз побывал во Франции... И еще раз снова въехал в Германию... И снова во Францию... И никто, кроме меня самого, этим не руководил! Никто не контролировал! Глупо, конечно. Что-то вроде комплекса, почти по Фрейдю. Ты не замечал, какое извращенное удовольствие доставляет нам – всем, кто сидел в Союзе за железным занавесом, – пересекать границы других стран? Как ненормально радуется нас сам факт перехода любой границы? Как лихорадочно мы ищем глазами невидимые пограничные линии, разделяющие Землю на отдельные суверенные государства?

Если мои планы с путешествием на север начнут принимать реальные очертания, я тебе сообщу. Тогда отсутствие твоих домохозяев окажется весьма кстати. Можем заехать к тебе в Билефельд, попить чайку или чего покрепче. А то, гляди, может быть, поедешь с нами? Прикинь.

На этом заканчиваю.

Пока,
Саша.

Билефельд
11.07.90

Дорогой Саша!

Спасибо за звонок из Берлина. Хорошо, что он был из бюро на халяву, а не из телефонной будки за твой счет. А то бы ты крупно раскошелся. Я уж не стал расспрашивать, как ты там оказался, если планировал путешествие на север. Берлин-то на востоке, а не на севере.

Посылаю тебе свой паспорт. Жду его обратно, как мы договаривались, через неделю. Умоляю: не потеряй!

Думаю, что мы потом всё обсудим по телефону. Но прошу тебя вот о чём.

1) Начни именно с резервирования билетов – а вдруг возникнут какие-то проблемы?!

2) Обрати внимание кассира на то, что мы едем в одном поезде и в одном купе, но в разные дни: ты – 26.07, а я уже – 27.07, в 01-31.

3) Я говорил по телефону с родителями. Твоя мама собирается контактировать с М., а раз так, то мы и уедем из Москвы вместе. Значит, как только ты зарезервируешь билеты, и мы будем знать точную дату, я напишу Тиль.

Я очень рад, что ты доволен новой квартирой, ну, а главное, своими путешествиями. Они у тебя вдруг посыпались, как из рога изобилия: Клеве, Амстердам, Мюнстер, Бремен, Гамбург, наконец, Берлин. Надеюсь, ты как-нибудь потом расскажешь о них более подробно, чем сделал это по телефону. Судя по голосу, путешествия тебя взбодрили. Ну, и славно. Меня, ты знаешь, почему-то утешает, когда мои приятели в хорошем настроении.

Мое собственное настроение мерзкое, хотя маленькие радости были и у меня.

Я сейчас ни с кем не общаюсь. Немцы мне отвратительны. Думаю, что и я им тоже. Работы много, но работаю мало: пружинка сломалась...

А слайды получились! Почти все. В поезде я тебе покажу. Поздравляю тебя с покупкой хорошего фотоаппарата.

Последняя новость: с видеомagneфоном меня жутко надули. В него нельзя установить декодер звука. Но об этом потом. Буду еще скандалить.

В университете не бываю: каникулы. Б. сейчас в Кёльне, но в августе намылится уезжать в Америку. Л. – никак. Я к нему больше не под-

ходил, ограничился семинарами. На последнем он меня страшно разозлил. Видеть его не хочу – покамест.

Познакомился с одной немкой-студенткой. Но живет она в Мёнхен-гладбах, так что пока у нас «любовь по переписке».

Все мое общество теперь – это кролик младшей дочки хозяев. Они все уехали, а я его кормлю. И он, сволочь, меня укусил. Я его побил за это, и теперь у нас холодные отношения. Но все равно он меня согревает – и морально, и физически, когда вечерами бывает свежо. Я с ним разговариваю, но он молчит. Только изредка хрюкает. И все.

Обязательно позвони мне по получении письма. Я все же волнуюсь.

[Подпись]

Дополнение

Мой первый звонок к тебе не дал результатов. Я не застал тебя дома. Зато узнал твой адрес – немаловажный момент! И еще: к телефону подошла фрау Бинднер, и по ее голосу (я его прочувствовал) мне стало ясно: может быть, она и считает каждый пфенниг, и твое содержание Бинднерам не в убыток, а в прибыль, но все же тебе с ней повезло не меньше, если не больше, чем мне с моими хозяевами. А Петька – сукин сын! И больше никто.

А хотел я у тебя узнать, что там осталось из моих денег? В том смысле, чтобы не обременять тебя из-за сигарет в финансовом отношении. А подходящей бумажки у меня сейчас нет – осталась аварийная сотня и монеты. Так что если я тебя напрягаю, ты сообщи.

Между прочим, и жене Шлихтера, и В. я рассказал, как нам урезали стипендии. Шлихтерша вознегодовала, а В. показал намерение написать в фонд жалобное письмо. Я его (без особого труда) уговорил этого не делать. Но все приличные люди, в т. ч. и мой домохозяин – адвокат, законник! – возмутились и говорили, что это «мелочно»!

Перспективы подзаработать на В. у нас есть, но для этого придется многое сделать в Москве.

[Подпись]

Бонн
18.07.90

Дорогой Филипп!

Возвращаю твой драгоценный паспорт с проставленным «выездом до...». Купил я тебе и блок «Мальборо», причем из твоих денег (оставшиеся 3 марки верну в поезде). Итак, дело сделано. Ура! Завтра утром пойду выкупать билеты.

Главное: в посольстве меня никто ни о чем не спросил!!! Такое впечатление, будто посольские озабочены только личными делами. Все что-то срочно улаживают, куда-то бегут. А до пришлых, как я, им вообще дела нет. Еще недавно всё было по-другому: спокойно, обстоятельно, внимательно и... бдительно. Наверное, лето ещё влияет. Отпуска. А может быть, времена меняются?

Я воспрял духом. Возрадовался. И, наконец, успокоился. Жизнь продолжается! И продолжается, как надо! Кто не рискует, тот не пьет шампанского!

Ты спрашиваешь, как я попал в Берлин, если планировал ехать на север. Отвечаю: сработали мои завязки 1988 года. Помнишь Вальтера Юлиха? Это он согласился принять меня на недельку у себя, организовал мне доклад в Берлинском научном центре (откуда я и звонил). Правда, первые два дня мне пришлось переночевать у его знакомого, который, не очень-то мне обрадовался. Но весь день до позднего вечера я гулял по городу, фотографировал (сегодня отдал плёнку в проявку). Так что по большому счету мне было на это наплевать.

Сам Юлих, как выяснилось, живет в «центре» Западного Берлина на Шлосштрассе рядом с дворцом Шарлоттенбург и огромным дворцовым парком. Он женат, у него двое детей. А живут они не просто в большой, а в огромной квартире! Сколько в ней комнат, я даже не знаю – то ли шесть, то ли восемь. Однако потрясло меня другое: в ней две туалетные и две ваннные комнаты! Таких квартир я еще никогда в жизни не видел. У Юлихов две новые машины – у него и у жены. Надо сказать, жена Юлиха не выказала мне особого радушия. И понятно почему: старшему ребенку лет пять, а младшему всего два годика, и хлопот с ним полон рот. А тут еще какой-то русский требует к себе внимания...

И все же я кое-что повидал. Съездили мы в Потсдам, погуляли по парку Сан-Суси, посмотрели на дворец. Красиво, конечно. Съездили на озеро Ваннзе. Живописно. Но интересней было-таки в самом Берлине:

Рейхстаг без купола, полуразрушенная берлинская стена, осколками которой, как сувенирами, торгуют по 5/10 ДМ за штуку. По-своему притягательны огромные пустыри по обе стороны стены. Их облюбовали бомжи, бродяги, хиппи и просто охотники пожить в палатке на зеленой лужайке. Любопытен «турецкий» район Кройцберг. Запомнились безоконно слепые торцы домов, художественно расписанные граффити. Примыкавшие к ним соседние дома снесли, и теперь они похожи на зубы, одиноко торчащие в беззубом рту. Или вот знаменитый Checkpoint Charlie. Сфотографировался около него на память. Ведь скоро его уже не будет. История!

Да нет, всего не перескажешь... Удивительное, почти карнавальное настроение царит в городе. словно Берлин пребывает в стадии глубокого брожения, и скоро оно даст новый, еще неизвестный, но явно крепкий напиток. А пока всех пьянит одно лишь его предвкушение. Предчувствие грандиозного будущего!

Ты вот пишешь, что немцы тебе опостытели. Вроде как не живешь в Германии, а отбываешь срок. Прости, но твое последнее письмо словно из заключения. Даже кролик, «сволочь», тебя укусил. Думаю, это просто ипохондрия на почве скуки или приступ ностальгии. Это пройдет. А я, честно говоря, по родине совсем не скучаю. Германию я люблю. Мне здесь хорошо, и немцы мне нравятся. Воспитанный, сдержанный, дисциплинированный, организованный, трудолюбивый народ. Должно быть, сказывается моя немецкая школа, где нас, бедных, не просто учили, а мучили – натаскивали, как шпионов на засылку. Каждый день у нас было два-три урока немецкого языка, немецкая литература, география, арифметика, домашнее чтение, еще что-то (забыл) – и все на немецком языке. Так что немецкий мне с молодых ногтей второй родной. Сказки братьев Гримм я знаю лучше, чем русские народные. Я всегда мечтал о Германии. Но, честно говоря, не верил, что когда-нибудь в неё попаду. Гейне написал «Deutschland. Ein Wintermärchen». А я бы написал «Deutschland – mein Märchen». Если бы не больная мать, остался бы здесь. Правда, не знаю, как бы мне это удалось – ведь не просить же политического убежища!? По-моему, это несуразно как-то, почти смешно. И Фехнера я подвел бы под монастырь. Он мне тут недавно плакался: пригласил пятерых китайцев на месячную стажировку, а они, гадёныши, уже через неделю попросили политического убежища – все пятеро. Представляешь?!

Но я отвлекся. Извини за лирическое отступление.

Да, всего не перескажешь. Берлин есть Берлин. Солидный город, как Москва. Зеленый. Местами даже очень – например, в Шарлоттенбурге или Далеме. Ты не поверишь, отправились мы погулять в дворцовый парк Шарлоттенбург – а кругом под кустами скачут кролики. Стада кроликов! Сначала я опешил, глазам своим не поверил. Откуда? Почему так много? В Москве бы их сразу поймали и съели. А здесь прыгают себе, травку щиплют, людей не боятся! Чудно. И удивительно! В нашей жизни, словно в сказке, одновременно появились кролики. К чему бы это?

В Восточном Берлине тоже был. Я был там раньше два раза. Так что прогулялся от Бранденбургских ворот по Унтер-ден-Линден и Либкнехтштрассе до Александерплатц, посмотрел на телебашню и вернулся обратно по Брюкнерштрассе. Так сказать, освежил память, отметил произошедшие изменения. Как же теперь уныло выглядят серые гэдээровские жилые многоэтажки. Словно время в них остановилось и угрюмо застыло.

Вечером проехали с Вальтером по Ку-Дам (так немцы называют главную улицу Западного Берлина – Kurfürstendamm) и по Литценбургерштрассе. На Ку-Дам выпили пива, поглазели на проституток. Боже мой, роскошные девки толпами гуляют по улице! Предлагают свои услуги... И, надо сказать, пользуются спросом. На моих глазах толстятурок снял двух проституток, посадил к себе в машину и увёз. Потом подкатили два юнца на черном BMW, сняли еще одну. Думаю, в более позднее время (мы уехали около 22-00) спрос на них вырастет. Вальтер говорит, что немок среди них уже почти не осталось. В основном – девчонки из Центральной и Восточной Европы: полячки, украинки, румынки, есть и русские... Большинство из них совсем сопливые, некоторым нет и восемнадцати. Опытные немки не выдерживают конкуренции. Это отразилось на ценах. Раньше за пару часов надо было платить три-две сотни марок, а сейчас – сотню или даже меньше.

«Хочешь попробовать?» – спросил у меня Юлих. – «Да нет.» – «Почему?». «Боюсь, не получу удовольствия». – Мой ответ озадачил. – «Интересно, почему? Что ты имеешь в виду?» – «Проститутке ведь нужны деньги, а не я. Так?» – «Да, но... А, впрочем, может быть, ты прав». Больше мы к этой теме не возвращались. Я уж не стал ему объяснять, что мне и сотни на это жалко. Интересно, подумал я, а сам-то Вальтер пробовал? У меня такое впечатление, что пробовал. И не раз...

Если уж начал я эту тему, перескачу сразу на Гамбург. А то что я тебе все про Берлин... Путешествие на север ведь тоже удалось. Уве Кляйнер не подкачал. Сначала мы поехали в Клеве, где переночевали у родите-

лей Уве в скромном одноэтажном домике. Потом, как я и планировал, мы на день съездили в Амстердам (о нем ниже – это отдельная история). А на следующее утро поехали в Бремен и Гамбург мимо заповедных болотистых мест, которые интересовали Уве. Он любит наблюдать за животными и птицами в бинокль. По дороге заезжали в деревню художников Ворпсведе, посетили там выставку. Ничего особенного, хотя некоторые картины мне понравились (в основном трех авторов – Г. Фогелера, Ф. Маккензена, Г. Ам Энде).

В Бремене и Гамбурге мы были не долго, всего по одному дню. Конечно, день – это мало для таких больших городов. И все же лучше, чем ничего. По крайней мере, я теперь могу сказать, что был в Бремене и Гамбурге, а если кто не поверит, – предъявлю фотографии: вот я у скульптуры «Бременские городские музыканты», вот я на Рыночной площади у «Роланда», вот я в гамбургском порту, а вот – в Сан-Паули у входа на Гердерштрассе, закрытую для юношей до 18 лет и «честных» женщин...

Фотографировать на Гердерштрассе я не рискнул. Опасался, что отберут фотоаппарат и вырвут пленку. Думаю, запросто могли (запрещено ведь). Мы прошли по Гердерштрассе, отгороженной с двух концов металлическими воротами, втроем – я, Уве и его приятель Отто, молодой деревенский парень из-под Гамбурга. Проститутки располагаются за стеклянными витринами на первых этажах невысоких слипшихся между собой домиков этой узкой улочки. Красивые молодые бабы, с элегантными прическами. Яркие брюнетки, настоящие блондинки. Отборные, породистые, в соку. Почти голые, в одних трусиках или полупрозрачных халатах. Стоят, сидят, полулежат в небольших кабинках с приятной подсветкой постельных тонов. Завидев прохожих, принимают соблазнительные позы, строят глазки, кивают головой, манят рукой и всякими прочими жестами. А какие линии тела, какие изгибы! [Зачеркнуто.] У меня чуть крыша не поехала. Да, против природы не попрешь. Сказался длительный пост. Признаюсь, я с трудом сохранил самообладание. В горле застрял сухой комок, а сглотнуть его я почему-то никак не мог.

Сглотнул я только, когда мы вышли с другого конца Гердерштрассе. Переведя дух, я почувствовал физическую потребность что-то сказать, но не знал что. Будь я рядом с соотечественниками, наверно, сразу бы нашел подходящее словцо – крепкое и увесистое, как дубина! Но рядом с мной были немцы. Прервав тягостное молчание, я, наконец выдавил из себя: «Они восхитительны!». Филипп, поверь мне: это голая правда.

Я был искренен. «Они отвратительны! Отвратительны! Отвратительны!» – заорал вдруг Отто. Я опешил и остановился, а Уве, поглядывая на нас, натужно захихикал. [Зачеркнуто.] Чего угодно, но такой реакции я не ожидал. «Почему?», – растерянно спросил я. – «Как почему?! – возмутился Отто. – Ведь они же п р о с т и т у т к и!». После этого я уже ничего не говорил. Сказать было нечего. [Зачеркнуто.]

А сейчас, когда пишу про все это (сам не понимаю, зачем, ведь уже два часа ночи), я вот что думаю. Сравни мой разговор с Юлихом в Берлине, я его только что описал. Заметь: Вальтер старше меня лет на десять, а я на десять лет старше Отто. [Зачеркнуто.] Все дело в возрасте! Меняет он людей этот возраст, причем до неузнаваемости меняет. Как сказал Горбачев, «здесь собака порылась».

Вообще-то я не в восторге от Гамбурга. Трудно объяснить, почему, но факт. То ли погода была пасмурная, то ли еще что, а показался он мне каким-то холодным, отчужденным, небезопасным.

По сравнению с многомиллионным портовым Гамбургом, Свободный Ганзейский город Бремен на Везере мне понравился больше. Приветливый, милый городок. Живет в нем всего полмиллиона человек. В историческом центре, в квартале Шноор с узенькими улочками, прилепившимися друг к другу краснокирпичными и фахверковыми домишками, цветами на подоконниках, сувенирными лавками, малыми скульптурами в человеческий рост атмосфера прямо-таки сказочная. Особенно запомнились Бётчерштрассе и дворик «Вюсте Штетте». Вот, действительно, сказка, ставшая былью. Не знаю, может быть, у меня чересчур богатое воображение? Вне исторического центра Бремен местами похож на многие северогерманские города, в том числе на Гамбург. [Зачеркнуто.] А ведь и в Бремене шел дождь, когда мы туда приехали. И ветер дул сильный. И промок я там до нитки... В общем, впечатления от этих городов очень и очень разные. Ясно, что они субъективны, поверхностны, случайны, отрывочны. Но что поделаешь, так мы и живем. Других впечатлений, кроме первых, у меня пока нет.

Но еще более яркое и сильное впечатление произвел на меня Амстердам. Мы доехали к нему из Клеве через Ниймеген и Утрехт. Эти города я практически не видел. В Амстердам мы въехали по Утрехтской дороге, потом миновали большой мост через Амстель и оказались перед Королевским парком им. Мартина Лютера (кажется, он так назывался). Потом проехали по набережной Амстеля(и) (он или она?), повернули налево и припарковались. А дальше отправились пешком к северу города по направлению к центру.

Центр чудным образом находится на берегу то ли бухты, то ли уже самого моря. Во всяком случае, там расположена центральная станция прогулочных катеров. Они застекленные и такие длинные-предлинные, что не понятно, как они плавают по узким каналам внутри города. От станции по набережной мы направились влево, вышли к каналу Prinsengracht, вдоль него добрались до красивой Западной кирхи, снова повернули налево и вышли к Королевскому дворцу. От него мы побрели на юг и вышли к собору Munttoren. Надо сказать, к тому времени мы уже изрядно устали. Так что каждый шаг на юг к автомобилю Уве давался нам с трудом. Правда, все это пока лишь голая топография и топонимика. А дело-то не в них.

Амстердам – самый красивый город из всех, которые я видел! Он настолько уютен, человечен, раскрепощен, толерантен, демократичен... [зачеркнуто] У меня просто нет слов, чтобы все это выразить. Я был-то в этом городе всего лишь день, но его атмосферу впитал в себя сразу, как губка. Амстердам не давит на психику высокими грузными домами – они малой и средней высоты, изящные и легкие. Они как бы соразмерны человеку, его росту, ногам и рукам. Амстердам не заставляет тебя почувствовать заброшенность и одиночество среди широких проспектов – его улицы скорее узкие. И кругом вода – символ текучести, порочной переменчивости, либеральной ликвидности и в то же время постоянства и покоя в неустойчивости. Это символ свободы, которая граничит с анархией и вседозволенностью (сел в лодку и поплыл, куда хочешь), но которая не переходит в них, потому что сограждане слишком друг друга уважают (густая сеть каналов требует неусыпного внимания и самодисциплины) [зачеркнуто]...

Вообще, Голландия поразила меня своей красочностью, многоцветием, многообразием. Она ярче, пестрей, светлей Германии. То же самое можно сказать и про самих голландцев. Не то чтобы все немцы – угрюмые буки, а все голландцы – разудалые жигало. И тут, и там есть самые разные люди. Но стиль поведения, стиль общения, атмосфера все-таки различаются. В Голландии они как бы легче, непринужденней, веселей. Один птичий язык чего стоит: то он порхает как шустрая голубянка, то понесется как встревоженный махаон. Понять ничего не возможно. Сколько раз пытался. Не могу. По сравнению с мутным нидерландским, немецкий для меня – журчание чистой родниковой воды. [Зачеркнуто.] А какие чудесные красоты я узрел на подъезде к Амстердаму! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Красные и черные ветряные мельницы на фоне голубого неба, зеленых лугов, синих каналов. Роскошные белые

виллы богатеев, утопающие в цветах и зелени... [Зачеркнуто.] Нет, это надо видеть!

Что-то я ударился в лирику. [Зачеркнуто.] Жаль, но сейчас уже поздно, с дороги устал, к тому же махнул рейнского. А то бы до утра описывал тебе прелести северной Венеции. [Зачеркнуто.] Извини, пора заканчивать. Уже три ночи. Или утра? Светает, птицы начинают щебетать – значит, уже утро. Выходит, не завтра, а уже сегодня мне идти за билетами. [Зачеркнуто.] Посплю-ка я часиков пять-шесть.

Так что у тебя там со студенткой из Мёнхенгладбаха?

До свиданья,
Томилини.

Билефельд
20.07.90

Дорогой Саша!

Спасибо тебе за паспорт, за интригующее, местами пикантное письмо. Поздравляю тебя с очередным путешествием! Жду от тебя новую сказку, о Касселе. Я тебе, конечно, завидую.

Паспорт я не ждал так рано, потому что перепутал дату твоего приезда в Бонн. Конечно, мы еще созвонимся непосредственно перед отъездом. Думаю, лучше 26-го или 27-го июля. Я тебе позвоню. Вечером.

Письмо Тиль я написал. Причем довольно хамское. Лучше, чтобы ты знал его содержание.

Дело в том, что в этом месяце мне упорно не переводили денег. Да, я не голодал. Но все мои планы летели к черту. Вот лишь один пример. Я присмотрел маме давно желанный плащ. Оказалось, что он мне в тот момент не по карману. Я ждал деньги со дня на день и попросил продавщицу магазина отложить этот плащ для меня. Она пошла мне навстречу. Но перевод пришёл только через неделю. Стоит ли говорить, что плащ мне так и не достался?

Я нервничал и ничего не понимал. Суди сам: когда я приехал в апреле, то из-за халатности сотрудников фонда получил стипендию только 17 апреля (за март!). В следующий раз – 10 мая. Потом – 1 июня. Я так понял, они постепенно втягиваются в нормальный ритм, из месяца в месяц приближаясь к приемлемой дате. Но когда перевод снова задержался, и его не было 11-го июля, я отписал Тиль письмо (звонки в данном слу-

чае – пустая трата времени и денег). В нём я сообщал, что еду в Москву 29-го июля, а возвращаться хочу между 23-м и 25-м августа, в зависимости от того, как получится с билетами. Я обещал ей, что как только узнаю точную дату, сразу отпишу из Билефельда или уже из Москвы. Обещал также (при необходимости) контрольный звонок из Москвы.

Но я написал еще кое-что: например, о том, что никакой регулярности в поступлении денежных переводов не наблюдаю и что мне хотелось бы эту регулярность понять, указал даты поступлений переводов и выразил надежду увидеть деньги за прошлый месяц хотя бы до моего отъезда. Я спросил Тиль, не могу ли я написать заявление в их бухгалтерию, чтобы стипендия за июль пришла хотя бы 1-го августа, дабы я мог спокойно тратить всю нынешнюю стипендию, не откладывая в запас деньги на квартплату. Я тактично осведомился: если один раз мне перевели деньги 1-го числа, то, может быть, это удастся сделать и во второй раз?

Так вот, на это письмо я не получил вообще никакого ответа! Но через три дня деньги пришли. Не знаю, что и думать: то ли моё письмо возымело действие, то ли и без него деньги пришли бы тогда, когда они пришли?..

Я тут же купил микроволновую печь фирмы «Сименс». Как выяснилось, она сделана в Южной Корее. Теперь я пользуюсь ею и уже по неопытности сжёг кусок мяса и кусок хлеба, отчего она теперь противно воняет. Мясо в ней, конечно, готовить не стоит: получается сочное, но жесткое. А вот подогреть утром хлебцы очень даже стоит. Купил и кое-что из барахла. Причем всякий раз прицеливался на качественное и дорогое (так было с печкой), а покупал дешевое и, соответственно, не очень-то качественное. Сейчас я в мыле: много работаю, но надо ведь и покупки делать!

Между тем, в Москве развернута большая кампания, чтобы купить для нас обратные билеты. Подготовлено письмо из института. Маша, Вика и один мой приятель ходят ежедневно отмечаться в очереди. Вот так.

Еще раз огромное спасибо за паспорт. Человек я нервный, а ты уберег меня от большой нервотрёпки. Да, чуть не забыл: спасибо и за сигареты (передашь их в поезде). Хорошо, что у тебя не возникло проблем в посольстве.

Да, и еще: впервые слышу о Берлинском научном центре. Что это за зверь такой и о чём был твой доклад – о перестройке? Надеюсь, тебе заплатили?

[Подпись]

Бонн
22.07.90

Дорогой Филипп!

Если ты читаешь это письмо, значит, перед тобой лежит твой билет до Москвы на 27-е. В этот раз проколов быть не должно, и я помогу тебе загрузить вещи в поезд, дотащить до купе и т.п.

Контрольного звонка жду от тебя 26-го июля с 20-00 до 21-00. Я предупрежу о звонке Бинднеров, поэтому даже если ты меня не застанешь, они подтвердят, что у меня все в порядке. Если вдруг возникнут какие-то проблемы, я сам тебе позвоню.

Отвечаю на твои вопросы, но спешу, поэтому кратко. О Берлинском научном центре: кто его учредил, я, признаться, не имею понятия. Главное, что за мое выступление мне хорошо заплатили – вдвое больше, чем позднее в Касселе: 400 ДМ. Докладывал я не о перестройке, а о том, что православная этика склоняет русских к общинному коллективизму с круговой порукой, созерцательности и лентяйству, и как следствие формирует у них патернализм и иждивенчество – основные социально-психологические черты нашего совкового социалистического менталитета. Все гениальное просто. Если протестантская этика породила дух капитализма, то православная этика – дух социализма. Доклад приняли на ура! Были не только сотрудники и аспиранты – пришли два маститых советолога. Один из них, Ханс-Эрих Граматцки из Свободного Берлинского университета, высказался, правда, скептически: мол, не все так просто и однозначно. Я его аргументы оспорил. Получилась небольшая дискуссия, которая пошла мне только на пользу.

Затем ко мне подошел молодой аспирант-политолог и пригласил на кофе. Мы разговорились, завязали знакомство. Во всяком случае, он приглашал меня к себе, когда я снова буду в Берлине. Вообще-то он из Кёльна, там у него мать и сестра. А живет он в старом центре Восточного Берлина. Здесь квартиры сейчас снимать намного дешевле, чем в Западном. Вот такие дела.

О Касселе сказки не будет. Не сказочный это город. Современный, прозаический, а с точки зрения зодчества и достопримечательностей, малоинтересный. Лежит он в огромном плоском котловане, который можно обозреть с высокого холма. Какой-то гордый князь построил на вершине холма претенциозный дворец, правда, в архитектурном отно-

шении, не очень убедительный. Я был там и любовался видами. Этот князь отличился еще тем, что соблаговолил предоставить в Касселе политическое убежище гугенотам-беженцам из Франции, среди которых было много евреев.

Принимал меня Карл Циммерман. Помнишь его? Я продолжаю, если можно так выразиться, собирать дань за то, что в сентябре 1988 года организовал советско-западногерманский симпозиум. Все, кто принимает меня сейчас в ФРГ, в нём участвовали. Они обязаны мне приглашениями в Москву, сопровождением по городу, переводом и т. п. Циммерман дал объявление в местной газете о моей лекции, и на нее собралось около трех десятков человек. Зал был небольшой, для всех мест не хватило, несколько человек даже стояли на входе. После выступления меня засыпали вопросами. Я, как мог, отбивался часа полтора. Карла Циммермана и кассельцев прямо обескуражил главный тезис моего выступления. Я заявил, что «перестройка» в том виде, как ее задумывал Горбачев, потерпела крах. Для этого пришлось объяснить сначала, что такое «механизм торможения». Немцы были в шоке...

Раньше я чисто интуитивно догадывался, а сейчас ясно понял: хочешь заработать денег на Западе – пугай Востоком. Бей своих, чтобы чужие боялись. Сгусты краски, смести акценты, покажи, наконец, собственную незащитность. Универсальный рецепт. Но использовать его надо с умом. Медведи, разгуливающие по Москве и откусывающие головы случайным прохожим, – это, конечно, кич. А вот русский Змей-Горыныч о трех головах – сталинизм, коррупция, преступность (русская мафия) – производит на сентиментальных бундесбюргеров сильное впечатление. Особенно, если сказать, что этот гад душит в зародыше благие порывы нашего в высшей степени гуманного и дружелюбного руководителя. Для немцев, полюбивших Горбачева, это не русская народная сказка, а самый настоящий политический триллер. Так что рекомендую. (Говорил, не будет сказки, но-таки рассказал!)

Циммерман еле отбил меня у дотошных кассельцев (в основном женщин-домохозяек среднего и постсреднего возраста), привез в ресторан, накормил и напоил. Это было весьма кстати, потому что я почти ничего не ел около суток. Я быстро опьянел, но скоро пришел в себя и погрузился в благодушнейшее настроение. Вечер мы продолжили у Циммермана, расположившись на веранде дома перед лужайкой и садом. К нам присоединилась подруга Циммермана Мони, которой, собственно, и принадлежит дом. Мы просидели до поздней ночи,

рассказывая друг другу разные истории и потягивая приятное белое вино. А утром Циммерман отвез меня на вокзал. Вот тебе и весь мой сказ.

Если бы не лекции в Берлине и Касселе, я бы не свел концы с концами. Конечно, я бы не умер с голоду, но мне пришлось бы очень туго.

Счет по докладам у нас теперь равный: 2:2. У тебя в зачете Дюссельдорф и Гейдельберг, у меня – Берлин и Кассель. Ну, а Гейдельберг посетить – мне, видно, не судьба.

До звонка,
Томилин.

Глава 4.

Кульбиты фортуны

[ОТКРЫТКА: на лицевой стороне – виды Оксфорда]

Билефельд
20.10.90

Дорогой Саша!

Когда 30.09 я уезжал из Москвы, твоя мама просила позвонить тебе и поздравить с днем рождения. Я бы с удовольствием тебя поздравил от нее и, конечно, от себя тоже, если бы дозвонился. Дозвониться не смог – ни в нужный день, ни позднее. Случилось беда: я потерял записную книжку с твоим телефоном. К счастью, я восстановил адрес, но неполный – только улица и дом. Адрес был в одном из твоих писем, которое я искал перед отъездом в Москву, да так и не нашел. Завалилось за кровать. Но всё же я тебя поздравляю, крепко жму все, что надо. Если я правильно реконструировал адрес, заклинаю тебя – отзовись! Тогда и я напишу тебе большое письмо, хотя и невеселое.

[Подпись]

Бонн
22.10.90

Дорогой Филипп!

Спасибо за поздравления.

С адресом ты не ошибся. Я рад твоему письму. Молодец, что первый послал весточку. А я решил тебя пока не беспокоить. Да, честно говоря, и не знал, вернулся ли ты уже в Германию. Фрау Тиль сообщила, что у тебя умер отец и что ты срочно уехал в Москву.

Прими, пожалуйста, мои искренние соболезнования. Я не знал Аркадия Моисеевича так близко, чтобы говорить много, но кое-что могу сказать: я уважал его из всех коллег старшего поколения, наверное, больше всех. Он был настоящий профессор, объективный исследователь, честный человек.

Когда я поступил в заочную аспирантуру, меня пригласили на общее собрание аспирантов. Перед нами выступил Аркадий Моисеевич. Говорил мало, но исключительно по делу. Все его слушали, затаив дыхание. Его речь запомнилась мне потому, что за какие-то десять минут он сумел затронуть главные вопросы, волнующие каждого аспиранта: с чего начинать работу над диссертацией, как ее планировать, где брать материал, как общаться с научным руководителем и т. п. Сразу стало ясно, какой огромный опыт научного руководства за этим стоит. А закончил Аркадий Моисеевич неожиданно, вдруг перейдя на шепот: «И последний совет: не надо много пить!».

Казалось бы, совет не очень оригинальный. Но эти слова он произнес с неподражаемой интонацией, по-отечески трогательно и требовательно! Моё воображение заполнили горестные картины спившихся молодых учёных. Может быть, воображение у меня чересчур богатое? Картины были ужасны... Я потом не раз их вспоминал – причем в самый «неподходящий» момент. Кто знает, может быть, благодаря твоему отцу я стал реже злоупотреблять...

Сочувствую. Держись, Филипп.

У меня вроде бы все в порядке. Правда, настроение после возвращения из Москвы какое-то кислое. Сам толком не знаю, почему. Но догадываюсь. Разлука с близкими – это, наверное, главное. Тем более, что после августа в моей жизни кое-что изменилось. Я имею в виду ту девушку, которая, как ты помнишь, провожала нас на Белорусском вокзале. Оказывается, она меня «ждала», пока я был в Германии. Не знаю, конечно, что из этого выйдет, все-таки разница в возрасте очень большая... Но меня «зацепило». И вот без нее мне здесь стало сразу скучно и одиноко. А ведь раньше такого не было, скорее наоборот. «Дождется» ли теперь?

Мать что-то разболелась. Давление. Ей одной тяжело. Сестра ей ничем помочь не может. У нее двое малых детей и полубезработный муж – сама нуждается в помощи. Как трудно стало жить! Талоны эти никчемные... Картошка (если есть), хлеб, каши, соль, да книги за макулатуру – больше ничего в свободной продаже и нет. Летом, правда, овощи и фрукты с огородов людей спасают. Не жизнь, а сплошная борьба за выживание.

Впрочем, есть и другие причины для кислого настроения. Вот прошли почти два месяца в Германии, а эта страна меня уже не так радует, как раньше. Привык я к ней что ли?..

Когда приезжаю в Германию, я уже на вокзале унюхиваю соблазнительные ароматы, каких у нас нигде нет (чем пахнет на наших вок-

залах, все знают). Это запахи хорошего табака, отборного молотого кофе, свежее испеченных булочек, каких-то ещё неизвестных мне специй и т. д. Поначалу я ощущаю их так остро, что они дурманят мне голову! Сразу хочется жить! Извини за лирику, но однажды я подумал: если у свободы может быть запах, то он должен быть именно таким. Но уже через несколько дней, проходя мимо вокзала, я поймал себя на мысли, что эти ароматы, хотя я их и уловил, ничуть меня не взволновали. Свобода, как воздух: когда она есть, её не ценишь. К хорошему быстро привыкаешь. У нас в Москве есть нечего – здесь хоть ужрись. Сначала налетел на немецкие продукты, как в первое время, когда мы сюда приехали. Помнишь, в январе до твоего отъезда в Билефельд мы все вместе, втроём, ходили в танненбушский универмаг, словно в музей на экскурсию? Но совковый аппетит пропал уже через неделю. У нас сказали бы: Томилин, ты просто зажрался. Наверно. Теперь для меня разнообразие продуктов – что-то само собой разумеющееся, если не сказать должное. Как если бы оно всегда со мной было и всегда будет.

Раньше, особенно этой весной и летом, ужасно хотелось путешествовать, посмотреть на города, природу, людей. Врать не буду, желание путешествовать у меня ещё не пропало. Но поубавилось. Хочется съездить в Мюнхен и посмотреть Баварию. Трое суток, которые я провел в Мюнхене с Дроновым в декабре 1988 года, я не забуду никогда. Но у меня не было свободного времени, практически ни минуты. А Мюнхен город интересный во многих отношениях.

Есть у меня еще одна задумка. Идея может показаться фантастической, но если за нее по-деловому взяться, то не такая уж она и несбыточная. Я говорю о Париже. Мы здесь, на западе Германии, находимся от него не так далеко. От Кёльна до Парижа часов восемь езды. Было бы глупо, с нашей стороны, не воспользоваться таким шансом. Быть целый год в десяти часах езды от Парижа – и не найти времени, чтобы съездить туда хотя бы на пару дней? Разумеется, идею еще надо хорошенько продумать. Главная заковыка тут – виза. Но ее, кажется, можно просто купить. А наши в посольстве вряд ли станут возражать. С чего бы им возражать? На эту идею меня натолкнуло письмо от Оли Тарасенко, которая сейчас в Париже вместе с Оксаной Бондаревой.

Ну, все это пока из области мечтаний, так сказать, журавли в небе. Между тем, в начале октября я поймал пару синиц. С 1-го по 5-е октября я участвовал на одном из семинаров, которые фонд регулярно проводит для всех желающих в рамках политической учебы. Семинар проводился

во Фройденберге, небольшом городке километрах в восьмидесяти к востоку от Бонна. 3-го числа я отпраздновал там объединение Германии! Не знаю, интересно это тебе или нет, да и вообще уместно ли сейчас об этом повествовать. Напиши, если интересно, и я расскажу в следующем письме. Расскажу и о том, как побывал в гостях у Фехнеров на их бельгийской даче.

На этом заканчиваю.

Пиши.

Томилин.

Билефельд
25.10.90

Дорогой Саша!

Спасибо тебе за теплое письмо и за сочувствие. Я вернулся из Москвы как раз 2-го октября. Еще застал Тиль. В связи с моими печальными обстоятельствами я несколько иначе ее оценил.

Дело в том, что, уезжая из Москвы, я знал, что отец обречен, но не знал, что смерть настигнет его так скоро. То ли дело в нашей медицине, то ли не знаю в чем. Его обследовали полгода назад и ничего не нашли. Нашли за три недели до смерти, но сказали нам, что остаётся около двух месяцев. Ему, конечно, сказали неправду. Отчасти из-за этого я уезжал в ФРГ: чтобы не вызывать у отца ненужных мыслей и подозрений. А были они все-таки или нет – кто знает...

Приехав сюда, я в отчаянии стал пытаться хоть что-то разузнать. Совпало так, что у моих хозяев в это время заболела неизлечимой болезнью старшая дочь. Поэтому, с одной стороны, они были поглощены своими делами (к счастью, положение у них сейчас выправилось, насколько это возможно), с другой стороны, хозяйка была расположена посочувствовать чужому горю. Мы поехали к ее знакомой аптекарше. Ты, конечно, догадываешься, что немецкий аптекарь – это не советский аптекарь. Её знакомая – опытный высококвалифицированный специалист. Но она меня не обнадежила. Ни в каком смысле. И тем не менее, я очень боялся, что вот-вот начнутся ужасные раковые боли. Она мне предложила лекарства, – лучшие в Германии, – которые могли купировать боли и немного укрепить силы. Заплатил я за эти лекарства (со скидкой) всего 115 марок!

Но заплатил не раньше, чем изыскал способ переправить их в Союз. Я знал, что туда в это время должен ехать Г. На моё письмо он долго не отвечал. Я нашел его домашний телефон (который он от многих скрывает) и позвонил. Жена сказала, что он едет в Москву лишь 22-го сентября. Это было уже поздно. И тогда я позвонил Тиль. Она восприняла мою просьбу без особого восторга, но все-таки узнала, что лекарства с курьером фонда переправить можно – если это не капли и не ампулы. Я немного успокоился. Теперь меня волновало только то, что я не успевал передать лекарства с ближайшим курьером, а следующий уезжал через неделю. Что ж делать, подумал я, в конце концов, у меня в запасе два месяца. Отправил посылку в Бонн и поехал в Ольденбург.

Там у меня должна была состояться встреча с моим знакомым англичанином. Но поскольку это выглядело как международный симпозиум, я выцыганил у Тиль билеты. Ольденбург – это, если можно так выразиться, город моей мечты. Чистый, какой-то необыкновенно опрятный, ухоженный, не разрушенный войной и очень красивый, хотя ничего выдающегося в нем нет. Из Ольденбурга я решил вернуться через день в Билефельд не с пересадкой в Оснабрюкке – это кратчайший путь, – а через Бремен, чтобы посмотреть город. Как назло дождь в это время не прекращался. Хотя куртка у меня и не промокает, но удовольствия от прогулки по Бремену я не получил. К тому же меня беспокоило, что уже два дня я не могу дозвониться в Москву (раньше я выходил на связь каждый день). Может быть, думал я, это из маленького Ольденбурга не удастся пробиться, а из большого Бремена удастся. Но ни из Бремена (старый город я все-таки обошел), ни из Ганновера (вторая железнодорожная пересадка), я так и не дозвонился.

А между тем – и тут контрапунктом вступает вторая тема – у меня было еще кое-что, отчего голова может пойти кругом. Дело в том, что по приезде в Германию я сразу поехал к своей знакомой в Мёнхенгладбах (в одном из последних писем я тебе о ней писал). Там наше знакомство [зачеркнуто] неожиданно приняло такой оборот, что после этого она сильно зазывала к себе снова, да и сам я, надо сказать, туда рвался. И вот, на следующий день по приезде из Ольденбурга, я опять собрался в путь. На автобусной остановке в ожидании я зашел в телефонную будку и стал попеременно набирать то Москву, то Мёнхенгладбах. Из монет осталась только одна марка. Но я все равно продолжал набирать. Меня грызло какое-то смутное беспокойство: вот, дескать, я уезжаю, а вдруг что случится – у хозяйки не будет даже моих координат в Мёнхенгладбахе. Не будет она знать, куда я исчез. И вдруг я дозвонил-

ся до Москвы – за три минуты до подхода автобуса. Оказалось, отец умер ночью – практически в тот самый момент, когда я сел в трамвай на вокзале в Билефельде, чтобы ехать домой.

Я рванул на вокзал и купил билет – с пересадкой в Берлине. Как потом выяснилось, – купил чудом. Вместе со мной ехала семья из трех человек. Они говорили, что три дня не могли выбраться из Штутгарта: не было билетов. И вдруг они появились. Видимо, в последний день кто-то отказался от целого купе. Чтобы дорогой не сойти с ума, я на вокзале затоварился водкой. Через три часа я уже ехал.

Уведомленная мной Тиль не только сказала полагающиеся слова. Как выяснилось потом, она распорядилась начислить мне стипендию целиком, страховку же вычест впоследствии. Ты сам понимаешь, как это важно. Лекарства я забрал в Москве через два дня после похорон. Судя по всему, даже если бы я послал их на неделю раньше, они пришли бы непосредственно в день кончины. А до более отец не дожил...

Ты можешь себе представить, как я рвался обратно! Уладив формальности – а их немало (какой-то порядок в стране еще есть) – уехал. Мама пока держится, родственники обещали помочь, а чем раньше я уеду, тем раньше приеду. Но рвался я еще и потому, что здесь мне было чего искать. И поехал я не в Билефельд, а в Дюссельдорф, решив таким образом сэкономить. В Дюссельдорфе моя приятельница (зовут ее Наташа) имеет «апартамент». Называется это «Хотель ан дер Уни». На мой взгляд – страшная дыра. Комната еще туда-сюда, но кухня и санузел крошечные, для гномов. Зато близко от всего. И плата божеская: всего 400 марок. В общем, я рассчитывал несколько дней отдохнуть душой. Но этот номер у меня не прошел, так как Наташа заболела гриппом. На следующий день я вынужден был уехать. Мало того, я от нее заразился. А может быть, простудился в поезде или и то, и другое. В результате неделю накачивал себя глинтвейном.

Не получилось и «сэкономить». Совместный поход в частную пивоварню в центре Дюссельдорфа накануне объединения Германии – а мы досидели-таки до 24-00, чтобы посмотреть, что же будет (а ничего особенного не было), – обошелся мне в 70 марок. Так что воспоминания об объединении Германии у меня глубоко интимные и очень дорогие. В целом, если говорить серьезно, вся эта история меня измотала. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. Я уж молчу о том контексте, в котором она происходила.

Вообще, отношения с Наташей представляются мне каким-то безумием – тем большим, чем больше я её узнаю. Долгое время мы поддер-

живали наши связи через переписку. Но вот дело дошло до личной встречи и... Запад есть Запад, а Восток есть Восток. Уж не знаю, как тут в целом, но в данном конкретном случае это – пропасть, бездна, хаос... В общем, – нечто, настолько мне чуждое, что я смотрю на все это как бы со стороны и спрашиваю себя: ну как такое могло со мной приключиться? Несколько раз я пытался положить конец этой истории, забыть о ней навсегда, ведь впереди – очевидный тупик. Но тщетно. Забыть пока не удалось. Так что поводов для веселья у меня нет.

Немного о других делах, чтобы ты не подумал, будто я вижу тебя исключительно объектом моих lamentаций. Вот, например, я должен был решить для себя вопрос, что мне делать с моими музыкальными потребностями. С одной стороны, меня манила известная тебе «Айва» за 945 ДМ. С другой – еще больше манила «Айва» за 1790 ДМ. С третьей же стороны, я понимал, что последняя сумма – это очень и очень дорого. И бог весть, смогу ли я ее теперь собрать. И вот постепенно я стал склоняться к твоему варианту – собрать музыкальный центр по «кирпичикам». Начать же я решил с компакт-диск-плеера. Я пошел по твоему пути и стал во всех киосках смотреть специальные журналы с тестами и рекомендациями. Еще до срочного отъезда в Москву я нашел две такие рекомендации. Первая – «Сони» (СДП-490) за 400 ДМ. Но у нее гарантия – полгода. Другая рекомендация – «Ямаха», около 500 ДМ. С хорошими гарантиями и дистанционным управлением. А поскольку «твоего» «Филипса» за 400 ДМ я в продаже в тот момент не видел, «Сони» же и «Ямаха» были, то я начал серьезно подумывать именно о «Ямахе». Но тут пришлось уехать.

А когда я вернулся, то понял, что надо что-то срочно покупать. Чтобы отвлечься новой игрушкой и послушать хорошую музыку. И вот в состоянии, далеком от идеального, я прочитал в каком-то журнале, что фирма «Пионер» приготовила конфетку для покупателей: компакт-диск-плеер за 400 ДМ с дистанционным управлением и двумя годами гарантии. Технические характеристики тоже хорошие. И я пошел его искать. Оказалось, стоит он повсюду, кроме «Юпита», где я покупал видик, т. е. везде, кроме лучшего магазина. И цена, действительно, та самая. Я выбрал из магазинов тот, где цена была самая низкая – 395 ДМ. И оно свершилось!

И только потом я увидел «Филипс», – видимо, тот самый, причем тоже с дистанционным управлением и за 399 ДМ. Какой из них лучше, и есть ли тут из чего выбирать – не знаю. Могу только сказать, что гарантия у «Пионера» все-таки не два года, а год. Зато выходные часто-

ты – 2 (два!) Гц – 20 КГц. То есть, нижние частоты очень и очень неплохи. Есть тут и программирование, и ручной поиск, и пробегание по всем номерам с десятисекундным прослушиванием, и «random play», и дистанционное регулирование выходной мощности, и повторение, и специальная функция «edit» для структурирования номеров в таком порядке, чтобы они уложились на аудиокассету. Есть и маленькая ловушка. Для тех, кто купит потом и деку «Пионер», есть специальная синхронизация диска с аудиокассетой. Но деку «Пионер» я не хочу. Я вообще этой фирме почему-то не верю (хотя вот купил). Когда пойдешь в магазин, посмотри. Это ПД-4550. Что касается деки и усилителя, то я в ужасных колебаниях. Как везти? И, кстати говоря, не желаешь ли ты все-таки съездить в Москву на Новый год? Я поеду в любом случае, чтобы не оставлять маму одну. Поеду конспиративно, так что храни тайну. Если надумаешь, то поехали вместе: я собираюсь 23-го декабря.

Немного о моей работе и твоём настроении. Я снова хожу к Л. на лекции и семинар. В идейном отношении он не стоит на месте, так что это не формальность. Но некоторые человеческие вещи вызывают у меня отвращение. В какие-то дополнительные контакты я с ним не вступаю. Хожу иногда к Графрату. Он мил. Но тут уже два раза побывал Г. Думаю, после этого мне к Графрату ходить незачем. Если что и могло обломиться, то теперь уж точно не обломится. Другое дело, что я в очень хороших отношениях с тем поляком, Збышекком, которого мы с тобой видели. И еще там мой знакомый болгарин, которого и ты мог видеть в Москве, – Г. Б. Так что мне теперь не так одиноко. И есть ощутимая польза. Дело в том, что я, как ты знаешь, ленив и не любопытен. А вот Збышек – это полная противоположность. Благодаря ему я узнал, как можно сэкономить на еде. И теперь я хладнокровно обедаю в студенческой столовке за 2,10 ДМ. Стал покупать еду в более дешевых магазинах. В виду финансового удара, который меня ожидает, это актуально.

Я часто хожу в университет, сижу в библиотеке, читаю то, что интересно. В декабре или январе, возможно, съезжу в Бохум на семинар к W. Как и тебе, мне очень хочется в Мюнхен, но нет повода. Все-таки, может быть, через «супершпарпрайс» я и решусь отправиться туда просто на авось. Вчера у меня была интересная встреча с профессором R. Он сейчас работает над изданием собрания сочинений S. Предлагал руку и сердце, кучу денег и сотрудничество. Я вежливо соглашался на все и, конечно, на деньги. Свист это или не свист, узнаем позже. От Б. нет ничего потому, что я, к моему стыду, ничего ему не отправил. А не отпра-

вил потому, что так и не узнал примерных расценок на перевод. Хозяева обещали все выяснить и... возможно, из-за дочери они [зачеркнуто] стали несколько необязательны. Письмо лежит у меня. А больше у меня ничего не происходит.

Твои переживания, я думаю, мне понятны. Сказка подходит к концу. У меня то же самое, только с еще большей очевидностью. Ибо я не завязал и половины тех контактов, которые удались тебе. Могу сказать, чем я себя поддерживаю. Во-первых, тем, что я должен еще получить здесь довольно много денег. Я просто «на заработках» и должен терпеть. И, во-вторых, тем, что я могу спокойно читать, повышать уровень профессиональной квалификации. Другой такой возможности у меня в обозримом будущем не будет. В целом же Германия мне надоела и знать её больше не хочу. А вкус тех [зачеркнуто] лакомств, которые я здесь могу сожрать, забудется в Союзе очень быстро. Останется лишь горькое воспоминание.

О Париже. А как ты туда поедешь? Оля и Оксана действительно там. Вчера я тоже получил письмо от Оли. Пока что они только устраиваются, но всерьез собираются в Германию. Можно организовать разумное сотрудничество. Что-то вроде культурного обмена в рамках германо-французской дружбы, но с нашей начинкой.

Вот, кажется, и все.

Нет, еще пара московских впечатлений. Я, так сказать, закругляюсь, возвращаюсь к тому, с чего начал. Но сначала – маленький «затакт». В институте встретил Сафиров. И он без предисловий сказал мне: «Если встретишь в Германии Томилина, скажи ему, что я по его примеру тоже вышел из партии». Я ответил, что встречу тебя вряд ли, а скорее буду писать. А написать тебе он и сам может. «Нет, ты скажи ему», – потребовал Сафиров. «Старый козел», хотел я ему сказать. Но вместо этого дал-таки обещание. И вот – выполняю.

А теперь – еще раз. Спасибо за сочувствие, теплые слова об отце. Нужды нет, что ты его мало знал. Запомнился тебе, может быть, не самый типичный эпизод. Думаю, в таком же духе о нем могли бы сказать многие. И в этом смысле – уверен, что ты поймешь меня правильно, – он, в общем, ушел [зачеркнуто] вовремя. Я это ощутил, видя, как его провожали. Через год-другой, не говоря уже о более позднем сроке, такое прощание было бы уже немыслимо. Пример из будущего я получил у нас же в секторе. Как ты думаешь, кто не смог выдавить из себя даже официального сухого соболезнования? Никто иной, как проводник высших религиозных истин Моторин. [Зачеркнуто].

Ну, да ладно. Не исчезай теперь, держи меня в курсе своих дел. Если у меня появится что-то новое, я тебе и так напишу, не дожидаясь ответа. А письма твои для меня и теперь – большая радость и моральная поддержка. С интересом жду рассказа о семинаре во Фройденберге и о поездке с Фехнерами на дачу. Мог бы и не спрашивать.

Всех тебе благ и до новых писем.

[Подпись]

Бонн

22.10.90

Дорогой Филипп!

Спасибо тебе за такое письмо – большое, интересное, по-дружески искреннее. Постараюсь ответить так же.

Я очень рад, что ты, судя по всему, начинаешь приходить в себя. А причин, чтобы голова пошла кругом, у тебя, как я вижу, было много. Во всяком случае, не одна. По себе знаю: такие кульбиты фортуны переживать непросто. Особенно, если ты вдали от дома, совершенно один. Самое опасное – это когда удары судьбы настигают тебя не с одной стороны, а сразу с двух или трех. У тебя как раз такой случай: ты не мог помочь смертельно больному отцу, который не знает, что у него рак, – и это тебя терзало. Тебя мучила удаленность от дома, невозможность дозвониться. На тебя давило ожидание неизбежной кончины отца, которая, однако, стала неожиданностью. Наконец, тебя мучила тупиковость твоих отношений с очередной новой знакомой, теперь уже из Дюссельдорфа... Да это могло доконать кого угодно! Понимаю, как тебе тяжело было.

Когда я разводился, у меня тоже были трудные времена. Помнишь, тогда в порыве откровенности я сказал, что потерял душевный покой? Так вот именно тогда фортуна повернулась ко мне задом одновременно в личной жизни и на работе. Одно усиливало другое. Не за что было ухватиться. Я попал в какой-то ужасный водоворот, стремительно меня засасывающий. Ничего не мог делать. И как раз то, что я ничего не мог делать, моя безнадежная недееспособность, мое полное бессилие в такой важный момент добились меня окончательно. Со мной случился нервный срыв. Ровно три года назад, 22-го октября 1987 года. Я о нем никому не рассказывал, так что пусть это останется между нами.

Я ехал в автобусе, погруженный в болезненные переживания. Вдруг мне показалось, что кровь во мне вся так и забурлила, закипела. Словно меня, как бутылку шампанского, открыли – и миллионы маленьких пузырьков ринулись к узкому горлышку. Я с ужасом ощутил, что мои губы теряют чувствительность, становятся чужими и ватными, что уже отнимается язык, перестают слушаться руки и ноги. Мной овладел страх. Я подумал: вот, пришла моя смерть и надо же ей было подкрасться ко мне в автобусе... Смутно помню, как сполз с сиденья. На остановке меня вывели из автобуса под руки, хотели посадить на скамейку, но я сполз и лежал на мокром октябрьском асфальте с открытыми глазами и открытым ртом, как рыба на льду. А мимо проходили люди и говорили: «Пьяный, наверно». Не знаю, сколько времени я так пролежал. Потом подъехали на машине милиционеры, увидели, что я трезвый, но не в себе, и отвезли меня домой. Испуганная мама вызвала скорую. Я думал, у меня высокое давление или что-то в этом роде. Оказалось, давление в норме, вообще, физически все в полном порядке. «Значит – нервы», – сказал врач. Потом я три недели приходил в себя, пил реланиум. Ну, а как потом из всего этого выкарабкался – отдельная история.

Впрочем, зря я на тебя такими рассказами тоску навеваю. Забудем о плохом и печальном, перейдем к хорошему и порой забавному. Я обещал рассказать тебе о своем участии в одном мероприятии фонда. Семинар этот регулярно проводится в рамках программы политического образования. Есть у них такая. Все началось с того, что мне позвонила фрау Тиль и спросила, не хочу ли я принять участие в политическом семинаре во Фройденберге. Я поинтересовался, во что мне это обойдется. Оказалось, что мне как стипендиату – ни во что. За всё заплатит фонд. «А почему бы и нет?» – подумал я. Все-таки смена обстановки, новые люди и т. п. Да и сэкономлю денежки. Целых пять дней на халяву поживу!

На следующий день в назначенное время я подошел к фонду, где стоял еще один человек. Так я познакомился с новоприбывшим стипендиатом фонда Р. из Риги. Представь себе широколицего здоровяка с окладистой рыжеватой бородой и хитрым прищуром, этакого доброго молодца, Алешу Поповича. Примерно так выглядит мой новый знакомый. Преподавал марксистско-ленинскую философию в Рижском университете, сегодня – один из руководителей Социал-демократической партии Латвии. Недавно, кажется, с сентября она стала называться Демократической партией труда Латвии. Как представитель этой партии Р. здесь и стажирруется. Сначала он воротил от меня нос. Все больше

молчал, а если говорил, то на корявом немецком. Видимо, подозревал меня в имперских амбициях. Все изменилось, когда я поздравил его с переименованием Латвийской Социалистической республики в Латвийскую республику и пожелал ей поскорей выйти из Союза ССР. Р. словно вдруг оттаял. Заулыбался, разговорился, причем на хорошем русском языке. С немецким-то у него не очень хорошо, с английским лучше. Вообще-то, он двуязычный, и русский для него – такой же родной, как и латышский. Насколько я понял, есть в нем и русская, и латышская, и еврейская кровь.

Семинар проводился в маленьком городке Фройденберг. Сам городок я так и не увидел. Было не до того. Спросишь: а до чего было? А в основном – до выпивки и споров. Это был какой-то бесконечный марафон споров. Честно говоря, я такого не ожидал. Спорили даже о том, что мне всегда казалось бесспорным. Я приехал сюда в благодушнейшем настроении. Думал, посижу, немножко скучные доклады послушаю, поздравлю немцев с объединением, заодно поем и попью. А тут вдруг ожесточенные бои, переходящие в рукопашные схватки. Накал страстей был такой, что порой доходило до личных выпадов, обвинений и даже оскорблений! Меня, признаться, такой оборот дела застал врасплох. Не припомню, чтобы еще где-то в Германии я наблюдал столь горячие дискуссии.

Я сознательно пишу: «наблюдал», потому что с самого начала занял позицию стороннего наблюдателя. И вот почему. Во-первых, я – не специалист по современной политической истории и вообще не историк. Не пристало мне садиться не в свои сани. Конечно, я мог бы высказать личную точку зрения, но, наверно, для специалистов она была бы не интересна. Так зачем же отнимать у людей время?

Во-вторых, мне казалось, что перед торжествами по случаю объединения Германии просто бестактно предъявлять немцам какие-то претензии, что-то от них требовать, попрекать их, вообще, спорить. Как говорится, после драки кулаками не машут. Ведь решение об объединении Германии и выводе Западной группы войск уже принято. Его приняло наше высшее политическое руководство, и не нам его отменять. Если оно так нравится немцам, но не нравится кому-то из нас, это еще не значит, что оно «недальновидно», «ошибочно», «нерасчетливо», «проигрышно» и т. п. А главное, это еще не значит, что надо обязательно портить немцам праздник. Если уж и впрямь все так плохо (в чем я сомневаюсь) – так закуси губу, промолчи, но в следующий раз будь готов своего не упустить. А то ведь у нас как бывает: пошумят, поскандалят,

погрозят – а через год-другой сами же и придут просить деньги. И кто же после этого их даст?

Наконец, в-третьих, я исходил из того, что на этом семинаре я сам за себя. Я – не политик, представляющий интересы своей страны, а ученый, который по необходимости должен дистанцироваться от политики. Меня пригласили в гости на стажировку. Да, у меня может быть личная точка зрения на современные политические события. Но обязан ли я ее высказывать? Я поставил себя на место наших немецких коллег. Неужели мне было бы приятно в такой момент видеть рядом с собой надутые мрачные рожи? Нет, конечно. Не ко времени и не к месту здесь такие рожи. Ведь это не немцы у нас, а мы у них в гостях на содержании. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Думаю, немцам было бы приятно находиться рядом с советским гражданином, который празднует историческое событие колоссального масштаба вместе с ними, радуется за них. А я за них, действительно, радовался. В результате войны немецкая нация была искусственно разделена. Но война была давно, и с таким расколом не смирилась бы ни одна нация. Тем более – немцы. Так что Горбачев совершил великий исторический поступок, на который еще не каждый бы решился. Честь ему и хвала! Но я только начал рассказывать о семинаре.

Горячие споры начались в первый же день, когда все были еще абсолютно трезвы. Один из советских участников, историк (так он себя представил), вступил в горячую дискуссию с главным немецким докладчиком. «Историк» этот произвел на меня странное, я бы сказал, двусмысленное впечатление. Он был похож скорее на дипломата-кэбэшника, чем на историка. Среднего роста, непримечательной наружности, сухой, жилистый, собранный, в темно-голубом костюмчике (что называется, «с иголочки») и бардовом галстучке с белыми горошинками. Его серо-голубые глаза смотрели спокойно, холодно и цепко. Однажды я встретился с ним взглядом, и мне стало как-то не по себе. Жаль, я не запомнил его фамилии, поэтому буду называть его просто «историк».

Так вот, он не только поставил под сомнение некоторые тезисы немца, но и дал им прямо противоположную оценку. Я уж не буду утомлять тебя подробностями, да я их и не помню уже – а помню только главный тезис немца-докладчика: мол, идея коммунизма противна самой природе человека, противоестественна, поэтому как только вымерло поколение подлинных творцов советского коммунизма, так он сразу и рухнул, и все, что на коммунистической идее пока еще держится (например,

Восточный блок, да и сам Советский Союз), тоже скоро обрушится, а мы якобы должны содействовать этому процессу, но так, чтобы не случилось ядерной катастрофы.

Контртезисы и аргументы «историка» во многом совпадали с тем, что говорил приснопамятный Herr Aktschurin. То есть, они были в духе «холодной войны», геополитики с позиции силы и взаимного недоверия. Никакого «нового мышления» с точки зрения общечеловеческих ценностей не было и в помине.

Немец был огорошен. Отпора он явно не ожидал. Обескураженный, начал неловко отбиваться. Разволновался, стал горячиться. Трагикомичное здесь заключалось в том, что немец как раз очень высоко оценивал политику М.С. Горбачева, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева и др. При этом он журил канцлера Г. Коля (очевидно, сказалась партийная принадлежность), но в целом одобрял его действия. «Историк» же, наоборот, весьма скептически оценивал первых и нахваливал второго, но с явной иронией: мол, невелика заслуга – облапошить простаков.

На помощь докладчику подоспели Р. и другие немецкие участники. Р. с его громовым голосом выступил так радикально в содержательном отношении и по форме так резко, что поразил даже немцев. Они чуть не разинули рты. «Историк», красный от негодования, отбивался, как раненный лев. Он был один в окружении стаи гиен. Наконец, кто-то из наших, возмущенный резкостью Р., выступил в поддержку «историка». И вот мало-помалу наши начали втягиваться в дискуссию. Завязалась нервная борьба мнений. Наши постепенно распались. Но тут всех позвали на ужин.

Вечером, после ужина, когда можно было, закрывшись в номере, просто выпить и заснуть, дискуссия продолжилась в гостиничном холле. Некоторые были уже сильно под мухой. У наших появился азарт. Немцы тоже были навеселе. Да и азарта им также было не занимать. Видимо, в предвкушении торжеств они позволили себе то, на что не решились бы в обычное время. Конечно, в центре всех дискуссий было объединение Германии, которого немецкие участники ожидали с нескрываемым восторгом.

В первый же день я познакомился с Т. Его, как и меня, на стажировку в Германию пригласил Фехнер. Сидит он в Вупертале, причем безвылазно. Он из тех самых легендарных в Германии Т. Хорошо владеет немецким. Однако заикается, когда начинает волноваться. [Зачеркнуто.] Поэтому, как и я, Т. отмалчивался и наблюдал. Зато мы с ним наговорились «в кулуарах». Пару вечеров, переходящих сначала в ночь, а потом

и в раннее утро, мы втроем – я, Т. и Р. – очень даже хорошо посидели. Правда, эти ночные бдения привели к тому, что во время семинара мы пребывали в полуобморочном состоянии и приходили в себя только к обеду или ужину. Обсуждали мы, главным образом, две темы: что такое измена и что такое национализм. Эти понятия оказались сложнее, чем я привык считать. Во всяком случае, мне и сейчас не до конца ясно, как называть человека, радикально изменяющего личную судьбу либо судьбу нации – предателем, изменником? – или, наоборот, человеком решительным, революционером?

Горбачева называют предателем [зачеркнуто], но ведь он совершил колоссальный прорыв в международных отношениях и изменил мир к лучшему. Угрозы ядерной войны больше не существует. Уверен, что мир не стал бы лучше, если бы Горбачев сохранял верность догматам марксизма-ленинизма. Горбачев ощущал необходимость перемен как веление времени и считал, что адекватно ответить на вызов эпохи – его гражданский долг. В этом как раз была его сила, а не слабость (как думают некоторые). За это я и уважаю Горбачева. Точно так же и в личной судьбе: моя бывшая жена, к примеру, обзывала меня предателем. Да, я изменил ей – нарочно. Потому что не хотел с ней жить. Разлюбил. Нельзя разве разлюбить? Неужто надо приказывать сердцу: люби не смотря ни на что, через не могу люби! Как же быть тогда с народной мудростью: насильно мил не будешь?

По-моему, верность – это не всегда хорошо, как не всегда плохо то, что называют скверными словами «предательство», «измена». Тут все зависит от контекста и от позиции того, кто оценивает. Новое всегда и везде приходит на смену старому. Стало быть, новое изменяет старое и в каком-то смысле изменяет ему. А именно в том смысле, в каком оно его отрицает, отвергает, отступает от него. Так что здесь все очень и очень относительно. Обществу и человеку, чтобы развиваться, необходимо постоянно меняться, т. е. менять себя, становится другими. К чему приводит застой – мы хорошо знаем: к загниванию, концу, разложению. Социум и личность существуют лишь постольку, поскольку они изменяются. Постоянство – частный случай изменения, а не наоборот. Постоянство – результат временного равновесия в действии двух противоположно направленных энергетических потоков. Все течет – все изменяется. «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку».

Ну, а про национализм я даже и не знаю, что написать. Если в отношении предательства мы долго спорили, но, в конце концов, из спо-

ров родилась какая-то истина (хотя, как видишь, крайне абстрактная и, может быть, тривиальная), то наши дебаты о национализме ничего позитивного не дали. Хотя о нем мы говорили намного больше и с куда большей горячностью. Особенно горячился Р. Для него это большая тема. Он без стеснения объявил себя латышским националистом, стал доказывать, что национализм – это дело благородное, а оболгали его большевики, чтобы в образе Советского Союза воссоздать «темницу народов», Российскую империю, чтобы по-прежнему угнетать и ассимилировать маленькие нации, высасывая их жизненные соки. Для этого, мол, они и придумали «интернационализм», «дружбу народов», «братскую помощь» и прочее фуфло. Т. возразил: а что, собственно, плохого в дружбе народов и разве лучше вражда? Я его поддержал: разве наша встреча на немецкой земле – не результат стремления к дружбе и взаимопониманию и где бы мы сейчас сидели, если бы одержало верх противоположное стремление? На это он так и не дал нам вразумительного ответа. Здесь вообще все очень запутано. Сам термин «национализм» настолько замусолен пропагандой и контрпропагандой, что докопаться до его истинного значения просто невозможно. Да и существует ли оно? [Зачеркнуто.]

У нас в обыденном словоупотреблении национализм некорректно отождествляется с этнонациональным шовинизмом, с культом исключительности своего народа и оценивается поэтому отрицательно. Справедливо ли? С точки зрения коммунистического интернационализма, – да. А вот с позиции национально-освободительных движений, права наций на самоопределение вплоть до отделения (на что напирал Р.), – нет. [Зачеркнуто.] На Западе национализм вообще означает нечто совсем другое: проповедь единства нации, идеологию национального единства – либо на государственно-гражданской основе (французская модель) либо на основе культурной традиции (немецкая модель). Стало быть, на Западе национализм воспринимается скорее положительно. Этнический национализм, впрочем, и там мало кто любит, однако встречаются и положительные оценки... [Зачеркнуто.] Но я зарпортовался. Зачем я тебе все это пишу? Сам не понимаю. Извини. Ты-то как раз должен разбираться во всем этом лучше меня. Больше не буду касаться этих скользких материй.

Зато есть очень интересная информация практического толка: Р. купил недавно подержанный автомобиль. Мы собираемся с ним в Амстердам (ему нужно туда по своим партийным делам). По дороге можем заскочить к тебе...

Филипп, я должен был прерваться. Дела. Продолжаю после двухдневного перерыва. Письмо получается большим-пребольшим. Однако читать его – не писать. Надеюсь, ты все-таки осилишь мое сочинение, а потом оценишь по достоинству.

Главное про семинар я уже написал. Закончился он мирно. Все устали от споров. К тому же выпито было такое количество вина и пива, что можно было залить им целый бассейн. В конце даже наблюдалось братание недавних оппонентов. Только один «историк» сохранил вежливую сухость и от братаний уклонился. Любопытный субъект. Признаюсь, я его зауважал.

А теперь, Филипп, о поездке на дачу Фехнера. Ну, раз уж обещал.

В субботу Вернер и Эмма заехали за мной на машине. О совместной поездке мы договорились за две недели. Дорога от Бонна до границы с Бельгией проходит через живописные места. Есть чем любоваться. Пёстрые луга, лесистые холмы, бурные речушки, горбатые мостики, красивые маленькие городки, вроде Мюнстерайфеля. Проехали мы и через Ахен с его древней кирхой.

Вернер, сидевший за рулем, был немногословен. Эмма молчала. Молчал и я, изредка подавая признаки жизни в виде простых вопросов «Что это?», «Как это называется?», «Где мы?» и т. п. На мои вопросы скупо отвечали. В основном Эмма.

Когда мы въехали в Бельгию, я, честно говоря, не заметил. «Как этой маленькой стране удастся сохранять суверенитет между Францией и Германией? Почему её до сих пор не разорвали?», – спросил я Вернера. Он долго молчал. – «Ты просто не знаешь бельгийцев. Это самый упрямый народ в Европе. Неспроста древние римляне бились с ними дольше всех, но так и не смогли до конца покорить».

Я подумал: как все относительно. Русских тоже никто не мог до конца покорить. Однако никто не называет нас «самым упрямым народом Европы». Мы производим, скорее, обратное впечатление...

Мне с самого начала показалось, что отношения между супругами Фехнер какие-то натянутые. И стоило мне снова об этом подумать, как вдруг я почувствовал себя ребенком, который едет на дачу с рассорившимися родителями. К сожалению, бывало в моей жизни и такое. Сходство ситуаций одновременно смутило и рассмешило. Я хмыкнул. Вернер спросил: «Was?». Я хотел было сказать «Nichts», но передумал. Такой вот содержательный диалог.

Через час с лишним езды мы подъехали к даче. Я увидел большой современный дом, примостившийся на крутом склоне холма. Мы зашли внутрь, и из больших окон террасы передо мной открылся красивый вид на поля. Их пересекал ручей, заросший мелким кустарником и невысокими деревьями. Поля были зеленовато-желтыми, а листва на деревьях, поблекшая и отчасти облетевшая, имела довольно жалкий куцый вид.

В нетопленном доме было холодно. Вернер быстро переоделся. «Пойдем, прогуляемся, пока не стемнело. Я покажу тебе моих овец», – сказал он. Это было для меня полной неожиданностью. Интеллигентный доктор Фехнер – и вдруг овцы! Мы вышли из дома и направились по склону холма к ручью. Сначала я подумал было, что овцы где-то в доме. Но потом до меня дошло: в таком доме – и хлев? Не может быть. Значит, овцы были где-то в другом месте. Но где?

Мы переправились через ручей и стали подниматься в гору на другое поле, где минут через пять ходьбы увидели пасущихся вдали овец. Ближе к нам стояли три человека. Это были пожилые бельгийские крестьяне. Фехнер подошел к ним и поздоровался за руку с каждым. Представил меня: «Господин Томилин из Москвы». Я пожал их крепкие заскорузлые руки. Начался разговор.

Бельгийцы говорили по-немецки, но с таким акцентом, что иногда я их не понимал. Говорили об упавших ценах на молоко, о коровах и овцах. Потом перешли на ловлю птиц. В этом я кое-что понимал, и вставил пару слов. Крестьяне удивились. Один из них спросил, откуда я знаю, как ловят чижей. Я объяснил, что этому занятию меня научил мой дед, который жил в деревне. «Что это за птицы полетели?» – спросил вдруг крестьянин, очевидно, чтобы проверить меня. «Судя по попевке, щеглы». Лицо крестьянина, морщинистое и потемневшее от ветра, расцвело. «Молодец», – похвалил он меня. Пришло время удивляться Фехнеру. «Ты мне об этом ничего не рассказывал», – с упрёком сказал он. – «Просто ты не спрашивал», – ответил я. Фехнер уважительно похлопал меня по плечу. «Ну, пойдем, познакомлю тебя с моими овечками».

Небольшое стадо состояло из трёх белых и четырех коричневых особей. Узнав Фехнера, они бросилось к нам с радостным блеянием. Животные были крупные, дородные, с длинной, густой и чистой шерстью. Приятно запахло овчиной. Они толкали друг друга и нас, задирали вверх морды и блеяли, а Вернер с удовольствием гладил их, называя каждую по имени: «Вот Марта», «Вот Жозефина», «Вот Элен»... «Как ты их различаешь?», – спросил я. – «Это не трудно. Они же все разные». – «А по мне, так все одинаковые. Разве что цвет шерсти разный». –

«Ну, нет. У каждой своё лицо, свой характер, свой голос...». – «А где ты их держишь?». – «Там, в хлеву», – Вернер махнул куда-то рукой. – «Зачем они тебе?» – спросил я его. – «Просто так».

Смеркалось. Мы передали овец пастуху, попрощались и пошли обратно к дому. Небо нахмурилось, подул ветер, заморосил дождь. Дома было уже тепло. Мы попили чаю, который приготовила Эмма, слегка закусили и решили сыграть в карты. Но я не умел играть в скат, а Фехнеры – в дурака, поэтому Вернер достал игру под названием «Mensch, ärgere dich nicht».

Каждому игроку надо было провести четыре свои фишки из пункта А в пункт Б. Количество шагов определял брошенный кубик. Казалось бы, все просто. Но по дороге фишки одного игрока могли съесть (а могли и не есть) фишки другого. Игра распалила азарт, причем нешуточный. Скоро каждый имел зуб на каждого. Вернер упрекнул Эмму в том, что она, дескать, норовит съесть только его фишки, а мои фишки якобы старательно обходит. Эмма ответила, что ничего подобного, это он, Вернер, постоянно съедает ее фишки и нарочно не дает ей играть. Когда Вернер сожрал мою фишку почти у финиша, я понял, почему у игры такое название. Выиграла Эмма.

После игры Вернер явно не знал, чем заняться, и предложил съездить в кино. Эмма отказалась. Я согласился. Мы оделись, сели в машину и поехали куда-то в кромешную тьму. Начался проливной дождь с чуть ли не штормовым ветром. На дворе стоял октябрь, и такая погода не повышала настроения. Правда, в машине было тепло и уютно. На лобовое стекло с потоками дождя летели опавшие листья, какие-то мелкие веточки, но сноровистые «дворники» тотчас их убирали. Куда мы ехали и как, я в темноте разобрать не мог. Ехали недолго, минут пятнадцать. Название маленького бельгийского городка я не запомнил. Кинотеатр снаружи показался маленьким и невзрачным, но внутри оказался большим и удобным. Мы подоспели к началу сеанса, опоздав всего минуты на две-три.

Фильм назывался «Никита» – с ударением на последнем слоге, потому что фильм был французский. Совершенно новый. Однако, слава богу, дублирован на немецком языке. Впрочем, выяснилось, что он и по-немецки-то не всегда понятен. Я пытался было спрашивать что-то у Вернера, но тот отвечал с неохотой. Скоро фильм увлёк меня, а когда кончился, я понял, что он произвёл сильное впечатление.

Бессмысленно пересказывать фильм, лучше его посмотреть. А сюжет в двух словах такой: «Никита» – не мужик, а молодая красивая жен-

щина. Наркоманка с задатками хладнокровного убийцы. Её ловят на месте преступления. Но вместо того, чтобы отдать в руки правосудия, какая-то французская спецслужба готовит из нее профессионального киллера. Никита вынуждена убивать, но в конце фильма улучшает момент и вырывается на свободу. Вот, собственно, и все. Но как сделано! Фехнеру фильм тоже понравился.

По дороге обратно мы не сказали друг другу ни слова. Казалось, Фехнер что-то напряженно обдумывал, и ему было не до меня. Отвлекать его я не хотел и погрузился в собственные мысли. Когда приехали, Вернер предложил немного послушать музыку. «Тристана и Изольду» внимали в мягких кожаных креслах с бокалами белого вина. Одного часа нам вполне хватило. Оба уже клевали носами. Вернер очнулся, показал комнату, где Эмма приготовила мне постель, и ушёл спать.

На следующий день я проснулся около 12-30. Отоспался внаглую. Вернера дома не было. Эмма накормила меня завтраком. Потом я часок бродил по окрестностям. Ветер пропал, но мелкий, как пыль, дождик по-прежнему моросил. К обеду появился Вернер. Мы перекусили, посмотрели последние новости, собрали вещи и поехали обратно в Бонн.

Вот, собственно, и все.

Впечатление от поездки у меня какое-то странное. Вроде бы я побывал в Бельгии – а, кажется, и не побывал. Вроде бы я посещал своего немецкого патрона – а, кажется, и не посещал. Вроде бы я общался с ним – а, кажется, не общался. По усам текло – а в рот не попало. Ускользнуло. Не получил я того, чего подсознательно ожидал. Не получил подлинного удовольствия, настоящей радости. Немцы предали по большому счёту радость бытия. Хотя, конечно, не упустили целую кучу маленьких радостей жизни. Видимо, чтобы скрасить ими серые трудовые будни. Даже веселятся они словно в скафандре, боясь соприкоснуться с чем-то непосредственным, подлинным. Неужто и мы когда-нибудь придём к такой «цивилизованной» жизни?

Кстати, у меня это было второе путешествие с Фехнером. В одно сентябрьское воскресенье мы поехали с ним на велосипедах в Кёнигсвинтер, родной городок первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра. (Наверное, ты знаешь, что Бонн получил столичный статус только благодаря близости Кёнигсвинтера.) Сам-то Фехнер живет в Кессенихе, поэтому мы, встретившись у моста им. Аденауэра, поехали через Оберкассель в Обердоллендорф, а оттуда взяли курс на Петербург. Сейчас на этой горе достраивается роскошный дворец, задуманный для приемов иностранных гостей на высшем уровне. В Зибенгебирге есть горы

повыше, чем Петерсберг (331 м), но, если смотреть с Рейна, то именно она кажется выше всех. Знаменитая Драхенфельз, что южнее Кёнигсвинтера, по высоте почти такая же (324 м).

Так вот, ты не представляешь, как Фехнер меня замучил! Гнал, как угорелый, даже не оглядываясь, успеваю я за ним или нет. С меня шесть потов сошло, пока мы проехали по крутым склонам Зибенгебирге. Уж не знаю, как я докатился обратно. Чудом докатился, на последнем издыхании. Потом дня три отлёживался, а ходил, как инвалид, – на полусогнутых ногах. И ведь он старше меня на двенадцать лет!

Но сейчас я о другом: что же это было – отдых? Удовольствие? Радость?

Нет. Работа. Тяжелый изнурительный труд.

Все это типично и, мне кажется, я тебе об этом уже писал. Да если бы мои наблюдения ограничивались только интеллигентной четой Фехнеров! Вот ты гениально и к месту цитируешь Киплинга: «Запад есть Запад, а Восток есть Восток». (Я не понял: ты закрутил сразу два романа?! Встречаешься то с одной – из Мёнхенгладбаха, то с другой – из Дюссельдорфа? Сними с этой истории покров таинственности.). Как бы то ни было, главное – у тебя с немками что-то реально получается! А вот у меня с ними ничего не получается. Ты меня на этом фронте обскакал. Признаю. Такой прыти я от тебя не ожидал, честное слово.

Вот хотел я тут пристроиться к одной молодой незамужней фрау – а не вышло. В Бад-Годесберге, в школе, которая находится рядом с полицейской академией, два раза в неделю по два часа я играю в пинг-понг. Познакомился с ней во время игры. Милая такая, доброжелательная, умненькая фрау в очках. Мы гуляли с ней и в лесу дремучем на скалистом берегу Рейна, и в гостях у нее вечером я побывал – а толку никакого. Просто не представляю себе, как к ней подойти, что говорить, что делать. Давно ведь не мальчик и даже несколько лет был женат. А не получается – и все! Может быть, надо было ее напоить и самому напиться? Но она не пьет много и за диетой следит строго. Ну, как тут быть – я не знаю. Так и плюнул. А она потом звонила: с днем рождения поздравляла, приглашала погулять, да и просто так...

Эх, Филипп, пора мне уже заканчивать, а то я что-то не могу остановиться. А перейду-ка я наконец на темы более простые, житейские.

Твой рассказ о Моторине меня не удивил. Давай начистоту: не любит он тебя. С того самого момента, как ты пришел в институт. Во всяком случае, при мне он никогда не скрывал своего к тебе негативного отношения. Однажды я прямо спросил: почему? Ведь Радецкий, гово-

рю, искренне предан науке и т. п. Моторин только усмехнулся: «Радецкий больше ценит себя в науке, чем науку». И еще несколько слов добавил, которые повторять не хочу. Так что вот так.

Филипп, твои контакты с R. – это, конечно, твои контакты. Я не собираюсь в них влезать. Это было бы с моей стороны беспардонно. Просто может получиться так, что он предложит сотрудничество, реальный объем которого одному не по силам. В таком случае я мог бы тоже подключиться. Имей, пожалуйста, в виду. И потом, если R. заранее узнает о еще одной боевой единице, то и сотрудничество с нами будет планировать иначе. Вот почему прошу тебя рассказать ему обо мне: дескать, есть такой замечательный человек, владеющий немецким, и зовут его Александр Иванович Томилин. Ну, ты сам знаешь, что в таких случаях говорят.

В заключение – небольшая ремарка о технике. Твой «Пионер» PD-4500 я вчера видел. Да, неплохая машина. И все-таки мне кажется, что ты поспешил. Функция FTS, которая позволяет навсегда запоминать на каждом отдельном диске однажды выбранную программу (лучшее) и которая есть на «Филипсе», – штука абсолютно незаменимая. А всё, что ты перечисляешь, в нем также имеется. Не случайно журнал «Test» ставит этот аппарат в своем классе (до 500 ДМ) выше других. Кстати, если я не ошибаюсь, функция FTS есть на другой модели того же «Пионера» – PD-4550.

Ставлю точку. Пойду обедать. Впервые купил себе кусок свинины. Сидел пять часов в библиотеке фонда. Читал сначала Роберта Михельса. Потом – Роберто Михельса. Потом кое-что из Бенито Муссолини. Переволновался. Захотелось жареного мяса.

С демократическим приветом,
Томилин

P.S. Хорошо, что не успел отправить письмо. Обстоятельства изменились. У R. сломалась машина. К сожалению, из строя вышел мотор. Сегодня он хочет заменить его на новый. С божьей помощью и моей. Не знаю, что из этого выйдет. Так что поездка в Амстердам откладывается на неопределенное время. Буду держать тебя в курсе дела.

Билефельд
02.11.90

Дорогой Саша!

Только что получил твое письмо, и сразу повысилось настроение, вообще-то поганое. Убеждаюсь в который раз – у тебя прирожденный дар рассказчика. Спасибо за истории! Одна интересней другой (в буквальном смысле). Так что «пишите нам, пишите...», как поётся в известной песне.

Насчет национализма ты прав: тема скользкая. Я долго с ней разбирался. Жизнь заставила. Многое понял, но, видимо, не все. Боюсь, национализм – это наше будущее, причем близкое. Но давай не будем о тревожном.

Я сейчас сниму пелену таинственности, которая образовалась в твоих глазах в виду двух моих «романов». Но сначала внесу коррективы в наш разговор о технике.

Первая коррекция. Мой «Пионер» – не PD-4500, а как раз PD-4550. Хотя мой прибор и качественнее PD-4500, однако той функции, которая есть у твоего «Филипса», у него всё же нет. Ты ошибся. Я знаю, на что способен PD-4500, потому что руководство по эксплуатации предназначено сразу для трех моделей. Я перечитал, что пишет о нем журнал, по которому я сделал свой выбор: они ставят его на 5-е, высшее, место. Ну, другие журналы рекомендуют другое, так что я намерен дальше жить с мыслью о том, что не ошибся в выборе.

Но вот ведь разорение какое – эти компактные диски! Ты сам знаешь, как они дороги. Мне же страшно хочется слушать музыку. Мне надо было в Москве купить пару дисков и тут их слушать. Не знаю, правда, насколько качественно их делает наша «Мелодия», хорошо, по крайней мере, что они уже есть. Стоят они 20 рублей штука. Тоже недешево. И всё-таки дешевле, чем здесь. Вполне можно было разориться на парочку. Но мне было не до них. Поэтому покупать их я начал здесь. Нашел в одном из магазинов «филипсовскую» серию «Лазер лайн классикс» по 19,95 ДМ штука (в других магазинах – на три марки дороже) и приобрел парочку, а еще по той же цене купил диск из серии «Леонард Бернстайн эдишн». Но ты ведь сам знаешь, как это бывает. Стоит только начать. Я услышал по радио «Свобода» рассказ о последней записи Горовица, сделанной новой фирмой «Сони классикл». Ты подумай: последняя запись Горовица – и едва ли не первая для «Сони»! И так мне ее

захотелось... А стоила она в магазине 34 ДМ! В общем, получил я стипендию, собрался с духом и...КУПИЛ. Самое любопытное, что на этом диске, с виду (но именно «с виду»!) куда более качественном, чем остальные, – он легче и приятнее выполнен – оказались какие-то мерзкие царапины или, может быть, не царапины, а, скажем так, следы чего-то. Нестираемые. Звук от этого не страдает, кажется. Больше я ничего не покупаю. Хотя меня очень даже подмывает купить в «Бертельсманновском клубе» за 13 марок пластинку с Караяном и его любимой скрипачкой по фамилии Муттер. Но пока – держусь.

Тем более, что в городе Мёнхенгладбах моя знакомая села на мои очки. Для дали. А после этого я уже сам сел на свои очки для чтения, сделанные здесь за 42 ДМ. (Старые очки для чтения я потерял где-то в университете.) 42 марки – это рекорд дешевизны. И непрочности. Итак, в один день я лишился двух пар очков! Нет, двух очков. Или, погоди... – пары очков. Ну, читать-то можно и без очков, а вот как ходить!? И я пошел в «Оптику». Меня там (впрочем, что значит «там» – в Билефельде они на каждом шагу! – но эта была ближайшей к вокзалу) встретили с распростертыми объятиями и объявили, что такая поломка не чинится. Надо, мол, менять всю оправу. А это 78 ДМ. А было это еще до отъезда в Москву, и денег я не имел. Вернее, был у меня аварийный запас на билет, и тратить его я не мог. Тогда я пошел в другую «Оптику». И там мне сказали, что это, конечно, не чинится, но они попробуют. И что за такой ремонт они денег вообще не берут. Через день мне вернули очки, объявив, что продержатся они не более трех дней. Так вот, держатся до сих пор! Но все идет к тому, что придется мне делать новые очки. И как ты думаешь, в какую оптику я пойду их заказывать? Правильно. А там мне уже скалькулировали: самые дешевые очки из тех, что понравились, стоят 180 ДМ. Я не то чтобы тороплюсь. Но это реальность. Значит, ее надо учитывать, планируя расходы.

А вот и еще расход. Возможно, скоро меня навестит знакомая. И мне придется помочь ей с поездкой в финансовом отношении. И хотя это дешевле, чем, к примеру, ехать к ней самому, траты все же немалые. Какая же знакомая меня посетит – из Дюссельдорфа или из Мёнхенгладбаха? Ну, грубо говоря, обе сразу. Потому что это одно и то же лицо. Подозреваю, ты уже и сам догадался. Просто ее родной дом – в Мёнхенгладбахе, а учится она в Дюссельдорфе. И имеет там уже описанный мной дырявый «апартамент». В связи с тем, что она учится, и создается то [зачеркнуто] противоречивое положение, в каком она находится. С одной стороны, у нее привычки человека с достатком, с другой – она вынуждена

пребывать в постоянном безденежье. Не знаю, как это сказывается на ней, а для меня это бывает весьма чувствительно. Впрочем, надеюсь, что всё это ненадолго, так как ничего, кроме страданий, мне это знакомство не приносит. [Зачеркнуто.] Ты, помнится, как-то говорил, что женщины тут сразу чувствуют чужака и дистанцируются. Но представь себе, что у женщины экзотический вкус – именно на чужака соцстрановского типа, – но при этом она имеет все известные тебе представления и установки типичной немки. Что из этого может получиться? Да ничего хорошего. В общем, в самый сложный период моей жизни здесь, пока я был слаб и уязвим, у нас, так сказать, завязался роман. Теперь я прихожу в себя, и он постепенно начинает «развязываться». Я посылаю тебе фотографию. На ней я в Мёнхенгладбахе, на фоне родительского дома Н. Здесь ты можешь видеть, что у меня сломана и перевязана пластырем дужка очков. Здесь же и собака Бесси, которую Н. любит больше, чем кого бы то ни было. У Н. на этой фотографии исключительно злые глаза. Но это не всегда так. Надеюсь, фото снимет для тебя покров таинственности со всей этой истории.

Из прочих дел.

Был здесь Томас Маске. Он бодрится, но подавлен происходящим. Оставил адрес и предлагал сотрудничество. Но как с ним сотрудничать? Где его ГДР? И что мне от него надо?

Какая-то феминистка из круга журнала «Аргумент» подарила мне книжку В. Хауга «Горбачев. Опыт о взаимосвязи его идей». Название намекает на книгу Лукача о Ленине. Я начинал свои опыты в реферировании именно с одного из специальных выпусков «Аргумента». Обзор в печать не пошел. Его зарубила П., которой я неосторожно сказал, что я – марксист. Она исторгла вопль «Бедная Россия!» – и с тех пор я потерял для интеллектуальной жизни страны. Так вот теперь, когда я, кажется, больше не марксист (между прочим, мне рассказывали, что Л. на конгрессе во Франкфурте заявил: Маркс – величайший из великих и он, Л., собирается что-то такое с его наследием предпринять), эта феминистка оставила мне телефон и адрес Хауга, который, по ее словам, хочет пригласить меня в Берлин. Не люблю я немецких леваков, но в Берлин хочется. Как быть? Я пошел на компромиссный вариант. Не стал ему звонить, а написал письмо. И пока что не получил ответа. Может быть, он передумал? Письмо получилось короткое и сухое до невозможности.

Р. я о тебе говорил. Тут что-то может проклюнуться, в том числе и денежное. Но надо подождать. Вообще, он хочет с нами сотрудничать, а выбор у него крайне узок.

О поездках. Жаль, что тебя подвел твой новый приятель. Но вот что я хочу предложить. Если ты куда собираешься за свой счет, то в какой-то момент наши пути могут пересечься. И даже если в результате нашей кооперации не уменьшатся расходы на транспорт, то расходы на проживание могут у нас существенно сократиться.

Поскольку ты ничего не ответил по поводу предновогоднего визита домой, то я понимаю, что эта идея тебя не соблазняет.

И о Моторине. Тут кое-что иначе. Ну да ладно. И ты меня немножко удивил. Я знал, что он меня не любит, но считал, что с недавних времён. Оказывается – с давних. Какой я всё-таки наивный человек...

Свинину я не покупаю. Но не потому, что «марксист». Я вот купил баклажан. Думал – овощ, дешево. Оказалось, что стоят они – за килограмм – как сыр! Штука – 3 марки. Поэтому и купил один. Я его приготовил и съел. А что делать!

Вчера впервые сварил себе – очень удачно – гречневую кашу. А удача связана с керамическим горшком. Может быть, и ты такой купишь. Производитель – французская фирма «Аркофлам». Горшок годится для печек и плит любого типа, включая микроволновые. Самый дешевый стоит 30 марок. Самый большой – около 50. Я купил, конечно, дешевый. И каша, действительно, получилась. Я ее держал на плите, а потом томил в печке.

Передвигаться по Германии я начну где-то в конце ноября. Хочется в Мюнхен. Я написал письмо Д. Если он ответит, то я поеду по «супершпарпрайс» и на обратном пути буду заезжать в разные города. Может быть, мы и с тобой пересечемся.

Всех тебе благ.

А какой привет могу передать тебе я? Коммунистический – невозможно. Антикоммунистический – не позволяет вкус и чувство стиля.

Итак, просто – с приветом,

Филипп.

Бонн
04.11.90

Дорогой Филипп!

Спасибо за письмо. Отдельное спасибо – за фотографию. Это, Филипп, исторический документ.

Насчет поездки в Москву на Новый год ты меня правильно понял. Не вижу я для себя резонов ехать в конце декабря домой. Ведь уже через два месяца после этого надо будет уезжать из Германии навсегда. И если честно, то надоело мне ездить туда-сюда. Не легкие это прогулки, а сплошные нервогрёпки. Сам знаешь. Один Брест чего стоит. Помнишь, как в июле молодой таможенник всё чего-то от меня хотел, на психику давил: закрыл купе – и смотрел, смотрел, смотрел на меня глазами. Пока поезд не тронулся. Слава богу, я ничего не вёз, кроме пары пикантных журналов, да газового револьвера с патронами. А то бы, точно, дал слабину и начал предлагать ему всякие подарки.

Зато у тебя и впрямь есть резоны ехать. Ты ведь у нас богач. А раз денег больше, значит, больше крупногабаритных покупок, значит, в феврале тебе всего не увезти. Да и мама твоя будет рада. Билет-то у тебя уже есть? В общем, давай, присылай свой паспорт, я проставлю тебе в посольстве «выезд до...», а обратно его либо почтой пошлю, либо привезу, когда вместе с Р. к тебе заеду. Тут важна оперативность, поэтому присылай паспорт прямо следующим письмом, не дожидаясь конца ноября.

Кстати, о Р. Мужик он резкий, вспыльчивый, но отходчивый. И я такой же. Мы с ним сильно поцапались, но уже помирились. (Я сказал, что ему везде мерещится злокозненная «рука Москвы», потому что у него комплекс национальной неполноценности, – в отместку он обозвал меня «тупым имперским паразитом».) Его старая колымага под громким названием Форд «Таурус» снова на ходу. Мотор мы благополучно заменили, хотя и с большим трудом – тяжелый он зараза! Я чуть не надорвался. Со дня на день Р. ожидает из Риги курьера с информацией и документами, которые ему необходимы для переговоров в Амстердаме. После этого мы стартуем. На обратном пути из Амстердама можем заехать к тебе, чтобы вместе отправиться в Бремен и Гамбург. В какое время тебе лучше звонить?

Итак, будь в полной боевой готовности, Филипп!

Теперь о деле. Я собираюсь 13-го в Дюссельдорф. Г., наконец, выкроил время и организовал мне доклад у себя на факультете. Так что я мог бы встретиться с Б., передать ему письмо от шефа и обсудить перспективы сотрудничества. Если ты не против, то вложи письмо шефа в свое письмо.

Теперь о теле. Спасибо сынок объяснил мне как брат в оборот да щупать молодых германских девок а то я в одиночестве живу раком отшельником весь мхом порос и не смекнул старый дурак что у тебя не

две девки зараз а токмо одна зато уж больно гуляющая мама не горюй то глядь в Дюссельдорфе «Ан дер Уни» себя покажет то глядь в Мёнхен-гладбахе объявится то глядь на Л. в Билефельд её занесет лягушка путешественница будь здоров пойду кишечник опростать пора.

Филипп, ради бога, не обижайся. Я пошутил. Позволь только вставить еще одно важное психоаналитическое наблюдение.

Вторичное прочтение твоего письма привело меня к выводу, который имеет для тебя судьбоносное значение. Я вот прямо сейчас тебе его сообщу, а уж ты сам думай, как тебе с этим дальше жить и что необходимо сделать, чтобы твоя жизнь не превратилась в кромешный ад. Ты, конечно, будешь все отрицать, говорить, что все это неправда, а злые выдумки и т. п. Но я уверяю тебя, что это все голая правда. Итак, приготовься, расслабься и слушай меня внимательно: ты ревнуешь Наташу к ее собаке Бесси! Ты ревнуешь Наташу к ее собаке Бесси! Ты ревнуешь Наташу к ее собаке Бесси!..

Ну, ладно, шутки – в сторону. Продолжаю кулинарную тему, начатую мной и так блестяще развитую тобой.

Сегодня ровно в 14-00 во мне умер кулинар. От русского борща умер. Слушай, как это было. Я страшно соскучился по борщу. Накупил все, что видел когда-то в тарелке с маминым борщом: картошку, свеклу, лук, морковку, чеснок, петрушку, перец, свинину и что-то еще. Дома почистил, нарезал, засыпал в кастрюльку и стал варить. Впервые в жизни. Думал, это просто. И надо же было такому случиться: Бинднеры учуяли запах борща! Они поднялись ко мне наверх, подкрались и увидели, что я стряпаю. «Что это у Вас такое вкусное варится?», – тактично спросила фрау Бинднер. – «Борщ», – сказал я. – «Это – борщ?». – «Борщ». – «Настоящий?». – «Настоящий». У них загорелись глаза. «А нельзя ли его попробовать, когда он будет готов?» – деликатно спросил господин Бинднер. – «Отчего ж нельзя. Конечно, можно». – радушно ответил я. Только потом я понял, какую допустил ошибку. Но было уже поздно. Получив обещание, Бинднеры удалились.

Пикантность ситуации заключалась в том, что я не умел готовить борщ! Я не знал ни одного рецепта. Я вообще ничего не знал, а главное – не умел. Это был даже не эксперимент, а нелепая затея человека, спятившего с голодухи от жёсткой экономии. Доверчивых стариков я забыл об этом предупредить.

Стало ясно, что может случиться непоправимое. В кастрюльке у меня булькала какая-то густая жижа темно-красного цвета. Составные части поменяли натуральный цвет на радикально красный. Коммунистическая

еда. Но делать было нечего. Я зачерпнул из кастрюльки половником, налил в миску. И отнес ее Бинднерам.

Увидев борщ, они обрадовались, как дети. Все твердили: «Борщ! Борщ! Борщ!». Но после первой пробы отношение к моему вареву у них изменилось. Что-то, видать, им не понравилось. Они поблагодарили меня и сказали, что пока я готовил борщ, они так захотели есть, что, увы, не удержались и перекусили, и теперь совсем не хотят есть, ну, совсем.

Я поднялся к себе и попробовал борщ. ...Гадость. Настоящая отравка. Ведьмино зелье. Сгоряча я взял и вылил всю кастрюльку в унитаз. Вот ведь дурак! Потом ещё и унитаз весь вечер отмывал...

Такая вот печальная кулинарная история.

Знаешь, я хотел бы узнать у тебя еще две вещи. Во-первых, где ты гречку-то нашел? Я обыскался – нет её нигде. Может быть, в Германии ее вообще не едят, как и воблу? И второе: как ты живешь без свинины? Пусть не «марксист», но ведь ты и не верующий.

Перечитал я письмо и за голову схватился: бог ты мой, что же я наколбасил! Зачем мне понадобилось так над тобой глумиться! Не надо было под юродивого косить, идиотничать. Начал и уже не мог остановиться. Словно бес в меня вселился. Умоляю, Филипп: не обижайся!

С дружеским приветом,
Томилин.

Билефельд
06.11.90

Дорогой Саша!

Сегодня я весь день был в университете и получил твое письмо лишь вечером. Поэтому и ответ с паспортом придет только 8-го.

Спасибо тебе большущее. Такие письма – это бальзам на душу. Как я хохотал – этого не выразить и не передать. Я просто-таки душой воспрял!

В Бремен и Гамбург я с вами готов ехать. Для меня это очень актуально. В Гамбурге у меня объявилась знакомая старушка, так что я не связан жильем. Мне только надо с ней точно договориться.

Все остальное обсудим при личной встрече.

Бери Б. на себя. Письмо прилагаю.

Билет в Москву у меня есть. Из Москвы – нет. Как сейчас с билетами – не знаю. Рассчитывал на один канал, но это предполагало взаимную услугу, которую я оказать не мог.

Я в боевой готовности всегда!

Когда мне лучше звонить, я не знаю. Попробуй часов в 7-8 вечера. Но я еще сам тебе звякну.

Психоаналитик ты гениальный. К собаке я действительно ревную, ты прав. Ну, ничего, скоро она подохнет.

Оправдываешься ты напрасно. Если бы я хотел обидеться, то оправдания не помогли бы. А я не хочу.

Гречку я имел ещё до исторического объединения Германии. Она родная.

Вместо свинины я покупаю готовые блюда не дороже 3 ДМ за порцию. Может быть, я и жирую. Но мне, по всем подсчетам, в следующий месяц привалит не более 600 ДМ. Так что богач я относительный. Тем более, что ожидаю свою знакомую Н. сюда, в Билефельд, в конце месяца. Но она бедна. И мне придется – кажется, я уже писал тебе об этом – помогать ей с оплатой пути и потом еще – увы! кормить её здесь. И поить, что самое страшное. Потому что такой страсти к пиву я здесь еще не встречал даже в мужиках.

Вот и все дела.

[Подпись]

Глава 5.

Обратный отсчёт

Бонн
17.11.90

Дорогой Филипп!

Вроде как виделись неделю назад, а дай-ка, думаю, напишу. Вот и паспорт твой готов, принимай, пожалуйста.

Прежде всего, позволь еще раз извиниться за то, что все получилось не так, как с самого начала планировалось и как я тебе обещал. В Амстердам Р. не поехал потому, что его партийные переговоры по каким-то причинам перенесли на более поздний срок. Одновременно он получил приглашение на международный симпозиум в Бремене, в котором я по протекции Р., не имея приглашения, принял участие. Сообщаю, как ты просил, его полное название: «Aufbruch und Neuordnung Europas: Ideen, Perspektiven, Vorschläge. Internationales Ost-West-Symposium in Bremen vom 09. bis 11. November 1990, veranstaltet von der Landeszentrale für politische Bildung».

Симпозиум получился интересный, хотя напряженный и скандальный. Главным образом – из-за поляков. Они считают, что обновление Восточной Европы началось 10 лет назад с их «Солидарности», что немцы должны быть им за это благодарны, а вместо этого канцлер Коль вдруг поднимает вопрос о границе по Одере и Нейсе, о мнимых претензиях поляков на репарации и т. п. Однако участники из югославских республик – хорваты, боснийцы, косовские албанцы – также внесли свою лепту в создание нервной атмосферы.

В симпозиуме, кстати, принимал участие Г. В своем докладе он выдвинул оригинальный «принцип матрешки». Коммунистический лагерь устроен, как матрешка: большая внешняя матрешка – это сам лагерь, внутри нее надежно хранятся матрешки поменьше: страны социалистического содружества в Европе, или страны «народной демократии», потом сам Советский Союз, потом – союзные республики, потом – РСФСР, потом – федеративные республики, потом – автономные республики и автономные области, края, области и т. д. Смысл концепции в том, что она своеобразно объясняет геополитические процессы, происходящие

сейчас в мире и Европе. Разрушение большой внешней матрешки ведет к неизбежному разрушению каждой следующей матрешки: «эффект домино». Это неизбежно, поскольку внутренние матрешки менее прочные. Чем дальше вовнутрь, тем они мягче. Их границы никогда не были внешним панцирем, поэтому хуже защищены. Быть открытыми миру и в то же время сохранять устойчивую форму они не могут. Как только внутренние матрешки оказываются внешними, происходит их саморазрушение. По идее, так может распасться не только СССР, но даже и РСФСР. И, по мнению Г., «процесс пошел»! По сути, его теория обосновывает тотальное разрушение тоталитарной системы.

И все же она фантастическая. Я, конечно, двумя руками за разрушение тоталитарной системы, за освобождение от нее стран «народной демократии». Я за национально-освободительные движения в Прибалтике, за отделение Латвии, Эстонии, Литвы от СССР. Я и в распаде Союза ССР не вижу ничего ужасного. Если украинцы или белорусы захотят от нас отделиться – пусть отделяются. Если у нас вместе ничего путного не вышло, и все считают, что всем вместе плохо, что русские их якобы оккупируют или обкрадывают, – да ради бога, пусть живут самостоятельно! Может быть, у них по отдельности лучше получится. Ведь тогда никто обирать их больше не будет. А малые компактные территории более управляемы и жизнеспособны. За примерами далеко ходить не надо: Бельгия, Люксембург, Швейцария, Голландия, Дания... И все же я не представляю себе, как распадется РСФСР, как, например, станет независимым государством Московия. И потом, разве процесс такого глубокого распада может быть мирным? А если это приведет к гражданской войне, что в этом хорошего? Между тем многие участники симпозиума приняли доклад Г. на «ура».

Я не хотел выступать, но после доклада Р. все-таки решился. Радикализм его политических амбиций просто не имеет границ. Моя критика была сдержанной, почти кроткой. Однако он все равно обиделся: дескать, я тебя пригласил, а ты ещё посмел перечить? Предательски вонзил мне нож в спину?!

Кроме меня, его критиковали еще двое. Особенно окрысился на него какой-то ученый дядя из югославской Хорватии. Дело дошло до того, что он пристыдил здоровяка Р., как нашкодившего мальчонку. «Вот Вы, господин Р., с такой прекрасной фамилией и такой очаровательной внешностью, Вы – дитя многих народов, судя по всему, не только латышского, но и еврейского, и русского. Как же Вы можете исповедовать такой вульгарный, такой взрывоопасный этнический национализм?!» –

укорял дядя, а Р. только багровел и набычивался. – «Неужто Вы, господин Р., не понимаете, что Ваши якобы национал-демократические требования могут привести к тому, что вы построите у себя в стране по сути нацистское государство, что оно прибегнет к таким же этническим чисткам, как в гитлеровской Германии?! Что потом, в конце концов, они могут дойти и лично до Вас, господин Р.!» и т. п. Надо было слышать, как дико орал на него потом разгневанный Р.. Меня мало удивило, что за него заступился один поляк (фамилию я не запомнил, кажется, Адамчик). Но мне показалось странным, что в защиту Р. выступили немецкие участники. Не знаю, может быть, их задело сравнение с нацистской Германией? Во всяком случае, напряжение было такое, что иногда проскакивали искры.

На бременском симпозиуме не нашлось никого от наших, кто защищал бы тоталитарные скрепы Центральной и Восточной Европы, подобно Петьке Акчуруну или «историку», о котором я писал тебе раньше. А если бы кто и выскочил, то его бы заклевали и затоптали. Это точно! Особенно агрессивен был поляк, который заступился за Р. Судя по тому, как вокруг него суетились другие поляки и даже немцы, он – птица непростая и ходит в большом авторитете.

По его мнению, есть национализм плохой и хороший. Последний – это, собственно говоря, не национализм, а то, что им просто называют – по ошибке либо злонамеренно. Так, стремление к восстановлению своей истории или ее единства, защита народом своей культурной идентичности, его борьба за государственную независимость – все это, по его мнению, нельзя квалифицировать как национализм. «Потому что национализм – это не борьба за свои национальные права, а пренебрежение к чужому праву на национальное и человеческое достоинство». Вот так. Получается, что меньший и слабейший всегда прав. Да. Установка-то гуманная, но в действительности все намного сложнее. Есть тут какой-то перекосяк. Надо признать, поляк выступал очень убедительно. На прекрасном немецком. Оратор он превосходный. Все даже притихли, многие записывали. Кое-что и я записал. Не ручаюсь за дословную точность передачи, но общий смысл сохранён верно. Привожу в своем переводе.

«Национализм – это дегенеративная форма естественной человеческой потребности обладать национальным достоинством и жить в независимом национальном государстве. Национализм – это нетерпимость. Он позволяет отвергнуть другого человека на основании его инаковости. Национализм – последнее слово коммунизма, последняя попытка идеологов, потерпевших крах, найти социальную базу для своей дикта-

туры. Примерами могут служить Ким-Ир-Сен, Фидель Кастро, а также Милошевич, предводитель сербских коммунистов. Но вместе с тем национализм – это выражение противоречия коммунизму. Коммунизм попирает национальное достоинство народа, подрывает национальные традиции, нарушает национальный суверенитет. В этом случае национализм становится деформированной формой справедливой национальной самозащиты, и деформированность эта тем больше, чем сильнее угнетение.

Понятно, что между этими двумя разновидностями национализма существуют различия. Ленин был прав, различая национализм угнетенного народа и национализм народа-оккупанта. Национализм колонизаторов наиболее отвратителен и неприемлем. Так, в своей полемике против великорусского национализма украинские и литовские, эстонские и грузинские авторы часто писали об «имперской психологии» великороссов. Но так просто от русского национализма не отмахнешься. Русский националист скажет вам, что ни один народ не претерпел таких жестоких страданий, как русский народ. Он сошлется на уничтоженную культуру и беспощадные преследования религии, на истребление интеллектуальной элиты, разрушение городов и деревень, на порабощение людей и их отчаяние. Русский националист преподнесет вам историю русского народа как историю жертвы. Нельзя, скажет он, говорить об ответственности русских за большевизм, ибо марксистское учение – это изобретение Запада. Сама Октябрьская революция делалась руками иностранцев – евреев, поляков, латышей. Коммунизм, скажет русский националист, – это не наша вина, это наша беда. Причем не такой уж это и абсурдный ответ. Однако он снимает с народа историческую ответственность за все плохое, оставляя ему только память о хорошем».

Вот еще один фрагмент.

«Русский национализм может принимать форму империалистической аннексии, а может – и форму изоляционизма. Такого, который объявляет, что Россия только для русских. Русский националист хочет чистой России – без литовцев, евреев, армян и узбеков, но также и без космополитов и без масонов. Он, правда, не знает точно, кто такие масоны, но уверен, что они как-то связаны с Европой и евреями. В них он видит главного врага. Часто утверждают, будто сейчас в России вновь разгорелся старый спор между западниками и славянофилами. Я так не думаю. Я вижу в первую очередь спор между демократией, духовным отцом которой был умерший правозащитник Андрей Сахаров, и отрядами черной сотни, некогда боровшейся с революционерами. В сущности,

спор этот банален: одна сторона отвергает коммунизм, потому что он нарушает элементарные права человека, другая отвергает его, потому что он немецкий, еврейский, масонский, космополитический. В каждой посткоммунистической стране есть своя черная сотня, картина мира которой столь же проста и незамысловата, как эта».

Сильно сказано. Ясно, четко. Казалось бы, совершенно правильно. И добавить-то нечего. Наверное, каждый демократ, каждый либерал подпишется под такими словами. И все же у меня (интересно будет узнать твое мнение) после его выступления остался неприятный осадок. Как будто меня птичка обкакала. Кру-у-у-пная такая птичка. Думаю, осадок остался от того, что о русских в целом говорилось нехорошо – как о народе-оккупанте и народе-колонизаторе, а я – русский. При этом я – кто угодно, но только не русский националист. Я как раз интернационалист, я за «общеевропейский дом». Получается, что эту идею Горбачева на словах-то как бы все поддерживают, а в действительности не очень-то нас, русских, и жалуют. Не любят – и всё тут.

Понимаю, что, если тебя не любят, обижаться глупо. Тем более, поляк не имел в виду ни лично меня, ни таких, как я. А всё равно почему-то обидно. Вообще, мне показалось (это уже по большей части мои впечатления из кулуаров), что к русским хуже всех относятся как раз народы Центральной Европы и прежде всего поляки. Немцы-то к нам, как ни странно, относятся лучше всех. Для поляков не важно – националист ты или интернационалист. Никого это не интересует. Для поляков, венгров, румын, чехов, болгар (я уже не говорю о латышах, литовцах и эстонцах.) – ты русский, следовательно, империалист. А стало быть – погоди, не спеши в «общеевропейский дом». Не торопись. Мы – первые, мы больше страдали и больше заслуживаем, ибо вы, русские, давили нас и угнетали, жить свободно не давали. Сначала, мол, покайтесь за преступления коммунистов, устройте себе второй Нюрнбергский процесс, сформируйте у себя, как немцы, комплекс национальной вины, а потом мы еще посмотрим, достаточно ли вы хороши для нашего европейского дома.

Есть в этом какая-то досадная, если не сказать подлая, несправедливость. Коммунисты – не нацисты. Ещё вчера я был коммунистом – и что плохого я сделал? За что я должен теперь каяться? Что я – бывший палач, эсэсовец, надзиратель Освенцима? Нельзя ставить на одну доску Гитлера и Сталина, как сейчас делают на Западе. Неправильно это. Несправедливо по отношению к нам. Ведь мы и так Западу во всем готовы идти навстречу, во всем уступаем. По-моему, это историческая

ошибка. А ведь такие, как Р., не просто выражают надежду на второй Нюрнбергский процесс – они угрожают, что устроят его нам. Ну, ладно, завершаю свои реминисценции о нервном бременском симпозиуме.

Мои отношения с Р. сейчас таковы, что впору заказывать для них гроб и похоронный оркестр. Очень уж он самовлюбленный, болезненно-честолюбивый тип. Никакой критики не принимает. В принципе её не терпит. Он уже на полном серьёзе мнит себя министром иностранных дел независимой (от СССР) Латвии или, по меньшей мере, латвийским послом в Германии. Пыжится, надувается, того гляди лопнет. Прямо по басне Крылова. А жаль. Могли бы еще поездить с ним, попутешествовать. Ну, что поделаешь! Хорошо ещё, что до Бремена на машине доехали и тебя подвезли. Всё-таки билет от Бремена до Гамбурга стоит меньше, чем от Билефельда до Гамбурга. А за бензин ты заплатил фактически гроши. Надеюсь, до Гамбурга добрался благополучно и старушку свою сразу нашел. Жду от тебя свежих впечатлений, так сказать, по гамбургскому счету.

Да, вот ещё что. Перед выездом из Бонна я успел созвониться с Э. Б., и договорился, что выступлю с докладом в её институте при Бременском университете (предварительно мы договорились еще весной). Она любезно предоставила мне ночлег на три дня, так что мне, слава богу, не пришлось тратиться на гостиницу. Докладывал про «перестройку». Но это был уже новый доклад – новый по сравнению с тем, который я делал в Касселе. Кстати, на моём выступлении присутствовал Г. и даже задал мне вопрос. Вполне благожелательный. После доклада мы поговорили, вспомнили недавний симпозиум. Такие вот дела. Кстати, мой берлинский доклад немцы собираются опубликовать в каком-то журнале, обещают небольшой гонорар.

Обратно в Бонн возвращался через Mitfahrerzentrale (центр, оказывающий посреднические услуги автовладельцам и тем, кто желает как попутчик доехать из одного пункта в другой, оплатив соответствующие расходы на бензин). Я оказался не единственным пассажиром. Скромно одетый лысоватый человек лет сорока представился Х. Н. Он показался мне странным, этот Н. Мягкие кошачьи повадки, бегающий неуверенный взгляд, заиканье... Судя по всему, господин Н. заметил, что я не очень-то обрадовался нашему знакомству. Первую половину пути он мрачно молчал. И промолчал бы до конца, наверно, если бы не узнал, что я из СССР. А узнал он потому, что я разговорился с водителем, молодым парнем из Кобленца. Когда Н. услышал, что я – русский, у него пробудился живой интерес к моей персоне. Мы разговорились. Оказа-

лось, он безработный, живет на пособие и – тут начинается самое интересное – изучает русский язык. Самостоятельно. Как он ни старался, ни тужился, но связать двух слов по-русски ему не удалось. И все же меня тронул его интерес, не скрою. Чего греха таить – на фоне неудачника Н. я почувствовал себя большим человеком. Слишком уж резким был контраст с недавним прошлым.

Но самое любопытное случилось потом. На подъезде к Бонну, когда Н. уже объяснял водителю, как лучше проехать к дому, он вдруг нагнулся к моему уху и зашептал, что-де собирается вступить в коммунистическую партию и давно хочет посетить страну победившего социализма. Я начал говорить, что СССР – это страна, побежденная социализмом, что мы проиграли «холодную войну», а капитализм – единственная социально-экономическая система, которая соответствует человеческой природе... но запнулся, увидев, как Н. резко изменился в лице. Он вытаращил на меня глаза, словно я – вервольф, и из моей пасти вылезают чудовищные клыки: «Так Вы н-н-н-не марксист?» – с трудом выдавил он из себя. – «Ну, как Вам сказать...». Закончить я не успел, потому что Н. уже надо было выходить. Судя по всему, он был потрясен. Мы даже не попрощались. Машина тронулась. Я оглянулся назад. До сих пор не могу забыть его одинокую фигуру в старомодной шляпе и стареньком плаще, постепенно исчезающую в холодных струях ноябрьского дождя. «Ein Gespenst geht um in Europa, ein Gespenst des Kommunismus».

Да, пару слов о Дюссельдорфе. В общем, все прошло нормально. Но мне не повезло, я простудился. Недомогание, сопли, головокружение. В таком состоянии я не мог удивить студентов (которых Г. согнал на мой доклад). И не удивил. Ну, получил свои 200 ДМ и пошел к Б. Он очень торопился. Разговор у нас вышел короткий. Я передал ему письмо и сказал, что мы готовы к сотрудничеству. Можно сказать, контакт поддержал, но отношения не углубил.

Под конец я приберегу информацию, которая будет для тебя сюрпризом. Возможно, в начале декабря я снова приеду в Билефельд. Дело в том, что с 1-го по 4-е декабря в университете состоится международная конференция.

Напиши, как поживаешь. Купил уже усилитель?

А я, наконец, приобрёл себе новые ботинки. Те, что давно хотел, – голландские крестьянские ботинки из толстой свиной кожи, Bauerschuhe. Похвастался покупкой перед Бинднерами – они удивились: зачем в Москве Bauerschuhe? Я им говорю: как раз для наших условий. «У вас нет асфальта?». Ну, как им объяснить. Они, к приме-

ру, считают, что снимать с гостей обувь на входе в квартиру – это древний русский обычай, который унижает современного человека. Посмотрел бы я, во что превратился бы их дом, если бы они не снимали с гостей обувь в Москве.

Как быстро побежало время! До Нового года осталось всего ничего. А там, глядишь, через два месяца – обратно в Москву. Уже навсегда. Подумаешь об этом, и какие-то двойственные чувства возникают: и здесь бы задержался, и домой хочется. Получил письмо от А. – пишет, что ждёт меня. Это греет. И я жду.

Всего наилучшего,
Томилин.

Билефельд
20-21.11.90

Дорогой Саша!

Ты даже не представляешь себе, сколько радости мне приносят твои письма! Я здесь тихо зверею, а твои послания напоминают мне о существовании человечества. Мне тоже есть что рассказать, но начну с неприятного, чтобы потом перейти к приятному.

Сегодня я встретил в университете твоего Г.. Он тоже огорчился, увидев меня. Но мы превозмогли взаимное отвращение, сказали друг другу все, что полагается в таких случаях. Я сказал ему, что получил от тебя письмо, что знаю об успехе его доклада о «принципе матрешки». Сказал я это с невинным видом, нейтрально, без комментариев. Он как-то криво посмотрел на меня и сказал, что он тоже тебя видел и твой доклад слышал. Какой-то он запаршивевший, хотя объяснить свое впечатление я не могу. Подозреваю, что ему просто ужасно не хочется в Москву. Мне, в общем, тоже. Но я смирился, так сказать, осознал необходимость, а он, судя по всему, нет. Мы обменялись адресами и телефонами.

Еще из неприятного. Со немецкой подругой я порвал. Сам, хотя и не без повода с ее стороны. Просто я как-то очень ясно понял, что наши отношения не имеют будущего, и лучше сразу положить им конец. Все это я обставил таким образом, что, полагаю, никаких неожиданностей больше не будет. Несмотря на то, что я сам хотел этого, мне все равно сейчас грустно.

А вот полунеприятность, которая может опрокинуться в любую сторону – как в хорошую, так и плохую. Я еду в Мюнхен к D. Пока еще не знаю, когда. Планирую на декабрь, но не уверен, что успею. Если не получится в этом году, поеду в январе или феврале. Я написал D. письмо. Он ответил. Сулит мзду за выступление на его семинаре. Тиль обещает билеты. Все отлично. Кроме одного: нет жилья.

Сначала я отнесся к этому легко. Я рассчитал, что предложенная D. стандартная сумма в 200 ДМ будет достаточна для оплаты жилья. Потом советская жадность взяла свое. Я принялся за поиски. Хозяева дали мне путеводитель по Мюнхену 1981 года издания. Их дочка присовокупила другой, молодежный. В обоих я нашел телефоны «Югендхерберге» (молодежная туристская база). Поскольку ночевка в «огромных спальнях залах» 8 ДМ за ночь меня не прельстила, я набрал номер «Хаус интернациональ», один и тот же в обеих книжках. Ответил мне автомат, сообщивший, что номер сменился. Я набрал новый. Оказалось, что сменился не только номер. Старый путеводитель обещал ночевку за 21 ДМ. Новый (дочкин) ничего не обещал, но предназначал этот «Хаус...» все-таки для молодежи. И оказалось, что 59 ДМ (!) – самый дешевый вариант.

Позвонил я в другой молодежный закуток. А они закрылись. Третий, как сообщал путеводитель, открыт лишь по [зачеркнуто] октябрь. Четвертый расположен в отдаленном замке. Пятый, как уже сказано, предлагает огромный зал. Я рискнул позвонить в привокзальный отель: 150 ДМ за ночь! Я подумал, что это многовато. Путеводитель предлагал также посреднические услуги какого-то бюро в Мюнхене. Причем туда надо писать. По телефону квартиры не резервируют. И тут же даны два телефона. Я позвонил. По первому телефону жизнерадостный автомат рассказал мне, какой замечательный город Мюнхен. По второму еще более жизнерадостный автомат сообщил, что экскурсии проводятся такие-то и там-то. Письмо я бросил в почтовый ящик. Ответа нет. Хозяева обещали помочь. Пока молчат. Хреновато!

Но тут выясняется кое-что еще. К нам едет профессор Дронов! Не к нам, конечно, – в Германию. В Эрланген к L. Я в гробу видел L.! Но он (Дронов) хочет меня видеть у L. А тут как раз R. предложил сделать Дронову тур по Германии. И вот я начал названивать сначала в Москву, чтобы меня в случае чего смогли найти в Мюнхене у D. и чтобы дать Дронову номера телефонов R., а потом – и самому R. ... В результате выяснилось, что R. как раз сейчас ничего особенного организовать не может, а Дронов как раз сейчас (в противоположность своим недавним утверждениям!) ничего не хочет. Только потерял впустую кучу денег на

телефонные разговоры. [Следующее предложение полностью замазано; по замазанному написано от руки другое.] Собрался я Дронову уже скверное слово сказать, да промолчал по привычке. Вернее, пожелал счастливого пути. Хрен я ему поеду в Эрланген!

Ну, а теперь о Гамбурге. Ох, не везет мне! Как приеду в красивый город, так – туман. Прожил я там три дня, уехал в понедельник вечером. Ты не поверишь: оказалось, что моя старушка, несмотря на свои 70 лет, еще работает. Она руководит отделом какой-то крупной производственной фирмы. Можешь себе такое представить?! Я свалился на неё, очевидно, некстати. Она была вся в работе. Я подумал, что лучше отбыть в воскресенье. Она удивилась и сказала: это же очень мало. Тогда я заявил, что уеду в понедельник, и она приняла это с явным облегчением. Правда, я как бы и не жил у нее, лишь завтракал и ночевал. Остальное время – на ногах, они все еще побаливают.

Как я страдал от одиночества! Конечно, в таком большом городе лучше быть как минимум вдвоем. Но мои впечатления от твоих во многом отличаются. Я ничего беспокойного в Гамбурге не ощутил. Был я и на вокзале, и в Сан-Паули, и в порту, и в Альтоне, и всюду чувствовал себя одинаково спокойно и безопасно, как и всюду в Германии. Может быть, это осень? Шпана попряталась? На Реепербан был дважды, утром и вечером в воскресенье. И на Гербертштрассе тоже.

Ну, что тебе сказать... Не видел я секс-шопа, что ли? Да, их там много. Ну да, предлагают «пип-шоу» (щёлку в щёлку разглядывать). Ну и что? Я и вшивой марки на это тратить не стал! Пошел на Гербертштрассе. Ну и что? Можно подумать, ты никогда раньше не видел женщин в кружевном дезабилье или что там у них ещё? Утром было совсем скучно. Во второй раз пошел вечером.

Конечно, вечером и Реепербан веселее смотрится, и кому-то даже морду в кровь разбили при мне, и вблизи Гербертштрассе чувствуется некоторое напряжение. Но на самой этой штрассе слышится преимущественно русский мат. В то время как наши мужики, шедшие рядом, сломались после первого же прохода, я хладнокровно повернулся и пошел обратно. И тут же услышал призывное пощелкивание по стеклу. Настроение у меня поднялось. Я взбодрился. Я понял, что западной одеждой и циничной повадкой вполне могу сойти за приличного покупателя. Я повернулся к витрине, улыбнулся красотке, покачал головой (мол, извини, в следующий раз) и пошел прочь. У ближайшего магазина с электронным барахлом я снова услышал русский мат. Если сравнивать, то от

памятника Бисмарку у меня ощущения намного сильнее (конечно, если сравнивать не с матом, а с Реепербаном).

Но вот уходя с этой развратной улицы, я наткнулся на нечто очень впечатляющее. Называется это нечто «ДОМ». Смысла этого слова я не знаю, потому что на собор это не похоже, а похоже скорее на рынок, ярмарку. Грубо говоря, это место невинных увеселений. Карусели, американские горки, пещеры чудовищ, цирковые аттракционы, ларьки, палатки, павильоны со всевозможным [замазано]. К примеру, пещера чудес сама по себе воображения не потрясает. Это делает стоящий рядом с ней великан размером с двухэтажный дом. Мерзейшее чудище издает душераздирающие вопли, укоряя подлых трусов за то, что они обходят пещеру стороной. Американская горка сама по себе также не ошеломляет, хотя аттракциона таких больших размеров я не видал. В общем, по отдельности вроде бы ничего особенного, но всё вместе производит впечатление. Тут же пекутся какие-то умопомрачительные вкусности, которых я от немцев не ожидал. Уходя с Реепербана, так сказать, без нового опыта, я хвалил себя за то, что сэкономил денежку. Черта лысого я сэкономил! Все и даже больше я оставил в этом ДОМе.

Началось с малого – пирога с вишнями. Потом я съел что-то еще. Потом невыносимо захотелось пива. После пива святое дело – жареная сосиска, после оной – снова пиво. Единственное, от чего я себя удержал – так это от старого тёмного пива с ягодами земляники. Конечно, это было не единственное вообще, а единственное из того, чего мне ужасно хотелось. Вместо него я купил другое, более дешевое пиво. Я был обречен на покупки. Тут без вариантов. Толпа идет в одном направлении. Идет плотно, так что против течения идти невозможно. И если ты хочешь к выходу, то неминуемо делаешь большой круг. Причем людской поток все время отшвыривает тебя на прилавки со съестным. В общем, мне даже страшно представить, сколько денег оставляют здесь благополучные бундесбюргеры, приехавшие сюда на три-четыре часика с семьей.

Не очень повезло мне и с визитом в порт. Как я уже говорил, на него в это время опустился туман. В первый-то день его не было, но в первый день я не пошел в порт. Второй день был одновременно туманным и дождливым, и хотя я был в порту, всё же не захотел за 12 ДМ мокнуть на баркасе, осматривая туман. В последний день туман был высокий. Казалось, я кое-что увижу. Вместе с несколькими храбрецами, я взгромоздился на этот баркас и действительно кое-что увидел. Например – советское судно. Пока оно ремонтируется, его команда закупает «сами

видите, что», сказал сопровождавший нас гид. Это «сами видите, что» оказалось подержанными автомобилями. Конечно, я увидел еще кое-что, в частности, знаменитый гамбургский «Шпайхерштадт» (район старых портовых складов), по узким каналам которого можно пройти лишь на таких баркасах. Но настоящей панорамы порта я так и не увидел. Туман, как назло, снова опустился. Вот я и не знаю: видел я порт или нет?

Вообще, Гамбург – город красивый, веселый. И поневоле думаешь: надо же мне было попасть в этот затхлый Билефельд! Но, с другой стороны, ни одного известного учёного в Гамбурге вроде и не было, и нет. А в Билефельде всё же Л. под боком.

Вчера Л. как-то сломался и даже предложил подвезти меня к дому. Чувствуется, что через год-другой мы бы наладили с ним отношения. Я ведь человек, в общем, беззлобный. Вся моя агрессивность исчерпывается деловой сферой и ничего личного не имеет. Но понять это сразу сложно. Вот и Л. не сразу постиг. Выход своей агрессивности я дал на прошлом семинаре.

Некий болгарин, защищавшийся, кстати, в Москве, у Богомолова, по В., установил глубокое родство идей В. и Л. Но вместо того, чтобы говорить об этом, он зачем-то взялся рассказывать о политических переменах в Восточном блоке. И нес страшную околесицу. Я его съел. А все, что не доел я, аккуратно подобрал и прожевал Л. Даже студенты, которые обычно почтительно помалкивают, тоже начали неодобрительно квакать, когда этот болгарский орел заявил, что вот, мол, по В., человек – это существо, создающее образы («картины», как он выразился). Ну, и поскольку проклятый коммунизм этому не очень-то содействует, то как только вымерли те, кто эту свою способность развил при старом режиме, так коммунизм и рухнул. Потому и срок ему – 70 лет. То есть, это примерно то же самое, что ты так метко описал в своем рассказе о семинаре во Фройденберге и о героическом «историке».

Я иногда вспоминаю твои заметки по поводу этого семинара и летних выступлений в Берлине и Касселе. Многое, о чем ты пишешь, на самом деле очень интересно, хотя я с тобой не во всем согласен. То, что немцы собираются публиковать твой берлинский доклад, просто замечательно. В сущности, для нас внимание специалистов дороже денег. А когда одно с другим сочетается, что может быть лучше? Это я уже о твоих выступлениях в Дюссельдорфе и Бремене. Я вот из Гамбурга уехал за полную стоимость. Старушка не особенно вдохновилась моей

идеей искать Mitfahrt, это задержало бы мой отъезд. И я уехал на поезде.

Тебя интересует, что я думаю о выступлении поляка, которого ты так обильно цитируешь. Но для начала поделюсь предположением, которое кажется мне правдоподобным. Поляк, о котором ты пишешь, это скорее всего Адам Мичник – фигура известная. По радио «Свобода» или «Свободная Европа» я не раз слышал о нем и – его. Если я не путаю, то в 1980-е годы он был правозащитником, а сейчас – главный редактор какой-то либеральной варшавской газеты. Во всяком случае, я буду называть твоего поляка Мичником.

Стремление к культурной идентичности, восстановлению единства истории, борьба за государственную независимость – все это и есть самый настоящий национализм, точнее говоря, разные его направления и формы. Пренебрежение к чужому праву на национальное и человеческое достоинство – это отсутствие толерантности, национальная нетерпимость. Она, конечно, может носить националистический характер, но может быть и проявлением обычной ксенофобии, следствием плохого воспитания. Что касается русского национализма, то я, честно говоря, не вижу необходимой связи между ним и космополитическим коммунизмом. К тому же пока я наблюдаю не столько русский национализм, сколько латышский, эстонский, литовский, украинский, грузинский, польский и другие. Описан же русский национализм, может быть, и верно, но очень общо. Часть оправдательных аргументов «от русского национализма» мог бы привести всякий, кто знает историю России и СССР. И был бы прав. Вот так. Это мое мнение.

Думаю, что перекося в выступлении Мичника, действительно, есть. По-моему, он выглядит так. Все что, способствует подрыву Варшавского договора, СЭВа и самого Советского Союза, – это у Мичника «хороший национализм», т. е. вообще не национализм, а борьба за элементарные национальные права человека (поэтому меньший и слабейший прав всегда, а больший и сильнейший – никогда). И наоборот, всё, что этому подрыву не способствует, – это «плохой национализм», или собственно национализм, «последнее слово коммунизма». Согласен: установка-то у Мичника гуманная, но гуманизм получается какой-то однобокий. На мой взгляд, сомнительный. Где гарантии, что завтра, когда такой гуманизм победит, не появится очередной «меньший и слабейший» и не отнимет власть у Мичника с помощью такой же аргументации? И чем он тогда будет обосновывать свое право на власть – тем же гуманизмом или необходимостью соблюдать порядок и дисциплину? Тут, конечно,

не все так однозначно, как представляет Мичник. И я вполне тебя понимаю, когда ты пишешь об осадке. Все мы выросли из советской шинели. Но я тоже не считаю себя колонизатором и оккупантом и каяться мне не в чем. Да и перед кем?

История с попутчиком не только забавна, но и символична.

Что касается твоих сложных отношений с Р., то это, конечно, неприятно. Но мне кажется, что, когда ему снова понадобится спутник, готовый платить за бензин, он начнёт к тебе подлизываться.

Если ты приедешь в Билефельд в начале декабря, то моя радость не будет иметь границ. Но... Обещать тебе постель я не могу. По той причине, что хозяйка почему-то перестала менять мне белье, и я стираю его сам. При этом отношения у нас распрекрасные. Но попросить еще одну смену белья я не решаюсь. Другое дело – сама крыша над головой. Иметь её важно и – всегда пожалуйста! Кроме того, попотчую тебя глинтвейном.

Усилитель пока не купил.

Вот и все. Сегодня праздник, так что письмо придет на день позже.

С дружеским приветом,

Филипп.

[Подпись]

Бонн

09.12.90

Дорогой Филипп!

Спасибо тебе за письмо, за интересный, я бы даже сказал, весьма поучительный рассказ о Гамбурге.

Насчет поляка ты прав: его, действительно, звали Адам Мичник. Я вспомнил. Твое мнение о том, что он говорил, во многом совпадает с моим.

Сегодня воскресенье. Слава богу, не надо было никуда идти. Вчера, чтобы снять усталость, я выпил слишком много вина. Спал долго. Но долго – не значит хорошо. Мне приснился кошмарный сон.

Ты будешь смеяться: мне приснился «историк»! Он холодно смотрел на меня своими серо-голубыми немигающими глазами и спрашивал: «Ну, что? Ты доволен? Добился своего? И что нам теперь делать?». Появились Бинднеры. Я так и не понял, зачем они пришли? То ли они

хотели за меня заступиться, то ли, наоборот, пожаловаться на то, что я хотел их отравить? В любом случае, лучше бы они не приходили. Фрау Бинднер тыкала пальцем в миску, где плескалась темно-красная жижа и, срываясь на визг, орала: «Ist das Bortsch!? Soll das denn Bortsch heißen!? Das ist Blut, russisches Volksblut!». «Историк» ее оборвал: «Прекратите, госпожа Бинднер! Вам никто слова не давал».

Откуда ни возьмись появился Акчурин. Пьяный, он с трудом держался на ногах, но, заметив старика Бинднера, сразу протрезвел, набросился на него и стал нещадно колотить, приговаривая: «Вот тебе, проклятый Spießbürger! Отвечай, отвечай, сука, куда ты спрятал «Mein Kampf»?!».

Старик Бинднер молчал. Слышны были только удары – глуховатые по животу, гулкие по грудной клетке, сухие по голове. Вдруг Акчурин повернулся ко мне и заорал страшным голосом: «А-а-а! И ты здесь, продажная шкура! Traduttore traditore! Сейчас ты за всё получишь!». И начал дубасить меня тяжелыми кулаками по голове...

Спас меня «историк». Он оказался рядом в белом халате со шприцем наготове. Оттолкнув Акчурина, он склонился надо мной, осмотрел голову и сказал: «Товарищ Томилин совсем плохой. Он вам нужен живой?» Петька задумался. Воцарилось тишина. Тогда «историк» попросил меня высунуть язык и быстро всадил в него иглу. Язык отнялся, губы потеряли чувствительность, голова закружилась. «Чего они от меня хотят?» – подумал я. И вдруг понял! В этот момент я и проснулся – с криком, застрывшим в глотке, весь в холодном поту...

Немецкие подушки чересчур мягкие. Голова в них утопает, перегревается, а уши мнутя. Одеяло слишком легкое. Я его не чувствую, все время спадает. Матрас не в меру мягкий. Проваливаюсь в него и лежу, словно в гамаке. Утром просыпаюсь весь согнутый, как вопросительный знак. Не удивительно, что мне приснился такой сон.

Ты, наверное, спросишь, почему я не приехал на международную конференцию в Билефельд. Причин три. Во-первых, я решил подзаработать немного денег. Надо было срочно сделать письменный перевод. Кстати, я узнал, откуда у Акчурина всегда были деньги, – и на подарки жене, и на выпивку себе, и на штрафы полиции. Оказывается, Фехнер все время подкармливал его заказами на переводы по немецким расценкам! Так что Петька, в отличие от нас, тут совсем не плохо зарабатывал. Молча.

Во-вторых, я собирался поехать в Мюнхен, однако поездка сорвалась. Еще в апреле (!) написал письмо Александру Зиновьеву. Он долго

не отвечал. В сентябре, наконец, ответил. Попросил написать ему в начале ноября. И вот после моего вторичного ноябрьского послания (с просьбой дать ночлег на пару-тройку деньков) получаю от него письмо примерно такого содержания: дескать, позавчера я прилетел из Парижа с презентации моей последней книги, послезавтра улетаю в Чили, потому что в Сантьяго открывается выставка моих картин, а в таком коротком промежутке времени, я, к сожалению, помочь Вам не успеваю, а то бы с радостью помог...

Ну, ты понимаешь, это вежливый отказ. Мол, не надо, парень, по пустякам меня беспокоить, тут и без тебя хлопот полон рот. Ну, так и напиши правду! Не могу, мол, и все. И не надо ко мне лезть. И нужен ты мне как собаке – пятая нога. Знаешь, Филипп, что меня больше всего возмутило? Чистосердечное вранье. Письмо лживое, а придрататься не к чему – всё правда. Очень грамотно. Надо было еще выбрать за полгода такой «подходящий» момент, чтобы эдакое письмо написать! Не удержался и послал ему письмо примерно следующего содержания: дескать, позавчера я приехал из Бремена, где выступал с докладом, послезавтра уезжаю в Билефельд, где открывается международная конференция, а в такой короткий промежуток времени, к сожалению, не успеваю к Вам приехать, а то бы с радостью посетил...

В-третьих, все это мне, честно говоря, надоело. В принципе, я мог бы, наверное, изловчиться и успеть приехать в Билефельд. Мог бы. Не хватило желания. Не знаю, то ли меня лень обуяла, то ли я просто устал от Германии? Поймал себя утром на мысли, что считаю дни, оставшиеся до отъезда в Москву. Наверное, это главная причина и есть.

Купил себе еще ботинки, пару джинсов и кожаную куртку, причем не самую дешевую. Как и ты, не удержался и купил шесть компакт-дисков. В Москве таких нет.

Надеюсь, ты уже приобрел усилитель и второй видеоманитофон? Напиши подробно, если купил, что именно и почему.

С дружеским приветом,
Томилин.

Билефельд
12.12.90

Дорогой Саша!

Спасибо за письмо. Твой сон – это крик души! Подавленный. Тебя замучила совесть, дружище. Я – не психоаналитик, но, по-моему, это очевидно.

Ты, конечно, прав: постель здесь не та, к какой мы привыкли. Но ничего не поделаешь! Лучше не пей лишнего.

Письмо от Зиновьева – памятник его себялюбию. Он ведь в своих «Зияющих высотах», как Незнайка в Солнечном городе, всё про всех написал. Уж не знаю, кого он там прославил, а кого ославил. Только он один умный – а все кругом дураки. А как плодовит! Сколько книг и живописных полотен! Картины [зачеркнуто] я комментировать не буду. В «современном искусстве» и не такое бывает. Книги его читать можно – понять нельзя. Он логический маньяк. Его на самом деле ничего не интересует, кроме парадоксов и апорий. А вообще, я удивляюсь, как ты на него рассчитывал? Ходят слухи, будто он переругался чуть ли не со всей русской общиной Германии. Ему же надо всегда идти против течения. Хоть и ветеран войны, а прирожденный диссидент. Типа Руссо. Только Жан-Жака тянуло к морализаторству, а Зиновьева – к логизаторству.

Да, Петька – молодец. Надо отдать ему должное. Какая пронырливость! Нюх у него, как у собаки, а глаз, как у орла. Ну, а если честно, то это называется «деловыми качествами». Да, видно, их нет у меня. Я вот, ты знаешь, три месяца уже пытаюсь продать мамонтовую кость. Взял на свою шею. Бьюсь-бьюсь – ничего не получается. Кругом стена. Надеялся на тебя, но если ты ничего не пишешь, значит и у тебя никто не покупает эту злосчастную кость. Так что мне, в отличие от тебя и Петьки, не удастся подзаработать на чем-то еще, кроме научных докладов. А их лимит, кажется, вышел. Ну, ничего, спокойно проживу и на стипендию. В общем, мне её хватает.

Думаю, ты не откажешься прочесть описание моих покупательских мытарств. В конце концов, покупки – важная, если не важнейшая часть нашей тутошной жизни. И они как-то друг на друга замыкаются.

Вот, к примеру, известная тебе Н. села на мои очки. И в тот же день я сам сел на другие мои очки. Но если первые очки я как-то починил, то вторые лежали и ждали своего часа. Надо было менять оправу. Наконец,

пошел я в тот магазинчик-оптику, где я их и заказывал, там самые дешевые цены. Когда я узнал, что замена оправы стоит всего 20 ДМ, я осмелел и решил заменить оправу и на других очках, для дали. Во всяком случае, это на какое-то время снимает вопрос об очках совсем новых и очень хороших. Я сделал это, заплатив еще 40 ДМ. Для сравнения: в привокзальной «Оптике» мне предлагали самую дешевую замену за 72 ДМ. Но это только присказка, а сказка впереди.

Дело в том, что этот день я хотел посвятить многим покупкам сразу, включая усилитель и, возможно, колонки. Кстати говоря, я еще раз заглянул в «Хортен», где покупал маме пальто, и обнаружил, во-первых, что его уценили в два раза: изначально такие пальто стоили 235 ДМ, прежде чем скатиться через полупочётные 155 ДМ к позорным 95 ДМ. А во-вторых, я обнаружил, что их расхватали! Установил я этот факт благодаря последнему оставшемуся в продаже экземпляру неходового 18-го размера.

Ты, наверное, уже заметил: в преддверии Рождества немцы совершенно озверели и расхватывают все. Вот, пошел я в «С&А» и обнаружил, что те пиджаки, которые мне нравились, уценены – и раскуплены. Так что и я взял уцененный. Когда-то я хотел такой купить, но передумал. Сомнительная покупка, потому что цвет у него диковатый. В принципе, его носить можно, но он как-то не смотрится вместе с моими штанами, купленными в дорогих бутиках. То есть, снизу я получаюсь благородный, а сверху не очень-то. Но это только присказка, а сказка впереди.

К этому времени у меня еще и кончились дома продукты. Не все, но некоторые, к коим я привык, например, минеральная вода. Поэтому я зашел в магазин и купил их. Набрал, в общем, полную сумку. И только после этого пошел осматривать усилитель.

Было у меня две мечты. Купить «Техникс» за 400 марок [от руки вписана: цифра «2»], если окажется дороговат «Харман/Кардон» [от руки вписана: цифра «1»]. Ибо их так много, и все разные. На предварительном осмотре я увидел, что ценники указывают нечто для меня недоступное. Но один прибор был без ценника, и это вселяло надежды. Итак, думал я, если он стоит не больше 500 ДМ, я его куплю. Тем более, что я уже присмотрел колонки «Кантон» по 170 ДМ каждая. Получалось очень мило. Дорого, но мило, ибо я, между прочим, решил пока второй видеоманитофон не покупать (ответ на твой вопрос). Так что общий расход оказывался тем же. Итак, захожу я в гешефт, осматриваю товары. Нахожу множество колонок, включая указанный «Кантон», и «усилите-

ли» в большом числе. Пошел я к «Харману и Кордону», то бишь, усилителю. Какое-то гнетущее чувство охватило меня, когда я его узрел. «Какой же ты большой, какой огромный», – тоскливо подумал я. И в этот момент обнаружил ценник, ранее мной не замеченный. Это была вполне приличная цена: 495 ДМ. Надо было решаться. Если бы в этот момент ко мне подошел продавец, все было бы решено. Но он подошел не ко мне. И я стал кружить около усилителя. Осматривал его со всех сторон.

Так вот не зря я морочил тебе голову рассказом об очках и других обстоятельствах. Очки на мне были. Но – среднесильные. Нагнулся я, чтобы усилитель-то получше разглядеть. А за спиной – громадная сумка. И я, конечно, этой сумкой задел какой-то прибор. Какой-то музыкальный центр. При своей жизни он был, кажется, фирмы «Шнайдер». Прибор упал и разбился. Конечно, если бы он разбился на мелкие кусочки, мне было бы нехорошо. Но от него откололись только некоторые части. Тут продавец, наконец, отвлекся от своей беседы с покупателями и подошел ко мне, хотя я уже и не рад был его приходу. Он пробурчал, что все это можно склеить и что совершенно незачем с такой громадной сумкой ходить по магазинам. Конечно, он был прав. Но я не стал с ним разговаривать. Я просто молча ушел. От греха подальше. Пока не выяснилось, что, может быть, «Шнайдер» не так просто склеить.

Но как быть? Ни в одном другом магазине Билефельда этой маркой не торгуют. Тогда я стал думать: а зачем мне это? Все равно мне такой мощности, как тебе, не нужно, ибо рок я почти не слушаю. И вообще это дорого. И потом, он очень большой, и мне с ним еще лезть в поезд. И кроме того, у меня в кармане проспект «Техникс», где есть усилитель за 400 ДМ и с тестом в «Стереоплэй» – 4-е место в «высшем классе». Или «высшем классе» в IV разряде? Я что-то запутался. Но ясно, что мне этого по уши хватит.

И вот я иду в «Карштадт», заваленный этими «Техниксами». Но, разумеется, ничего дешевле 1157 ДМ я там не нахожу. Нехорошее предчувствие посетило меня. Я рванул в «Хортен» – ни хрена. В «Квелле» продаётся «Филипс» с указанием, что он победил в тесте «Стереоплэй» в 1989 г. И стоит он 400 ДМ. Но мне уже крепко засело в башку: надо купить «Техникс». И тут я пошел в маленький гешефт, где мы с тобой были в твой первый приезд в Билефельд. Я тогда уверял тебя, что это нечто особенное, а ты был разочарован. Там я нашел все. И совсем маленькие колоночки, и «Техникс». Долго я ждал своей очереди, пока про-

давец уговаривал какую-то девку взять музыкальный центр за 2000 ДМ с чем-то, а она колебалась и говорила, что дорого. «Зато звук какой!» – не отставал продавец. – «Дорого...», – задумчиво повторяла она. Так и ушла ни с чем.

А я дождался своего часа. Задал продавцу парочку дурацких вопросов об усилителе «Техникс», чтобы показать себя знатоком, а потом перешел к колонкам. «Эти колонки, – сказал продавец, – не имеют никакой ценности без «сабвуфера» с басами». – «Для меня, – неосторожно сказал я, – цена не главное. Главное – как это уволочь». – «О! – загорелся продавец. – Это не проблема. Я Вам все упакую в одну коробку, и стоит это будет всего 1100 ДМ». – «А нет ли у вас «Кантона», – тоскливо спросил я. – «Есть. Но я не хочу Вас обманывать. Там Вы ничего из низов не услышите». – «Ну, ладно, – говорю ему я. – Оставим пока что колонки. Давайте усилитель».

И вдруг выясняется, что он последний! Его снимают с полки. Я живо вспомнил твой опыт с магнитолой «Айва» – и ретировался. «Сейчас так повсюду в Германии! – кричал мне вдогонку продавец. – Сейчас все покупают к Рождеству подарки – себе или друзьям в Россию!».

Ну, с чего он взял, что у всех немцев есть друзья в России, я не знаю. А вот лично у меня положение вырисовывалось отчаянное: либо возвращаться на место преступления за неподъемным и дорогим «Харманом / Кордоном», либо покупать сомнительный «Филипс» в сомнительном «Квелле», либо вообще ничего не покупать и упустить редкую возможность увезти все это через пару недель домой.

Всё, о чем я написал выше, было позавчера. А сегодня свершилось!

Я пошел покупать «Хармана...» Но путь мой лежал мимо «Юпита», где я когда-то купил свой видик. Я зашел туда и обнаружил маленький скромный «Денон» за 400 ДМ. И «Луксман» за 500 ДМ. Тоже маленький. Воззвав к продавцу, я запросил данные. Он сунул мне какие-то бумажки. И тут я выяснил, что в том же тесте, где так отличился «Техникс», этот «Денон» поставлен на порядок выше, т. е. не то на 3-м месте, не то в 3-м разряде. А про «Луксмана» ничего такого написано не было. И я сломался. Причем радикально. Ибо выяснилось, что «Денон» тоже последний – все разошлись. И к тому же у него царапины на верхней крышке. Но я уже был готовенький. Я согласился на небольшую уценку (около 10 марок). Мы замазали это место чем-то черным, так что теперь я уже и сам с трудом нахожу, где и что там было. Гарантия – 2 года. Как у «Техникса» и у «Хармана». (Кстати, у «Луксмана» – 3 года). Выходная

мощность на 4 ома – по 53 ватта, на 8 ом – 37, с частотами 20-20000. Больше мне заведомо не нужно. (А между тем, у «Техникса» – по 75 ватт за те же деньги!). От колонок я после вчерашнего разговора решил пока отказаться. Зато взял вместо них за 100 ДМ наушники фирмы «Кварт» с гарантией на 5 лет. Впрочем, там же мне обещали за 500 ДМ хорошие небольшие колонки. Посмотрим.

Но кое-что сильно омрачило мое торжество. Дело в том, что я не обнаружил там входа для обычного проигрывателя. Или я чего-то не понял? Правда, я установил, что вход от CD-плеера заменяется другими входами, например, входом для тюнера. Да и в руководстве туманно говорится о «других приборах», которые можно подключить туда же. Если учесть, что кроме видео, тюнера, деки и CD ничего, кроме проигрывателя, звуков не выдает (впрочем, нет – еще микрофон), то, может быть, я еще не такую сильную ошибку совершил.

А маленький он до того, что прямо в упаковочной коробке влезает в мой чемодан. Правда, от коробки я, может быть, откажусь, дабы выиграть место. Засуну его просто в чемодан, укутаю, как младенца, в тряпки – и все. Насколько я мог судить по наушникам, работает он (и они) нормально. Единственное, что регуляция верхних и нижних тонов особенно ощутима, только начиная с середины громкости. А середину этой громкости в наушниках я лично уже не выношу.

На радостях я купил еще один компакт-диск (за десятку!) с избранными местами из Дон-Жуана Моцарта. Надел наушники, поставил громкость примерно на одну четверть. И чуть не получил разрыв сердца от первых тактов увертюры!

Не могу утверждать, что я совершил правильный выбор. Но я уже где-то читал, что «Денон» сильно прогрессировал в последнее время. Хотелось бы верить, что этот прогресс распространяется на надежность.

Вот такая история. Как видишь, ничего возвышенного. Но я хочу верить, что ты не скучал, читая ее.

Не забудь, что я уезжаю 22-го декабря. Ты хотел прислать мне письма для своих.

Всего доброго,
Филипп.

Бонн
16.12.90

Дорогой Филипп!

Спасибо за ответ. Поздравляю с покупками!

Перейду напрямик к делу. А дело в том, что вчера и сегодня произошли два события, которые меня глубоко потрясли. Начну по порядку, со вчерашнего.

Уж не знаю, что на меня нашло, но три дня назад я выбрал подходящий момент и спросил Бинднера, не завалилась ли у него случайно где-нибудь книга Адольфа Гитлера «Mein Kampf». «А зачем Вам?» – спросил он. – «Да просто посмотреть. Я её никогда не видел. Может быть, почитаю местами. Ненадолго». Бинднер внимательно посмотрел на меня поверх золотой оправы очков и тихо сказал: «Надо поискать. Где-то была».

И вот вчера он сам поднялся в мансарду и преподнес мне книгу со словами «Только для Вас, господин Томилин, только для Вас. Первое издание. Читайте. Но прошу быть аккуратным и обязательно вернуть. Не забудьте». Я заметил, как у старика дрожали руки. Он ушёл, а я еще долго стоял в задумчивости.

«А что, собственно, произошло? – думал я. – Разве наши старики не хранят у себя сочинения Сталина? Тем более, первые издания. Ведь они имеют историческую ценность. Почему я должен подозревать гостеприимных Бинднеров в приверженности национал-социализму? Нет, это полный бред! Я же знаю – они милые, добрые люди».

И все же мои чувства перепутались так, что я не мог в них разобраться.

«Ладно, – решил я. – Надо знать врага, чтобы с ним бороться».

И открыл «Майн Кампф».

Текст был набран готическим шрифтом. В школе я его учил. К нему надо было просто привыкнуть.

Первое (что меня удивило) – это язык. Книга написана хорошим литературным языком. От молодого «бесноватого» фюрера я такого не ожидал. Сочинение Гитлера редактировалось?

Второе (уже по первым страницам): у меня создалось впечатление, что автор – далеко не тупой болван и уж совсем не тот истеричный идиот, каким его представляют в советских фильмах. Автор был человеком образованным, интеллектуально развитым, умным, рассудительным.

Третье (впечатление после первых трех глав): книга плоская, прямолинейная, оттого скучноватая. Отчасти это объясняется нежеланием или неумением автора использовать сложные композиционные приемы, отчасти – патологическим антисемитизмом, граничащим с паранойей. Как только речь заходит о евреях, автору изменяет не только чувство стиля – он теряет здравый смысл и чувство реальности.

Четвёртое, что я должен был констатировать (к собственному ужасу): не такое уж это безумие – национал-социализм. Или, во всяком случае, – безумие не многим большее, чем марксизм-ленинизм с его учениями о классовой борьбе и мировой революции. (Вспомним пресловутую присказку Маркса о том, что «насилие – повивальная бабка истории».) Национал-социализм – рафинированная психологически заразная идеология. Она очень заразна, потому что ее сердцевина – ксенофобия, она есть во всех уголках мира. Закваска у нее инстинктивно-иррациональная, мифологическая. Но оформление имеет вполне рациональное, даже научное.

Мне, как ты знаешь, тоже ведь приходили в голову мысли об улучшении качества человеческого материала народонаселения путём генетически обоснованного искусственного отбора (евгеники). Не вижу в этих мыслях ничего крамольного. И Гитлер не был первооткрывателем этой темы. Думали об этом другие до него (в Англии) и одновременно с ним. Взять, к примеру, нашего Константина Эдуардовича Циолоковского.

Может быть, это преступные мысли? Или всё-таки безумие? Нет. Нет. И еще раз нет. Люди постоянно будут к этому возвращаться и, в конце концов, найдут приемлемые методы. Генетика сейчас стремительно прогрессирует. Все дело в мотивах. А осознать мотивы мне как раз и помогла эта книга. Я скажу абсолютно честно: с ее автором меня объединяет не любовь к «прекрасному далёко» – мы с ним видим его по-разному, – а ненависть «к безобразному близкому». Для Гитлера все мировое зло сосредоточилось в евреях, для меня – в косном «совковом» менталитете моих дорогих соотечественников, в «совке» («советском человеке») как его живом носителе. Мое отношение к советскому народу примерно такое же, как у фюрера Третьего Рейха – к евреям. Ну, может быть, оно чуть более рассудочное, не такое болезненно-маниакальное.

Таким образом, разница – лишь в объекте, к которому применяется научно-обоснованная демографическая политика, а не в сути и даже не в методах самой политики. Да-да, я допускаю, что методы могут

быть насильственными, а насилие всегда жестоко. История XX века это продемонстрировала. Ленин и Троцкий, Сталин и Гитлер, Муссолини и Франко, Мао-Цзе-Дун и Пол-Пот, Ким-Ир-Сен и Пиночет... Вот самые великие убийцы, но сколько их было рангом поменьше. Нельзя ведь просто так взять и отказаться от ненависти, вдруг взять и полюбить ненавистное. Это невозможно. Да и не нужно. В современном мире это ведет к гибели. И какие у них были методы? Отвечаю. Можно сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, загубить сотни тысяч невинных людей – и стать героем США! А потом можно убедить японцев, что атомные бомбы сбросили ради их же блага, что США – лучший друг Японии, а японцам лучше публично не говорить, президент какого государства приказал бомбить Хиросиму и Нагасаки. И японцы будут считать янки своими лучшими друзьями! Можно получить от Сталина орден Суворова первой степени – и прославиться потом в роли экономического спасителя Старого Света! Это я уже о Дж. К. Маршалле и его знаменитом плане, с которого, говорят, и началась «холодная война».

У человека есть природа, и её не переломишь. Пока у человека в печени желчь, он будет ненавидеть. Если политическое начинается, по Карлу Шмитту, с «врага», то политика начинается с ненависти. Если Ницше прав и «бог умер», тогда всю полноту ответственности за мироздание должен взять на себя Человек! Методологический (научный) атеизм как ненависть к богу, его тотальное отрицание с милой оговоркой «ничего личного» – таков, хотим мы того или нет, фундамент современного гуманизма и всей человеческой цивилизации.

Сталин и Гитлер, осуществляя идею Троцкого о трудовых армиях, слишком торопились – устраивали концентрационные лагеря, ГУЛАГ. Они рвались к завоеванию всего мира. Но торопиться не надо. Весь мир не завоюешь. А если и завоюешь, то все равно не удержишь в подчинении. Искусственный отбор путём чрезмерного насилия порождает мощную ответную волну народного сопротивления. Необходима гуманная квазиестественная селекция, которая может быть рационально организована, научно обоснована и не вызовет ответную волну народного сопротивления.

Гуманно ли стерилизовать бездомных собак? Да. А усыплять бешеных? Да. Но еще более гуманно усыплять бешеных людей, страдающих неизлечимыми патологиями тела и психики. Потому что бешеные люди куда опасней бешеных собак. Этой цели можно добиться, например, путем либеральной политики планирования семьи. Захватывать

территории и поработать народы – это практики прошлой исторической эпохи. Нужна стратегия и тактика мирного завоевания под флагом свободы и демократии. Тогда народы-объекты или нежелательные слои общества отдадут народу-субъекту или, соответственно, элите общества всё самое дорогое, что у них есть, а сами потихоньку вымрут. Как раз благодаря демократии и свободе они сами себя уничтожат – гражданской войной, плохим питанием, суррогатным алкоголем, сильными наркотиками, неограниченным развратом и т.п. Над этим еще надо хорошенько подумать. Рациональная гуманная политика в области народонаселения не обязательно должна сочетаться с тоталитарным политическим режимом. И даже – с авторитарным. Она вполне совместима с демократией и принципами либерализма. Вполне!

Я считаю, что в нашей стране – при сохранении демократических свобод – необходимо действовать намного жестче, чем это делает Горби. Нужны по сути радикальные, революционные меры – но обязательно упакованные в привлекательную для народных масс обёртку, в демократическую и либеральную фразеологию. Удар должен быть мягким, но очень сильным – настолько, чтобы стать смертельным для тех слоев населения, которые тормозят наше движение вперед. Пусть вымрут все старпёры-сталинисты! Всем будет только лучше. Кому они нужны? Какая от них польза? От них только вред. Пусть подохнет всё это спившееся деревенское быдло! Оно давно потеряло человеческий облик, а между тем, от его имени рассуждают об особом историческом пути матушки-Руси! Пришло время поставить точку на этих пустых разговорах. Иначе нам Запад никогда не догнать и ничего нового не построить.

Нашу страну ожидают не просто большие перемены – её ждут неслыханные тектонические сдвиги. Возможно, и революция. Да-да, революция! Я это предчувствую. И нам теперь нельзя стесняться в средствах. Жалость погубит нас в очередной раз. Нельзя допустить, чтобы кто-то умственно отсталый цеплялся за старое и мешал новому пробиться к жизни. Надо разрушить красный тоталитаризм, выкорчевать его православные коллективистские корни! Надо сделать все, чтобы демократия победила окончательно и бесповоротно! 1990-е годы должны стать эпохой великого перелома, окончательного разрыва с посконной Русью и совковой Россией с ее общинно-коммунальной психологией. Это наш последний шанс. Иного не дано. Если мы его упустим, потомки нам этого не простят...

[Зачёркнут целый абзац]

Филипп, ты уж меня извини. Писал вчера ночью, махнул мозельского и впал в патетическую эйфорию. На этом «революционную» тему закрываю.

Сообщаю теперь о невероятном событии, из-за которого я и мозельского махнул, и в эйфорию впал.

Устал, поэтому буду краток.

Вчера утром мне вдруг звонит А. (я еще не ложился спать) и говорит, что ждет меня – «но не только меня». «А кого еще?», – тупо спрашиваю я. – «Ну, подумай. Вспомни конец августа. Прошло уже почти четыре месяца».

И тут, наконец, до меня дошло! Она звонила из дома и не хотела говорить открыто.

Филипп, она ждет от меня ребенка!

В мае следующего года я стану отцом!

У меня будет ребёнок!

В общем, я могу долго восклицать, но это ничего не выражает. Чувства, которые я в тот момент испытал, невозможно передать словами. Наверное, это и называется «счастьем».

Я заканчиваю. Чертовски вымотался.

Да. Насчет костей твоего друга. Предложений с улицы здесь никто всерьез не воспринимает. Отмахиваются. Только в одном месте мне вправили мозги – объяснили почему же так происходит: «Кость мамонта – это, конечно, super! Но, извините, у нас легальный бизнес. У нас есть договоры с поставщиками. Мы не имеем права приобретать товар со стороны. Возьмем у вас кости, получим сегодня большую прибыль, а завтра поставщики расторгнут с нами договоры, и мы лишимся бизнеса. Вы бы стали так рисковать? Пусть лучше Ваш друг напишет письмо в правление фирмы и там его рассмотрят». Сам понимаешь, такой поворот дела никого не устраивает – ни меня, ни тебя, ни, полагаю, твоего друга. Что делать с костью? Пытаться предлагать дальше?

С дружеским приветом,

Томилин.

[Клочок бумаги размером в 1/4 листа писчей бумаги;
написано от руки]

Дорогой Саша!

Твое последнее письмо меня просто ошеломило...

Все порывался написать тебе ответ, а получилось вот что.

Я сваливаю. Тяжело заболела мать. Сохраняй в секрете. Я не смогу вернуть фонду деньги после того, что уже накупал. Если Тиль про меня спросит, скажи: вроде собирался по Германии путешествовать. Надеюсь, не спросит.

Кости никому больше не предлагай. Ничего из этой затеи не вышло.

До встречи в Москве.

Желаю тебе счастья.

Твой Ф. Радецкий

22.12.90

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Обратный отсчет.....	4
Глава 2. Заклинание духов.....	32
Глава 3. Сотворение сказки	64
Глава 4. Кульбиты фортуны	91
Глава 5. Обратный отсчёт.....	121

Матвей Полушкин

Литературно-художественное издание

В гостях у немцев

Переписка трёх не очень благодарных стипендиатов
одного очень демократического фонда ФРГ

Подписано в печать 25.12.2019

Формат 60x90 1/16. Объем 9, 3 печ.л.

Бумага офсетная.

Издательство «Русская школа»

www.rusterra.com

e-mail: rusterra79@mail.ru

Отпечатано

в ПАО «Т8 Издательские технологии»

тел. 8(495) 322-38-30